182 119.

182 119

КАБИНЕТ РУССКОГО ЯЗЫКА
Восточного Педагогического Института в Казани

Проф. Е. Ф. БУДДЕ

МЕТОДОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ч 203

КАЗАНЬ
1928

Проф. Е. Ф. БУДДЕ

70
182 119

МЕТОДОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

4203

КАЗАНЬ
1926.

Отдельный оттиск из „Научно-Педагогического Сборника“
Восточного Педагогического Института № 1, 1926 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
965651

Татлавлит № 1005. Тираж 200 экз.
Полиграфическая школа имени А. В. Луначарского, Казань. Черноозерская, 9.

Методология русского языкознания.

I.

НАУЧНАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА.

(Отдел методологический)

Мы имеем представление о грамматике русского языка по школьным учебникам. Школьные учебники очень далеки от принципов науки о языке, а между тем грамматика языка есть отдел науки о языке, называемой языкознанием. Следовательно, если грамматика является одним из отделов языкознания, то она должна быть построена на тех же основаниях, на тех же принципах, на которых строится и все языкознание, как особая наука. Только в этом последнем случае грамматика языка является *научною грамматикой* и не расходится с научными представлениями о языке. Каковы же эти принципы, и каковы должны быть наши представления о грамматике? Научные принципы изучения языка познаются из самого определения языка. Язык определяется в науке так: язык есть членораздельное выражение наших мыслей при помощи звуков. Стало быть, звуковое выражение мыслей, способное расчленяться на части, служащие членами наших мыслей, составляет об'ект науки о языке. Членами звукового выражения нашей мысли являются *слова*. Следовательно, изучение языка в порядке последовательности составляющих его элементов должно начинаться с изучения слов в их строении. При ближайшем рассмотрении оказывается, что слова, входящие в состав языка, сами состоят из звуков, т. к. звуки являются составной частью слова, хотя сами звуки языка не составляют еще языка, а служат лишь *материалом*, из которого составляется, строится язык, как сумма слов, имеющих определенное значение, понятное для каждого говорящего на данном языке. Таким образом, звук языка один или в сочетании с другим или с другими звуками данного, одного и того-же, языка становится в нашей речи словом Стало быть, наша речь составляется из слов, а слова—из звуков. Отсюда вытекает то, что мы вправе сказать, что наша речь есть *сочетание слов*, а слова являются *сочетаниями звуков*. Так как наш язык является таким образом *языком слов* (а не жестов, например), а слова, состоя из звуков, становятся их производными элементами, то чтобы наука о языке охватила весь материал, подлежащий изучению, надо начать с изучения элементов слов, а потом

перейти к изучению элементов их сочетаний, к изучению элементов словосочетания. Мы видим, стало быть, что научная грамматика есть наука, изучающая элементы слов и элементы словосочетаний; а всякое словосочетание состоит из таких видов слов, которые в грамматике называются *формами слов*. Следовательно, грамматика изучает элементы слов (звуки) и элементы словосочетаний (формы). Такая грамматика является *научною* грамматикой. А самые элементы слов и словосочетаний, поскольку они являются элементами, необходимыми для построения слов и их сочетаний, называются *морфологическими* элементами, так как и каждое слово, входя в состав словосочетания, принимает тот или другой вид, называемый *формою слова*. („Форма" по гречески называется μορφή—морфэ; откуда „морфология"—наука о формах). Отсюда мы видим, что принцип, которому должна следовать научная грамматика, является *морфологическим принципом*, и на этом принципе строится грамматика языка, если она является *научною грамматикою языка, а не практической*. Теперь возьмем примеры и на примерах покажем, как проводится морфологический принцип в изучении языка. Если мы скажем по-русски фразу: „Я пью воду" или: „мы пьем воду" или: „они пьют воду", то мы легко поймем, что форма „воду" вызвана к жизни в этих словосочетаниях словами, формами слов: „пью", „пьем" и „пьют", так как стоит нам только уничтожить в этих словосочетаниях формы слов: „пью", „пьем", „пьют", как немедленно исчезнет, сама собой, уничтожится и форма „воду". Отсюда ясно, что форма „воду" обусловлена в этих словосочетаниях формами „пью", „пьем" „пьют". Если мы сравним с приведенными словосочетаниями следующие „я пью чай", „мы пьем чай", „они пьют чай", то опять увидим, что формы „пью", „пьем", „пьют" вызвали к жизни форму „чай". Следовательно, форма „чай", должна быть такой-же грамматической формой, как форма „воду", потому что эти обе форы: и „воду" и „чай" вызваны одними и теми же словами (формами слов): „пью", „пьем", „пьют". Стало быть, форма „воду" представляет собой ту-же граматическую категорию, что и форма „чай". Эта грамматическая форма, форма об'екта при словах: „пью", „пьем", „пьют" называется формою винительного падежа ед. числа. Это значит, что при таких глаголах, как: „пью", „лью", „тежу" и под. название об'екта действия обозначается формою вин. падежа. Но мы только что признали, что и форма „чай", как форма об'екта действия, обозначенного теми же самыми глаголами: „пью" и под., должна быть тоже формою вин. падежа. Однако форма „воду" имеет одно морфологическое строение, а форма „чай"—другое. Другими словами: одна и та же форма вин. падежа имеет различные окончания в различных словах: „воду" и „чай". Отыскивая причину такого различия в строении одной и той же формы различных слов, мы видим, что слова жен. рода на—*а* („вода") имеют форму вин. падежа

ед. числа на—*у* („вода“ —„воду“), а слово „чай“ не оканчивается на—*а*, и потому форма его винительного падежа не имеет окончания—*у*. Следовательно, окончания вин. падежа имен существительных стоят в зависимости от окончания именительного их падежа. Имена такого строения, как слово „чай“ имеют форму вин. п. ед. ч. тождественную с формою им. падежа. ед числа.

Равным образом, если я возьму словосочетания: „я пью мед“, „квас“, „вино“, то слова: „мед“, „квас“, „вино“, „чай“, стоящие *по требованию* слова „пью“, т. е. вызванные словом „пью“ к жизни в словосочетаниях, должны оказаться тоже формами винительного падежа, т. к. этими формами выражается, как мы видим, *об'ект действия „пью“*. Мы так и будем называть эти формы формами *винительного падежа об'екта*. Таким образом, в русском языке только слова на *а* имеют форму вин. п. ед. числа на—*у*. При сравнении формы падежа об'екта при глаголе „пью“ с формами падежа об'екта при глаголах: „лью“, „цежу“ мы усматриваем, что глаголы: „пью“, „лью“, „цежу“ и под. управляют формою вин. падежа об'екта, а форма управления называется *конструкцией глагола*.

Следовательно, у всех этих глаголов—одна и та-же конструкция, т. е. одно управление, именно, они требуют винительного падежа об'екта. А глаголы, требующие вин. падежа об'екта без предлога, называются *переходными* глаголами. Но если мы при переходном глаголе поставим отрицание „*не*“, т. е. скажем: „не пью“, „не лью“ и проч., то и винительный падеж об'екта заменится родительным падежем: „я не пью *воды*“, „я не лью *воды*“, „я не цежу воды“ и под. „мы не льем, не пьем, не цедим *воды* и под. Вот эти особенности форм управления в русском языке составляют *грамматический строй русского языка*; а грамматический строй в каждом языке, представляя свои особенности, составляет отличие этого языка от других языков. В предыдущих примерах мы видели различные формы слова „вода“: форму вин. падежа—„воду“, форму род. падежа—„воды“ и убедились в том, что *формы слов служат средством связи слов и образуют из слов словосочетания*, причем в словах при их изменениях для целей сочетания друг с другом одна часть слова остается *неизменяемою*, а другая изменяется по требованию другого слова в словосочетании. Так, мы видели в слове „вод-а“ неизменяемую часть этого слова „вод“—и изменяемую часть—„*у*“, „*ы*“: я пью вод-*у*“, „я не нью вод-*ы*“ и проч. Неизменяемая часть слова называется его *основою*, а изменяемая—*формантом*, или *флексией*. Форманты, или флексии образуют при основе формы склонения имен существительных или других частей речи.

А осноза вместе с формантом или флексией образуют форму слова. Следовательно, *формою слова называется способность слова, распадаться в нашем сознании на основу и аффикс*, причем

аффиксом мы называем вообще ту часть слова, которая не принадлежит к основе. Слова сочетаются друг с другом в речи *формантами*, т. е. изменяемыми окончаниями. Следовательно, *сочетание слов происходит по принципу связи между словами посредством изменяемых окончаний слов, или флексий.* Для различения форманта и флексии я возьму пример и на нем покажу, какую часть взятого мною слова мы называем флексией и какую—формантом. Напр., в слове: „на-след-ств о" флексией будет изменяемое в процессе склонения окончание—„о", которое в родительном падеже ед. числа изменится в—„а", в дательном п. ед. ч.—в—„у" и т. д.: наследств—*о*; наследств—*а*; наследств—*у*... Все то, что остается в этом слове за отнятием флексий падежей, будет *основой*, именно: *наследств.*

Но в этой основе надо различать, в свою очередь, *непроизводную основу*, называемую *корнем* слова и производную основу: наследств—есть производная основа; она произведена из непроизводной—„*след*" и префикса *на*—и суффикса—*ств*. Вот все это, кроме части слова—„*след*"—будет составлять *аффикс* слова „наследство". Следовательно, формантами в этом слове „наследство" будут части его: „*на*", „*ств*" и „*о*", причем часть изменяемая в склонении, именно „*о*" будет называться также *флексией*, а части „*на*" и „*ств*" *неизменяемые в склонении, но и не принадлежащие в то-же время непроизводной основе, дудут называться*: „*на*"—*префиксом*, а „*ств*"—*суффиксом*.Таким образом, все префиксы, все суффиксы и все флексии будут составлять собой *форманты* слова или его *аффикс*. Весь аффикс слова со всеми его частями, из которых состоит этот аффикс, называется *морфологической частью слова*, а части этой части слова, если они есть в слове, называются *морфологическими частями слова*. Стало быть, простейшим типом слова по его морфологическому строению будет тип, состоящий из не *производной основы* (корня) *слова* и *изменяемой флексии*. Напр., след-ъ, след-а; след-у и т. п. Такое слово называется *первообразным* или *кореннным словом*. Всякое же *производное* слово уже будет заключать в себе морфологическую часть, называемую *аффиксом*. Напр., след-ъ, по-след-ъ, на-след-ств-о и проч. Значит, под аффиксом разумеется не только изменяемое окончание (флексия) слова, но и все морфологические части слова, не принадлежащие к непроизводной основе (корню) слова: напр., непроизводная основа (корень)—крас, а аффикс в слове „*прекрасный*": *пре,-н,-ый*, причем—*ый*, как изменяемый в процессе склонения (—ый,—аго, ому...) носит название флексии. Отсюда вытекает, что формою слова мы признаем способность этого слова распадаться в нашем сознании на основу (производную или непроизводную) и аффикс: формами слова „садъ" будут формы: „сад-ъ", „сад-а", „сад-у", „сад-ом",„сад-е", „сад-ы", „сад ов", „сад-ам", „сад-ами", „сад-ах". Само собой разумеется, что когда слово „садъ" было двух сложным, т. е. когда „ъ"

произносилось, как особый гласный звук, то слово „садъ“ было формою, и эта форма называлась формою именительного или винительного падежа единственного числа. Из определения формы следует, что *формы слов представляют из себя элементы словосочетаний*, а *элементами слов являются*, как мы видели, *звуки*. Отсюда и возникает определение грамматики языка, как науки. *Грамматика есть наука, изучающая элементы слов и элементы их сочетаний, а всякое словосочетание состоит из таких видов слов, которые называются формами слов.* Стало быть, элементом слова является звук, а элементом словосочетания является форма. Отсюда: грамматика изучает звуки слов и формы слов. Как без звуков нет слова, так без форм нет словосочетания. Форма же, как мы видели, образуется сложением частей, называемых морфологическими частями слова. Морфологические части слова следующие: *основа, которая может быть и корнем, если она не производная; префикс, суффикс, и флексия.* Префикс, суффикс и флексия, вместе взятые, образуют *аффикс слова.* Не надо смешивать основу слова с корнем слова: *основой слова мы называем ту часть слова, которая остается неизменяемой при перемене падежных или личных окончаний; а корнем слова мы называем простейшую, односложную, неразложимую и неизменяемую часть слова, от которой образуется целая группа слов сходного значения, именуемая, семейством корня* Есть и двухсложные корни, но во всяком случае они должны представлять собой *непроизводную основу слова.* В древнейшую эпоху жизни языка корни, вероятно, были только односложные: напр., в слове: „*препятствие*“ корнем будет слог „*пя*“ (пѧ, pę), а все остальное в нем—аффикс; последний звук этого слова „*е*“ есть *изменяемый в процессе склонения аффикс, т. е. флексия. Основ слова* в склонении и спряжении *может быть несколько, а корень всегда один* в целом семействе слов. Морфологический принцип изучения грамматики языка требует от нас того, чтобы мы отдавали себе ясный отчёт в строении каждого слова, чтобы мы умели найти в нем корень, основу склонения или спряжения и все прочие морфологические части. Как при изучении элементов слов мы должны будем исходить (см. ниже) из *физиологической* классификации звуков языка, основанной на изучении физиологической природы звука, так при изучении элементов словосочетаний мы должны исходить из *морфологической* классификации форм слов, основанной на изучении морфологической природы каждой формы слова. Только при этом условии мы познаём генетическое отношение (отношение по происхождению) между звуками и формами; только при этом условии мы узнаем причину видоизменения звуков в словах при их произношении и понимаем основы формального строения слов в их сочетаниях в связной речи. Из предыдущего также следует, что для образования *формы*

слова достаточно лишь одной флексии, или *изменяемой части слова*, называемой *формантом*, который присоединяется к основе слова: ни префиксы, ни суффиксы слова не образуют формы, которая своим *изменяемым* элементом связывает слова в сочетаниях. Следовательно, *в форме слова мы разумеем лишь изменяемый аффикс слова,* прочие же аффиксы не обусловливают собой образования формы слова, т. к. они не способны связывать собой слова в их сочетаниях друг с другом. Короче говоря, лишь *внешние* морфологические части слова, стоящие *на конце* слова и *изменяющиеся* в склонении и спряжении, служат элементами *связи* слов и образуют из слов сочетания их. Ни внутренние морфологические части слова, входящие в состав основы его, ни внешние, стоящие в начале слова, не способны связывать слова в сочетания. Поэтому можно сказать, не рискуя быть не точным, что *флексии слов служат средством сочетания слов в цельные словосочетания.*

Мы рассмотрели принципы морфологического изучения языка, познакомились с элементами слов и с элементами их сочетаний, узнали, как проводится морфологический принцип в изучении языка и можем теперь сказать, что называется научным изучением языка и каковы цели такого изучения. Выше мы познакомились также с элементами слов и представили таблицу физиологической классификации звуков русского литературного языка. Припомним, что в *форме* слова „вод-ою“ признали мы элемент словосочетания, а в звуках в о-д-о-j-у признали элементы слова. Звуки, являясь элементами слов, составляют в научной грамматике тот отдел ее, который называется *фонетикой* (учением о звуках); а формы составляют собой отдел *морфологии* (учения о формах). Значит, грамматика состоит из двух отделов: из фонетики и из морфологии. Так как *звуки* не составляют еще языка, но служат лишь *материалом*, из которого составляется язык, то в научной грамматике сперва изучается отдел фонетики, т. е. материал, из которого составляется язык, а потом— отдел морфологии, в котором мы узнаем строение форм, входящих в состав языка, как членораздельного выражения мыслей. Наконец, отдел грамматики, изучающий сочетание форм, называется *синтаксисом* и составляет третий отдел грамматики.

А. Физиологическая классификация звуков русского языка.

(Первый отдел курса научной грамматики руского языка).

I. КЛАССИФИКАЦИЯ ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.

§ 1. Звуковой облик, или звуковая физиономия русского языка.

Всякому известно, что мы произносим не *сапог*, а *сапок* или *сапох* (в некоторых губерниях); далее, также всем известно, что мы произносим не *голова,* а *галава* (в некоторых губерниях—*голова*); произносим *дрyшка,* а не *дружка* и много других слов русского языка мы произносим так, как мы привыкли произносить их с детства, а не так, как мы произнесли бы, если бы, не зная практически русского языка, захотели выговаривать те буквы, которые видят в этих словах наши глаза в печати. Если сопоставить наше произношение всех русских слов с тем произношением, которое выражается буквами на письме, то мы убедились бы, что произносимый нами язык, т. е. все количество произносимых нами слов русского языка, очень существенно отличается от того языка, который получился бы у нас, если бы мы в своем произношении следовали начертанию. Напр., слово *своего* мы произносим *своево*; *доброго* произносим *добраво* и проч. и проч. Вот, именно, если мы в каком-либо разговоре или рассказе передадим на письме только *слышимые* и *говоримые* нами звуки языка, то мы получим тот материал, из которого мы можем составить *звуковую физиономию* говоримого нами языка, или *звуковой его облик.* Тот способ изображения на письме произносимого нами языка, при котором воспроизводятся слышимые и говоримые нами звуки и только одни они, называется *звуковым письмом*, или *фонетической транскрипцией.* Отсюда следует, что те звуковые изменения, которым подвергаются звуки *живого* языка (говоримого языка) при его употреблении, при произношении, передаются на письме лишь при помощи фонетической транскрипции, или при помощи звукового письма. В нашей новейшей орфографии многие слова уже передаются согласно с произношением, но далеко не все, а потому эта орфография еще не составляет фонетической транскрипции и не передает всех звуков русского говоримого языка и всех слов в том их виде, в каком они слышатся при разговоре. Напр., мы стали писать так, как произносим, напр., слово: „рассматривай," но не передаем произношения в таких словах, как: „*сухова*", а продолжаем писать то, чего наш язык в произношении не знает, именно „сухого" и мн. др. Поэтому наше теперешнее правописание (нашу орфографию) мы не можем считать законченным или исполнившим свое назначение—передачу живого языка с его живым произношением. В интересах науки надо было бы сделать или все до конца, или не трогать ничего, потому что в противном случае мы,

ломая старую укоренившуюся привычку в письме, ставим на место её заведомо неверные письменные изображения, требующие продолжительного насаждения новых привычек, гораздо более худших с точки зрения интересов языкознания, чем старые привычки. А между тем мы сейчас увидим, что *для науки только и нужны говоримые нами звуки языка, а не какая либо условная орфография, требующая старых или каких-нибудь новых навыков.* Если мы захотим изучать язык *научно*, т. е. следить за изменениями звуков языка при живом произношении, или, что то же, следить за жизнью звуков в языке, то нам придется для такого изучения вовсе оставить всякую привычную орфографию, а изображать все звуки языка только так, как слышит их наше ухо *теперь*. Между тем как нашими буквами изображаются звуки нашего языка не так, как мы их слышим в языке *теперь*, а так, как мы их слышали когда-то, много веков назад, именно, тогда, когда составлялась наша азбука, и начинали писаться наши рукописные книги. Это обстоятельство надо иметь ввиду, так как только им и об'ясняется тот факт, что наше произношение разошлось с нашим правописанием, или нашей *графикой*. Звуки нашего языка, как языка *живого*, *говоримого*, в течение своей жизни, т. е. своей истории, изменялись в произношении, встречаясь в соседстве с другими звуками при произношении слов, а буквы, выражая собой произношение давно отживших эпох языка, оставались *без изменения*. Так произошло с течением времени, что наш язык далеко оставил позади себя наше правописание, или нашу графику. А потому, если мы хотим познакомиться с звуковым обликом, или звуковой физиономией нашего языка, то мы должны твердо запомнить разницу между произношением и правописанием всех существующих в русском языке звуковых сочетаний нашего времени. Разница эта легко запоминается при постоянной практике употребления нашего языка, причем мы должны взять за норму или за отправный пункт для отчетливого представления этой разницы, именно, *литературное произношение*, а таковым считается произношение города Москвы. Прислушиваясь к этому произношению, мы узнаем, что оно во многих отношениях отличается от произношения провинциального, называемого *диалектическим произношением*. И также диалектическое произношение мы взять за норму, за отправный пункт при изучении звуковой системы русского языка, не можем, т. к. тогда у нас получилось бы *много* отправных пунктов, потому что в каждой русской провинции есть свой диалект, или свое наречие. Литературное же произношение не дробится на диалектические: оно или литературное, или не литературное, и в последнем случае оно—народное. Таким образом, весь живой русский язык дробится на диалекты, но литературный язык не имеет диалектов. Для практического решения той задачи, которою мы задаемся, т. е. для отыскания и определения

звукового облика, звуковой физиономии русского языка, надо взять литературно образованного *москвича*, вслушаться в его произношение и точно записать его говор, а затем по этой записи составить характеристику звуковых особенностей русского языка. Вот этой характеристикой мы и займемся.

§ 2. Главнейшие факторы изменения звуков в речи.

Прежде всего для этого надо знать, какие главнейшие факторы изменения звуков в речи. Этих факторов два: 1) влияние звуков друг на друга при их соседстве в слове или связной речи и 2) влияние ударения. Кроме того, положение звука в абсолютном конце слова тоже имеет решающее значение, но этот случай встречается гораздо реже, чем два первые, т. к. в живом языке редко выговариваются слова с большими паузами между ними, и потому абсолютный конец слова может быть только в том случае, если этим словом заканчивается вся речь.

Первый фактор звуковых изменений обнаруживает собою действие в языке закона *ассимиляции* звуков. Этот закон формулируется так: всякий звук речи делает себе подобным в каком либо отношении соседний с ним справа или слева. Второй фактор обнаруживает в русском языке наибольшую силу того звука, который находится под ударением, причем ударяемый звук, сосредотачивая на себе наибольшую силу выдыхания, делает в то же время наиболее слабыми, тусклыми звуками соседние вплоть до появления в речи нового ударяемого звука с новой выдыхательной силой („экспираторной силой“).

Наблюдать действие *первого фактора* в нашей связной речи и констатировать обнаружение его ассимилирующей силы мы можем на различных примерах: так, если мы проговорим какую либо фразу, искусственно для этой цели придуманную нами или возьмем такую фразу из какого-либо общеизвестного сочинения наших литераторов или из стихотворения наших поэтов, то легко убедимся в уподоблении, в ассимиляции, соседних звуков в нашей связной речи. Возьмем, для примера, стихотворение „Спор“ Лермонтова, именно следующую фразу:

Ка́кта ра́с пе[і]ретталпо́ю сопле[і]ме́нных го́р
У Казбе́ка *ш* Ша́тгаро́ю был вели́къй спор...

И мы услышим следующие звуки видоизмененными в связном произношении:

„з“ перешло в „с“ перед следующим „п“ („рас перет“). „д“ перешло в „т“ („пере*т* талпою“) перед следующим „т“; „с“ перешло в „*ш*“ перед следующим „*Ш*“ („ш Шатгарою“). Наиболее тонкие видоизменения терпят в связной речи гласные звуки, т. ч. их трудно бывает обозначить на письме, и самым близким к произношению обозначением будет обозначение неударяемых гласных,

в положении их после твердой согласной через букву „ъ“, а послмягкой (палатальной) согласной—через „ь“. Только в слоге, *непосредственно* стоящем перед ударяемой гласной, такое обозначение не подойдет к литературному произношению, да еще в том случае, если гласный „*а*“ или „*о*“ начинают собою слово, имеющее ударение на третьем слоге от начала, напр. „одного“ произносится „аднаво“, „атама́н“ произносится так, как пишется, только без последнего знака „ъ“: „атама́н“. Равным образом, начальное „*е*“ в третьем слоге перед ударяемым, как звук, близкий к „*і*“, т. е., как звук, средний между „*е*“ и „*і*“, и такой звук мы изображаем обыкновенно знаком „*е*^{і}“: „е^{і}рафе́й“ „е^{і}риме́й“ и под. См. у нас в примере из Лермонтова выше: „сопле^{і}ме́нных“. Все такие гласные, которые стоят в третьем слоге перед ударяемым, или в конечном неударяемом слоге после ударяемого непосредственно, произносятся как *звуки неполного образования*, или *редуцированные*, т. е. звуки с неполным голосом, с неполным качеством или с неполною силою Такой звук (редуцированный относительно качества своего) мы имеем в нашем примере из Лермонтова в слове „вели́къй“(„был великъй спор“). Это же́ обозначение доказывает и то, что в русском литературном произношении слово „великий“ произносится не с мягким (палатализованным) звуком „*к*“, а с твердым, непалатализованным. Равным образом, так же произносятся все прилагательные с основой на *г*, *к*, *х*,: „двуно́гъй“, „высокъй“, ти́хъй, и проч

На основании такого произношения в наших школьных грамматиках все такие прилагательные причисляются к *твердому* склонению, хотя с исторической точки зрения все они уже с XII—XIII века перешли по своему именительному падежу единствен. числа в склонение *мягкое:* великии, двуногии тихии и проч. Здесь, как мы видим, смешан в наших школьных грамматиках фонетический, звуковой принцип с этимологическим или в данном случае, с историческим. И так, в звуковом письме(в фонестической транскрипции) мы изображаем знаком „ъ“ звук неполного образования (редуцированный) после согласного не палатализованного, а знаком „ь“ звук неполного образования (редуцированный) после согласного палатализованного. Напр. садъ (=сада), словъ (=слова), маслъ (ма́сла), и пи: астатък (=оста́ток), аста́ткъм (=остатком) или: въдаём (=водоём) и проч. подобн. После палатализованного согласного: пере^{і}вяскъ (=перевязка) и др. под. Стало быть, в литературном русском произношении *только ударяемые гласные звуки произносятся, как звуки полного образования,* из неударяемых же звуков, только те гласные звуки. которые стоят непосредственно *перед* ударяемым слогом: „вада́“, „вила́“ (=вела́), „чила́“ (=чела́), „взила́“ (=взяла), „сила́“ (села́) и под. Стало быть, знак „ъ“ в фонетической транскрипции служит для выражения на письме звуков: *а*, *о* редуцированных, а знак „ь“—

для выражения на письме редуцированных звуков *ĕ, 'a 'o*. Все эти редуцированные гласные звуки после твердых и мягких согласных звуков суть *живые звуки живого русского языка*, а потому входят в состав звуковой его физиономии, или его звукового облика. В области согласных звуков звуковой состав определить легче, т. к. с помощью применения простейших звуковых законов ассимиляции и перехода звонких в глухие звуки мы уясним себе совершенно точно весь звуковой запас согласных звуков русского литературного произношения. Если мы теперь вникнем в законы изменения согласных звуков в связной речи, то заметим, что согласные звуки вообще делаются из глухих звонкими перед следующими звонкими и из звонких глухими перед следующими глухими звуками: напр., я з двух чисо́ф фстал": в этой фразе мы слышим звук „*з*" вместо „*с*" перед звуком „*д*" („здвух"), звук „*ф*" вместо „*в*" перед „*с*" и перед „*ф*", образовавшимся из „*в*". Сравните звуки „*з*" в словах „*з'д'е'с'*", „*ве́з'д'е́*", образовавшиеся в связном произношении из звуков „*с*" перед звонким звуком „*д*". Эти два слова произошли из древних русских слов: вьсьдѣ, сьдѣ, К последнему слову прибавилось еще старое местоимение сь для указания на ближайшее место: сьдѣсь, откуда по законам произношения, после исчезновения первого ь в слабом положении и ассимиляции глухого *с* со звонким д мы получаем: здесь=з'д'есь'. В частице дѣ: кѣдѣ, вьсьдѣ, сьдѣ, нидѣ и проч. никогда звука ѣ небыло: это простое смешение по недоразумению из-за тождества произношения ѣ и ѣ, образовавшегося с течением времени. Что в этой частице дѣ не было звука ѣ, это видно из малорусского языка, в котором при сложении местоимений кѣ, бьсь, дь, низ и др. с частицею дѣ звук д оставался *не палатализованным*, что бывало всегда перед звуком *ѣ* в малорусском языке, тогда как перед звуком ѣ согласные здесь палатализовались, да и само ѣ произносилось как *і*. Если мы теперь остановимся повнимательнее на законе ассимиляции рядом стоящих звуков и вникнем в основание этого закона, то нам будет ясно, что и самое слово „где" (гдѣ), др. русское кѣдѣ, обязано появлением своего звука *г* ассимиляции бывшего звука *к* со следующим звуком того же слова д после исчезновения из произношения слабого звука ѣ между звуками к и д. Этот звук *к* соприкоснулся тогда в произношении со следующим звонким звуком и сам сделался звонким. Так получилось наше произношение где, по всилу чего это? То же мы наблюдаем в произношении связных слов „гдвум", „гдому", „гдереву" и проч. под; ср. „здвинуть", „зделать", „здать", „здание" „здуру" и под.

Дело в том, что во всех этих словах до ассимиляции звуков органы речи, которые должны работать при связном произношении этих слов, не сосредоточивали своей работы в одном месте полости

рта. Из-за этого происходила не достаточно координированная, не достаточно связная работа, и это в былое время должно было отражаться и на скорости (на темпе) речи и на ее плавности. Между тем как сосредоточивши работу органов речи в одном месте или сблизивши эти работы между собой в полости рта, мы сократили затрату сил, необходимых для выговаривания всех частей слова по отдельности и с отчетливостью, которой в связной речи быть не может из-за естественного стремления человека экономить затрату сил. Вот закон ассимиляции звуков и осуществляет во время речи сбережение сил ротовых мышц и облегчает произношение. Все вышеуказанные примеры уподобления звука следующему звонкому или следующему глухому („здать", „где"; но: „фстал" и проч.) являлись примерами сочетания звуков *с* и *д* или *ж* и *д* в связной речи или звуков *в* и *с* в ней же, т. е. сочетанием двух зазубных звуков или одного задне-небного глухого, а другого зазубного звонкого, или же сочетанием губно-зубного звонкого и зазубного глухого, а потому, если мы, превратим эти неоднородные сочетания в более однородные в каком-либо отношении, то мы облегчим работу артикулирующих органов речи Так, при стечении в речи звуков *с* и *д* („сделать") мы наблюдаем, что хотя оба эти звука произносят почти в одном месте одной полости рта, именно, около верхних передних зубов, сейчас же за ними (они потому называются „зазубные" звуки), но всетаки в артикуляции (в работе) активных (подвижных) органов речи замечается различие: именно, при звуке *с* кончик языка приближается к корням верхних передних зубов, но так, что между кончиком языка и соответствующим местом верхних передних зубов образуется щелочка, сквозь которую и проталкивается по нашему произволу струя воздуха, производя шум напряженным движением воздушного тока, трущегося о края этой щелочки за зубами. Между тем, как при произношении звука *д* в этом самом месте полости рта щелочки не бывает, т. к. кончик языка плотно прижимается к соответствующему месту верхних передних зубов, за зубами, в полости рта, а потому для ощущения звука приходится отнять кончик языка от того места, к которому он прижался, и пропустить струю воздуха: тогда раздастся звук *д* со взрывом, отчего и самый звук *д* в физиологии звуков называется *взрывным* звуком, тогда как звук *с* был „трущимся", как мы только что говорили, и по этому своему свойству называется в физиологии звуков *фрикативным*, от лат. слов — *fricare*=тереть. Вся эта работа органов речи не вызывает напряжения голосовых связок и не сопровождается издаванием голоса в том случае, если произносят *глухие* звуки, а не *звонкие;* напр., *„фстал"*, где мы слышим звуки „*ф*" „*с*" „*т*", из которых звук „*ф*" сделался глухим по ассимиляции с рядом стоящими за ним звуками: „*с*", и „*т*". Но если мы возьмем вместо звуков *глухих*

ф, *с*, *т*,—соответствующие им по месту образования и по органам произношения звуки *звонкие*, именно *в*, *з* и *д*, то получим сочетание звуков, произносимых *при участии голоса*, при произношении которых *чувствуется напряжение* и *пототу дрожание голосовых связок*, именно, сочетание, которое мы воспринимаем слухом, напр. в слове: *вздох*, *вздор*, *вздуть* и под. По закону ассимиляции и разнородные звуковые сочетания могут превращаться и действительно превращаются в произношении *в* однородные сочетания: так, в выше приведенном примере в слове „сдѣлать“ мы воспринимаем слухом уже не звуки *с* и *д*, буквы для которых мы изображаем в нашей графике, а звуки *з* и *д*: *здѣлать*, т. е. сочетание двух *звонких*, значит, ассимилировавшихся друг другу по участию голоса, и в то же время двух *зазубных*, значит, тождественных по месту образования. Следовательно, в этом слове мы имеем пример двойной ассимиляции рядом стоящих звуков в слове: ассимиляция по участию голоса и по месту образования.

Первый из этих двух видов ассимиляции несколько сложнее и глубже по идее, чем второй вид ассимиляции в этом слове: „зделать;“ именно, ассимиляция по месту образования является довольно простым актом передвижения подвижных органов речи от зада полости рта к переду, т. ч. точка приложения их работы будет находиться в одном месте, именно, за зубами, в области верхнего переднего твердого неба. Это, следовательно, чисто мышечный акт. Совсем другое дело—сообщение звучности звуку „*с*“ перед звуком „*д*“: дрожание голосовых связок, заложенных в полости гортани, сообщает всей смежной полости рта то звучание, которое является резонирующим при прохождении звучащей струи воздуха через полость рта и потому при укладе органов речи, подготовленных для звучания при звуке „*д*,“ так сказать, заражает этим звучанием и смежный звук „*з*“: так получается резонанс дрожания голосовых связок во всей полости рта при произношении всего комплекта звуков „*с*+*д*“, видоизменившихся в комплекс „*з*+*д*“ при таком акте голосового произношения.

Такой самый процесс физиологической работы наблюдается при всех случаях ассимиляции звуков по степени участия голоса. Напр. „а*дд*ать“ „здать“ „гдому“ и проч. Таким образом, ассимиляция, или уподобление звуков, может быть по степени участия голоса (ассимиляция по звучности), по месту образования звука (ассимиляция по органам произношения), по способу образования (ассимиляция по участию кончика языка в работе по отношению к небу). Все эти виды ассимиляции звуков упрощают и облегчают работу органов речи, а потому идея ассимиляции звуков сводится к экономии в затрате сил, необходимых для артикуляции органов речи. Мы перечисляем след. виды ассимиляции: „аддать“(по звучности), жжешь „(из *жгешь—по месту образования), „с’л’ѣт’с’т’в’іе“ (по способу образования: все

согласные этого слова палатализованы, ассимилируясь друг другу вследствие заражения способом артикуляции).

Такая ассимиляция обоснована *антиципацией мускульных ощущений*. Именно, произнося слово „следствие", мы выговаривали первый звук „*с*", приближая кончик языка к верхнему твердому переднему небу из-за того, что следующий звук *Л* нам приходится произносить при такой же артикуляции органов, т. е. при том же укладе; так вот уклад органов речи, нужный для звука „*Л*" слова „следствие" *предчувствуется* и *предвосхищается* (=„антиципируется") уже при первом звуке „*с*" и тем самым мы производим работу *общую* для всех смежных звуков слова вместо того, чтобы производить различные работы для каждого из соседних звуков слова. Обыкновенно однако ассимиляция проявляется в стремлении органов речи за один раз придать им такое положение, которое было бы пригодно для всех соседних звуков слова. Напр. „агурец ѣ*жжжа*'рьным" (=огурец ешь с жареным). В этом сочетании одинаковых звуков (3 раза „*жс*") мы для облегчения произношения можем упростить эту сложность, выпуская один из звуков „*жс*": „ѣжжа́рьным". Из этих и подобных примеров звуковой транскрипции русского литературного произношения мы видим, во что превращается *в произношении* язык, который мы привыкли видеть *в письме* совсем в другом виде.

§ 3. Классификация гласных звуков.

Изучая так. обр. живые звуки рус. литературного языка в их живом произношении, иначе говоря, изучая живую речь рус. образованного москвича, мы приходим к заключению, что гласные звуки произносятся или *без участия в произношении губ* (нелабиализованные гласные) или *с участием в произношении губ* (лабиализованные гласные): напр., звук „*а*" произносится без участия губ, а звук „*о*" с участием. Далее, по участию языка в произношении мы замечаем, что язык, выгибаясь, приближается выгнутой спинкой своей или к заднему небу (мягкому), и тогда гласный звук физиологически (по работе органов речи) определяется, как *звук заднего ряда;* или выгнутая спинка языка приближается к средней части неба, и тогда гласный звук физиологически определяется, как гласный *звук среднего ряда;* или, наконец, выгнутая спинка языка приближается к переднему (твердому) небу, и тогда гласный звук физиологически определяется, как *гласный переднего ряда*. Напр., в слове „дал" мы имеем гласный заднего ряда; в слове „сестра́" —гласный не ударяемый после звука „*с*" мы имеем среднего ряда; наконец, в слове „ве́рить" после звука „*в*" мы имеем гласный переднего ряда. Все эти гласные могут быть произнесены и с участием губ, и тогда они

физиологически определяются, как лабиализованные гласные заднего ряда: напр., гласный „*о*“, в слове „полк“; гласный после первого звука „*т*“ в слове т'ётка—лабиализован. глас. средн. ряда; и гласный после первого звука *т'* в слове т'ёт'а-лабиализованный гласный переднего ряда.

Кроме того, физиологически же можно определить еще точнее гласные звуки *по степени приближения спинки языка* к небу; здесь мы различаем *верхнее, среднее* и *нижнее* приближение спинки языка к небу: именно, верхнее приближение мы наблюдаем при значительном под'еме спинки языка, среднее—при среднем под'еме и нижнее—при незначительном под'еме. И в этом случае все звуки могут быть или лабиализованными или нелабиализованными. Наконец, при всех гласных звуках, в каком бы ряду они ни произносились, с какой бы степенью приближения спинки языка они ни произносились, и наблюдается-ли при их произношении участие губ, или нет,—все они могут или вызывать, или не вызывать ощущение *напряжения языка.* Согласно этому гласные звуки физиологически определяются еще, как *напряженные* или *ненапряженные* И так, если мы все это примем во внимание: и деление гласных *по вертикальному движению языка* по направлению к небу и обратно, и деление гласных *по горизонтальному передвижению выгиба спинки языка* вдоль этой спинки от полости гортани к передним зубам и обратно, по степени участия губ и по напряженности мышц языка, то мы получим *физиологическую классификацию* звуков русского литературного языка и можем все эти звуки изобразить для наглядности в следующей таблице:

Таблица гласных звуков русского литературного языка, представляющая физиологическую их классификацию:

Степень приближения языка		Задний ряд		Средний ряд		Передний ряд	
нелабиализ.	Верхнее	Старика́	барада́	сын	сынóк	сила	зна́ит
	Среднее	дал	дар	ребина	сестра	верить	вера
	Нижнее	—	—	—	батьшка	—	зять
лабиализ.	Верхнее	мука	мука	лют	любоф	люди	надеюсь
	Среднее	полк	рот	в'ол	т'ётка	—	т'ота
	Нижнее	—	—	—	—	—	—
		напр.	ненапр.	напр.	ненапр.	напр.	ненапр.

Всего 25 гласных звуков, различаемых по их оттенкам в зависимости от места под'ема спинки языка, от степени приближения языка к небу, от напряжения языка и от участия губ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Замечание: Напряженными звуками гласными в московском литературном русском произношении бывают обыкновенно: *а* и *о* в соседстве со звуком *л* веляризованным (твердым), при произношении которого участвует небная занавеска (velum palati): „дал“ „полк“. Звуки *ы*, *і*, *у*, напряжены в ударяемом положении „сын“ „сила“ „мука“. Звук *е* напряжен в соседстве с *палатализованным* согласным, после него „ребина“, „верить“.

§ 4. Классификация согласных звуков.

Подобную же таблицу можно составить и для согласных звуков русского литературного языка, принимая во внимание однако *различие между природой гласных звуков и природой согласных звуков*, и, следовательно, классифицируя звуки по другому принципу, на другом основании. Именно: природу гласного звука составляет *свободное, беспрепятственное* прохождение звучащей струи воздуха через полость рта и *минимальное* участие при этом органов речи. Природу же согласного звука составляет *определенное и заметное участие органов речи* и потому *стесняемая этим участием свобода прохождения звучащей струи воздуха, встречающей препятствие на пути своем из-за этого участия органов речи, при прохождении через полость рта.*

Разберем основания, даваемые нам физиологией органов речи и потому служащие принципом классификации согласных звуков.

Прежде всего отметим, что согласные в отличие от гласных при произношении своем сопровождаются известным *шумом*, происходящим от *взрыва* той преграды, которая во рту образуется вследствие соприкосновения работающих органов речи („артикулирующих“); шум может происходить и от *трения* воздушной струи о края той щели, которая образуется при приближении работающих органов речи друг к другу. Взрыв получается *при полном затворе* артикулирующих органов речи, а трение *при неполном их затворе, при приближении.* В первом случае звуки называются *взрывными*, а во втором—*фрикативными* (от лат. слова fricare—тереть). Таким образом, характер затвора имеет огромное значение. Все такие звуки, как взрывные, так и фрикативные („затворые“—с полным затвором, „фрикативные“—с неполным затвором) произносятся с известным шумом, а потому называются *„шумными“* звуками. Другой класс звуков согласных—это *сонорные*, которые произносятся с преобладанием в их произношении *звука*, а не *шума*, и потому составляют собой класс таких согласных, которые физиологически помещаются в середине, т. сказать, *на рубеже* между гласными и согласными. Этот класс звуков называется классом *сонорных* звуков.

Так как полный звук служит отличием гласного, а сонорные согласные как раз тем и отличаются от шумных, что при их произношении мы слышим, что всю их природу составляет полный звук,

между тем, как в классе шумных согласных мы замечаем, что всю их природу составляет известный характерный шум, то мы и заключаем, что сонорные согласные близки по своей природе к классу гласных, и потому они легко превращаются в гласные звуки, называемые *сонантами*. Стало быть, по физиологии произношения все согласные звуки могут быть: или *шумными* или *сонорными*, смотря по тому, свободно-ли проходит звучащая струя воздуха, выдыхаемого из легких через полость рта, или несвободно; и все-ли содержание звука составляет звук или значительную часть содержания составляет характерный шум. Это деление согласных *по содержанию звука*. Согласные могут быть *взрывными* или *фрикативными;* это *по характеру затвора*. Кроме того, согласные делятся *по участию голоса* на *глухие*, произносимые без участия голоса, и на *звонкие*, произносимые с участием голоса. Наконец, согласные делятся по *органам произношения*, смотря по тому, какими *органами* они произносятся, и *по месту образования*, смотря по тому в каком месте ротовой полости или в носовой полости они образуются. На этом основании согласные бывают: *губные*, *губно-зубные*, *зазубные* (по месту образования) *альвеолярные* (по месту образования) от лат. слова alveolae—то место десен, в которое вростают зубы; а эти последние, в свою очередь, делятся по *способу образования* на: нецалатализованные („латеральные“—произносимые краем языка) и палатализованные („дорзальные“—произносимые спинкой языка); *средне-небные* и *задне-небные* (тоже по месту образования). Так. обр. получится следующая. *Таблица физиологич. классификации согласн. звуков*:

Таблица согласн. звуков русского литературного языка.

			Губные	Губно-зубные	зазубные	альвеол. латер	альвеол. дорзальн.	средне-небные	задне-небные
Шумные	Взрывные	глухие	p		t		t′	ḱ (k)′	k
		звонкие	b		d		d′	ǵ (g)′	g
	Фрикативные	глухие		f	s	ś	š s′	x (x)′	x
		звонкие		v	z	ź	ž z′	j	γ
Сонорные	Носовые		m		n		n′		
	Плавные	l-звуки			l		l′		
		r-звуки				r	r′		m

Все звуки в таблице согласных обозначаются обыкновенно *латинскими* и *греческими* буквами, чтобы неподавать повода к произношению

на русский лад тех из них, для которых нет букв в русской азбуке. Всех согласных звуков 34 или 35, смотря по тому, считать ли задне-небный г, очень распространенный среди образованных москвичей, но не обязательный. Так. обр., изучив звуковой инвентарь рус. литературного языка, мы видим, что этот инвентарь приводится в известность *только* при классификации звуков *на основах изучения их физиологии.*

Следовательно, *единственно научной* классификацией звуков живой речи служит классификация *физиологическая,* основанная на изучении тех различий в работе органов речи, которыми обусловливается *характер звука*, или *его качество.* Отсюда с необходимостью вытекает заключение, что и акустическое (слуховое) восприятие от слышимого звука речи зависит от различия в работе органов речи и от уклада этих органов при произнесении звука. В практическом отношении мы отмечаем, как следствие физиологической классификации звуков, тот факт, что то деление звуков русского языка, которое мы находим в школьных грамматиках, ненаучно и потому неверно, как не обоснованное единым принципом деления, извлекаемым нами из изучения природы каждого отдельного звука живой речи, находимого нами в сочетании с другими, смежными звуками. Вот почему получается и такая разница между количеством букв русской азбуки, предлагаемым нам в школьных учебниках (35 звуков всего) и действительно слышимых нами в рус. литературном произношении: 35 и 25+34 (35), т. е. 60 или 59 звуков. Легко представить себе, что если бы мы изучали не литературное произношение, а народное, да еще во всех русских диалектах его, то мы получили бы еще большее количество живых звуков, чем 59, что мы и увидим при изучении *диалектологии* русского языка, которое нам предстоит впоследствии, если мы пожелаем познакомиться со всем об'емом русского говоримого языка, а не с одной незначительной его частью, именно, с произношением русского, интеллигентного, образованного класса, в Московском изглашении этого последнего.

§ 5. Производные звуки.

Однако и теперь мы перечислили в таблицах еще не все звуки рус. литературной речи: надо еще заметить, что в рус. литературном произношении есть еще звуки, называемые *аффрикатами.*

Аффрикатой называется сочетание двух согласных звуков, одинаковых по месту образования (см. выше), причем первый из сочетаемых звуков является взрывным, а второй—фрикативным. Для того же, чтобы сочетание этих двух звуков сделалось в общем *одним* звуком, а *не двумя*, различаемыми на слух, как *два* звука, необходимо, чтобы первый из сочетаемых звуков в аффрикате был еще звуком *с ослабленной артикуляцией.*

Таких аффрикат в рус. яз. есть собственно *четыре*: две звонких и две глухих, состоящих из взрывных зазубных звонких или глухих *д* или *т* в качесчве *первых* компонентов, первых слагаемых, которые и являются с ослабленной артикуляцией, а в качестве *вторых* компонентов—соответственные по месту образования фрикативные: или *з* при *д*, или *с* при *т*. В результате такого сочетания являются в рус. языке аффикаты *дз* и *тс* (наша буква „*ц*“); первая из этих аффрикат—звонкая, вторая—глухая. Или может быть такое сочетание: *дж*—звонкая и *тш* (наша буква „*ч*“)—глухая. Первая пара аффрикат на слух—*свистящая*, а вторая—*шипящая*. Для аффрикат *тш* и *тс*—глухих одной шипящей и одной свистящей, имеются в рус. азбуке и соответствующие буквы: *ч* и *ц*. Для аффрикат же звонких—*дж* и *дз* особых буквенных знаков в рус. азбуке не имеется, а потому в тех случаях, когда надо их обозначить в письме, употребляют в фонетической транскрипции буквы другого алфавита, именно, латинского, дополняя латинские буквы надстрочными (диакритическими, т. е. различительными) знаками. Так, напр., dž=*дж* и dz=*дз*. Знаки же ⁀, которые мы ставим над сочетанием двух букв, должны означать, что сочетания сливаются в один звук, в котором первая звуковая часть становится ослабленной по артикуляции и потому тесно примыкает ко 2-ой части, к фрикативному звуку, который является с полным образованием и энергичной артикуляцией, напр., наш звук *ч* или наш звук *ц* вовсе не равны звуковым сочетаниям *тш* и *тс*, в которых слышны (различаемы на слух) первые *взрывные* компоненты, между тем, как в аффринатах *ч* и *ц* (лат. буквы *c* и č или *ts* *tš*) взрывные компоненты едва различаются слухом, как отдельные звуки, п. ч. они редуцированы относительно своей артикуляции. Вот эту то редукцию их в аффрикатах мы и обозначаем знаком ⁀ над сочетанием двух букв. Аффрикаты *ч* и *ц* могут стоять как в начале слова, например, „че́рви“, „цѣпь“, так и в середине слова: „печка“, „перцем“, а также и в конце слова напр., „печь“, „перец“ и проч. Мы перечислили все звуки русского литературного произношения как простые, так и сложные (аффрикаты). Теперь об'ясним из нашей таблицы согласных звуков те из них, которые произносятся с особой артикуляцией.

§ 6. Особенности артикуляции, как основа дальнейшей классификации звуков.

Согласные губные и губно-зубные могут произноситься или при обычной артикуляции, обозначенной уже в самых названиях этих звуков по органам произношения, или кроме того, эти звуки могут, произноситься при под'еме спинки языка к переднему твердому небу, и тогда эти же звуки (губные и губно-зубные) становятся *смягченными*, или *палатализованными*. Так мы различаем: *р* и *р'*; *в* и *в'*;

m и *m'* *f'* и *f*; *v* и *v'* (латинские буквы. См. таблицу выше). Палатализованные звуки мы имеем напр., в следующих словах: „*сыпь*“, „*дро́би*“, „*семи*“, „*потра́фь*“, „*вдовьего*“ и под. Зазубные и альвеолярные звуки при смягчении становятся или *зубно-небными*, меняя свое место образования; или оставаясь альвеолярными, произносятся спинкой языка, т. е. становятся *дорзальными* по своей артикуляции. (См. таблицу выше). Напр., зубно-небные: *t' d' s' z' n', l'*. При дорзальной артикуляции: š, ž, *r'*. Альвеолы, как мы знаем, находятся в полости рта, несколько ниже, чем небо, а потому зубно-небная артикуляция имеет место при таком укладе языка, когда кончик его касается не только неба, но и корней верхних передних зубов. При дорзальной же артикуляции язык касается не своим кончиком, а спинкою того места во рту, где передние верхние зубы вростают в десны. Обе эти артикуляции весьма близки по месту друг к другу, но акустическая (на слух) разница в произношении при зубно-небной артикуляции и при альвеолярной-дорзальной состоит в том, что при дорзальной артикуляции слышится некоторое шипение, а потому эти звуки обычно и называются *шипящими*.

Задне-небные звуки при смягчении переходят в средне-небные звуки, т. е. и в этом случае при смягчении артикуляция перемещается более кпереди. Следовательно, смягчение звука *физиологически* состоит в перемещении артикуляции по направлению кпереди, к верхним передним зубам от задней полости рта. *Аффрикаты ч* (č) и *dž* (ǧ, *дж*) в московском литературном произношении *всегда мягки*. *Аффрикаты* же ц (*c*) и *dz* (*s*, *дз*) *всегда тверды*. Из них аффрикаты *дж* и *дз* образуются только при сочетании в речи таких слов, из которых одно оканчивается на *д*, а другое, следующее в речи за ним, начинается со звука *ж*. Такого же образования и аффриката *дз*. Например, в сочетаниях: „подзат“ (— подъ задъ) или „подзатыльник“. Или: „поджать“ (в произношении: „паджат'“) „поджа̀рить“ (в произношении: „паджа́рит'“) и под. В итальянском языке аффриката *дж* известна и не в сочетании двух слов, а в одном слове: „g̈iorno“. В польском языке известна в таком же положении аффриката *дз:* ḍzien' и под.

Все согласные в положении их перед „*у*“ *веляризуются*, а задненебные еще, кроме того, лабиализуются, так что задненебные звук и в таком положении становятся *лабиовелярными*: $g^{и}$, $q^{и}$. Обозначение таких лабиовелярных звуков заимствуется из готской азбуки (ǧ, q) с присоединением к буквам этой последней еще знаков для лабиализации, которые в виде неслогового *и* (неслоговое „у“) ставятся над готской буквой сверху и справа от нее, как это мы показали выше. (См. K. Brugmann. „Kurze vergleichende Grammatik“. Strassburg. 1904. Стр. 52. § 38).

§ 7. Гласные в количественном отношении.

Теперь еще следует сделать замечание о *гласных*. Гласные в литературном произношении могут быть *полудолгими под ударением, если только за ними нет долгой взрывной*, а долгая взрывная согласная узнается по более продолжительной паузе перед ней; напр: срв. произношение звука „у“ в слове: „булка“ и в слове: „Будда“. Во втором из этих слов мы имеем долгую взрывную „*д*“, а потому звук „*у*“ в этом слове остается кратким, хотя он и под ударением, между тем как в слове „булка“ звук „*у*“ долгий, находясь под ударением. Гласные бываю̀т кратки́ми в слоге непосредственно перед ударением: „вада“. В прочих неударяемых слогах гласные *очень кратки:* „вăдапо̀й“ („въдапо̀й“), „го̀рăт“ („го̀рът“), „са́лă“ (са́лъ) и проч. *Долгий* звук отличается от краткого более продолжительным звучанием; эта продолжительность равна приблизительно $1^1/_2$ морам времени, потребного для произнесения *краткого* гласного при нормальном темпе речи. („Мо̀ра“ означает промежуток времени, пока длится звучание произносимого звука).

Слоговы́ми звуками бывают только гласные. Дифтонги известны только нисходящие, т. е. такие, которые оканчиваются неслоговым звуком гласным. А дифтонгом называется сочетание двух гласных звуков, произносимое одним приемом выдыхания воздуха из легких или одним напором, причем неслоговая часть дифтонга примыкает в слоговом отношении к слоговой части, образуя вместе с этой последней один гласный звук. Напр., „рай“ (дифтонг „а*i*“), „рой“ („о*i*“) „суй“ („у*i*“).

Иногда и согласные бывают слоговыми; это, именно, звуки „*r*“ и „*l*“, называемые в таком случае *сонантами* и *спирант* (фрикативный звук) „*v*“, редко звук „*m*“. Обозначаются сонанты кружечком под соответствующею буквою, так: „гр$_{\circ}$зова́я“ (туча) „пл$_{\circ}$тяно́й“ (шкаф), „но́в$_{\circ}$ва“ (новаго-род. ед.), „да́м$_{\circ}$ми“ (=дамами-твор. п. мн. ч.) и под.

§ 8. Ударение и его влияние на звуки.

Ударение в литературном русском произношении *экспираторное*, т. е. основанное на силе выдыхаемого воздуха. Поэтому ударяемый гласный звук в слове является наиболее сильным, а неударяемые звуки по силе подчиненными ударяемому. Эта подчиненность, как мы видели, может выражаться в различных видах редукции гласного. Срв. выше: написание „*въдапо́й*“, „*салъ*“, „*горът*“ и проч.

ВЛИЯНИЕ УДАРЕНИЯ НА ЗВУКИ.

Что такое ударение в русском языке? Ударением называется *усиление* энергии, при которой выдыхается воздух вместе с произносимым звуком. Сила выдыхаемого воздуха при произнесении гласного звука в русском языке об'единяет вокруг себя все другие звуки,

произносимые в звуковом ряду с меньшей силой, чем ударяемый звук. Напр., Ка́ма, Ка́мский, Прика́мье, Перекати́, Перека́т, Переговори́. В этих словах ударение, т. е. наибо́льшая сила выдыхаемого воздуха обозначена знаком' над той буквой, которая произносится с наибольшей силой в слове, состоящем из ряда звуков. Так, в словах: *Ка́ма, Ка́мский, Прика́мье, Перека́т* сильнейшим звуком из всех, входящих в каждое из этих слов, является звук *а*, стоящий в непосредственном соседстве со звуком *к*, а потому над этим *а* и поставлен значек' (значек ударения). В словах: *Перекати́* и *Переговори́* сильнейшим звуком является звук *и*. И эти-то звуки (*а* и *и*) в этих словах и являются такими звуками, которые стягивают на себе всю силу выдыхаемого при произнесении воздуха так, что остальные звуки каждого из этих подчеркнутых слов, отдавши свою силу ударяемому звуку, являются не только подчиненными по силе этому последнему, но и настолько ослабленными, что нередко изменяют свою природу, находясь вдали от ударяемого гласного в слове. Это изменение может доходить до полного исчезновения, как например, в случаях произношения: „прекати", „преговори" и под. Не надо смешивать ослабления артикуляции (см. выше отдел аффрикат) и ослабления силы выдыхаемой струи воздуха: при первой замечается уменьшение отделки произносимого звука, а при второй—уменьшение голоса.

Английский физиолог *Свит* ставит в своей фонетической транскрипции московского произношения на местах исчезнувшего от ослабления звука знак „ʌ", перевернутую латинскую букву „v". Напр., в слове: „пʌреводить"=„переводить". В слове „водопрово́д" многие произносят „вʌдопрово́д" (наконце, конечно, *д—т*.), а так как звук „*в*" может произноситься, как неслоговое „у", то, в случае такого произношения, слово „водопрово́д" превращается в слово: „допрово́д". (это факт!) Ослабление неударенных слогов в слове подмечено было еще знаменитым русским филологом, профессором Харьковского Университета, А. А. Потебней в 1874-м году в его известном труде: „Два исследования о звуках русского языка"; ему удалось вывести и формулу этого ослабления: так, если мы возьмем трехсложное слово с ударением на третьем (конечном) слоге и обозначим этот ударяемый слог (гласный слога), как сильнейший из всех в слове, цыфрою *3*, то гласный соседнего с ним, предударного, слога выразится по силе цыфрою *2*, а гласный первого слога в этом слове, т. е. третьего перед ударяемым,—цыфрою *1*, и эти цыфры будут выражать отношения гласных этого слова по силе: 1:2:3. Если, напр., мы возьмем слово „водово́з", то гласные звуки этого слова обозначатся в отношении их силы так: „в^{1}о-д^{2}о-в^{3}оз." Но первый слог *после* ударяемого по силе будет равен третьему слогу *перед* ударяемым в трехсложном слове с ударением на третьем слоге: так, если мы возьмем форму родительного падежа ед. числа от слова „водово́з", то сила гласных этой

формы слова выразится следующим образом: „в^{1}о-д^{2}о-в^{3}о́-з^{1}а“, т. е. 1:2:3:1.

Таким образом, гласные, теряя ударение, ослабляются. Все напряженные (см. таблицу гласных выше) гласные переходят в ненапряженные, а, находясь в *конечном* неударяемом слоге *после глухой гласной*, они переходят даже в *полушепотные*. Напр., „ру́ку“, „ба́бушку“, „по́ту“, „шо́поту“ и под. имеют конечное полушепотное, а ненапряженные гласные *а*, *о*, *е*, в таком положении при потере ударения не только ослабляются, но и переходят еще в гласные *неполного образования* (редуцированные). Вот последнее явление, именно, явление редукции гласных *а*, *о*, *е* всех видов их образования мы рассмотрим поподробнее. При редукции гласных *а*, *о*, *е* надо различать два фонетических положения: 1) в слоге *непосредственно перед ударяемым* и 2) *в прочих неударяемых слогах*.

При положении в слоге непосредственно перед ударяемым гласный *а* остается без изменения; напр., „раба́“. Гласный *о* теряет лабиализацию и переходит в *а*: вада́, наш у́. Гласный *е* теряет напряженность и переходит из среднего в передний ряд: в'*е*^{i}-ла́, в'е^{i}-ду́, в'е^{i}-ди́, ч'е$_{i}$-са́ть и под. Стало быть, гласный *о* после твердой согласной переходит в *а*, а после смягченной—в е^{i}. А гласный *а* после смягченной согласной или отвердевшей согласной тоже переходит в е^{i}: р*е*^{i}бо́й, ше^{i}ры, же^{i}ра́ и под. Или: пле^{i}са́ть и под. Отсюда относительно слога, находящегося непосредственно перед ударяемым, вывод такой: гласный *а* после твердой согласной остается без изменения, после смягченной и отвердевшей переходит в звук *і* (*ы*); гласный *о* после твердой согласной переходит в *а*, а после смягченной и отвердевшей в *і* (*ы*). Для простоты при этом оттенок *'е*^{i} рассматривается, как звук *і*, а оттенок *э*^{i},—как *ы*: р*и*бо́й, жыра́, шыст о́й, шыст о́к и проч. Гласные переднего ряда переходят в таком случае в гласные среднего ряда: кре^{i}ста́, р'е^{i}бина, лъшыдей. . Значит, в слоге перед ударяемым в московском литературном произношении известны гласные: *а*, *і*, *ы*, причем гласные *а* и *е* допускают указанные разновидности. Это явление в общем называется *аканьем*.

При положении в прочих неударяемых слогах мы видим результаты ослабления другие: звуки *а* и *о* после твердой согласной переходят в звуки неполного образования, которые я обозначаю буквою *ъ*: ръта́зей, въдапо́й, хъраш о́, кърав а́й, хръмав о́й. После смягченной согласной эти же звуки переходят в звуки неполного образования, которые я обозначаю буквою *ь*: рьдов о́й, зьтивья; после отвердевшей согласной: шълавлив. Интересно заметить, что и в прочих неударяемых слогах также, как в слоге *непосредственно перед* ударяемым, звук *ш*, не способный в московском литературном произношении после отвердения своего соединяться с гласным переднего ряда дает в качестве звука неполного образования после себя не звук *ь*, а звук *ъ*,

Свр. перед ударением: *жыра*, шыстóй, а потому мы ожидали бы в прочих неударяемых слогах, в соответствии с ъ после твердых согласных как: въдапóй, хърашó и проч. (см. выше) звука *ь* после смягченных: рьдавóй. Однако, вследствие указанной особенности звуков *ш* и *жс* в литературном произношении мы должны поставить не *ь*, а *ъ*: шълавлив, жъравóй. В открытом начале слова мы здесь имеем всегда—*а*: *а*динóк, *а*старожна и под. Надо также заметить, что в грамматических категориях этот гласный неполного образования, который мы обозначаем буквою *ь*, в положении после смягченной согласной, или вытесняется звуком *ъ*, под влиянием звука *ъ* после твердых. Напр., пол'ъ (орф. „пóле"), бан'ъ (орф. „баня"), стájъ (орф. „стáя"), кн'аз'ъ, син'ajъ, л'ис'т'jъ и под. Или вытесняется звуком *i* напряженным перед следующим i или j: синíй, козíй, выпíй (орф. „выпей"). Перед согласным и перед *ь* в конце слова появляется тоже звук *i* открытое и слоговое вм. *ль*: знáит (орф. „знает") скарéи (орф. „скорее"). В начале слова *jь* дает *ji*: jijo (орф. ее, „ея") звук *ъ* перед *i* переходит в *ы*: вымыйт'ь, милый и под. Оба звука: и *ъ* и *ь* при стечении согласных совсем исчезают, *как гласные звуки*, и заменяются голосом, не принявшим окраски гласного звука. Если мы этот голос обозначим знаком *x*, то нам придется поставить этот знак в следующих местах следующих, напр., слов: человéчxскай, извxрк и под. Этот голос при исчезновении обращает предшествующие ему звуки *р*, *л*, *н* и иногда спиранты (фрикативные) в слоговые: гр$_{o}$завáя, гър$_{o}$давóй, пл$_{o}$те^{i}ной, каз'л'он^{o}чик, нóв$_{o}$ва (орф. „нового").

§. 9. Морфологическая классификация форм русского литературного языка.

Мы дали физиологическую классификацию звуков русского языка. Теперь дадим морфологическую классификацию слов русского языка. Как физиологическая классификация звуков строится на основах наблюдения над различием в положении органов речи и в работе их, так морфологическая классификация слов строится на основах изучения форм и их состава. С этой точки зрения слова могут быть или словами, *имеющими форму*, или словами *не имеющими формы*. Так как выше мы говорили, что для признания слова *формою* необходимо, чтобы в слове сознанием говорящих различались основы и изменяемые форманты—флексии, то словами, не имеющими форм, мы должны признать *неизменяемые* слова, т. е. наречия, предлоги и союзы. Это вытекает непосредственно из нашего понимания формы, как слóва, состоящего из основы и аффикса, причем под аффиксом формы слóва мы разумеем лишь *изменяемый* аффикс, *изменяемый формант*, *или флексию*. Мы часто употребляем термин „форма" в широком значении этого слова, напр., говорим про *форму* инфинитива, но употребляя

выражение „форма инфинитива“ и под., мы вкладываем в это и подобные выражения (напр., „формы сравнительной степени“) *исторический* смысл, имея ввиду, что в течении веков многие из бывших форм языка ныне совершенно утратились и отсутствуют в русском языке. А потому мы всякий раз должны помнить научно-точное определение формы в современном ее значении в отличие от исторического ее значения. С этой же точки зрения слова́ могут быть или *полными* или *неполными* (частичными), напр., полное сло́во „нехорошо“, а в этом слове части его: *не* и *хорошо* являются неполными, или частичными. Вообще, полное слово не является частью другого, а *неполное слово является частью другого*: под-девка, о-деяло, под-ушка, раз-деть и под. Слова́ могут быть также *изменяемыми* и *неизменяемыми*. Так как в этом отделе мы разумеем лишь то изменение сло́ва, которое создается флексией, то неизменяемые слова́ можно назвать также *бесформенными словами*. Изменения слов флексиями бывают: или по падежам, или по родам, или по лицам. Первые называются общим термином—*имена существительные*, вторые—*имена прилагательные*, третьи—*глаголы*. Следовательно, при морфологической классификации слов у нас должны получиться в результате классификации такие слова, которые или имеют формы имен существительных, или имен прилагательных, или глаголов, с одной стороны, а с другой,—такие, которые вовсе не имеют форм в современном русском языке. Так получится у нас две категории слов: *форменные слова* и *бесформенные слова*. Имена существительные, как особый разряд слов, характеризуется лишь наличностью падежных форм, так как форм рода они не имеют, что с морфологической точки зрения должно быть понимаемо так: *имя существительное не может изменяться по родам*. В самом деле: если имя существительное может быть или мужеского рода, или женского рода, или среднего рода, то это вовсе не означает, что *одно и то-же имя существительное может, изменяя свои флексии, быть или мужеского, или женского, или среднего рода*. Напр., если мы имеем слово „*лев*“ и слово „*львица*“, то это совершенно различные слова с точки зрения морфологического их строения: в них значение рода обусловлено вовсе не изменением флексии, а новыми словообразовательными частями, именно, суффиксом „*иц*“, который присоединяется, как нам известно, к неизменяемой в склонении или в спряжении основе, и с помощью этого суффикса получается уже совсем другое слово: основой слова „лев“ служит часть слова *льв*,—т. к. в склонении мы имеем лишь эту часть слова, остающеюся без изменения при перемене падежных окончаний. Именно: лев-ъ, льв-а, льв-у, льв-омъ, льв-ѣ... Основа именительного падежа образовалась фонетически вследствии перехода *ь* в *е* в сильном положении (др. русское льв-ъ, льва...): львъ произносилось „*левъ*“, а льва произносилось „*л'ва*“ т. к. звук ь, перешедший

окончательно в звук *е* к концу XII-го века, мог быть сильным лишь *в положении перед слогом, в котором находился звук ъ или ь*, либо находясь *в первом слоге слова под ударением*. В прочих же случаях звуки ъ или ь исчезали к этому времени. Стало быть, строение основы не может влиять на родовое изменение! Слово „львица" морфологически разлагается на следующие части: льв-иц-а и построено оно так же как слова: дев-иц-а, вод-иц-а, вдов-иц-а и под., т. е. посредством суффикса—иц—от слов: дев-а, вод-а, вдов-а или, вернее, от их основ. Очевидно после этого, что *имена существительные не имеют родовых изменений*. Морфологический анализ обнаружил перед нами, что слово „львица" не есть форма женского рода от слова „лев": это, оказывается, другое слово совсем иного образования. *Итак, имена существительные не изменяются по родам*. Значит, форма падежа остается *единственным* отличием имен существительных от прочих частей речи, имеющих формы словоизменения. Совсем другое мы увидим при морфологическом анализе имен прилагательных, напр., при слове „отец" мы можем сказать только „добрый" „добр", „умный", „умен", „больной", „болен"; но если мы вместо слова „отец" возьмем слово женского рода, напр., „мать", „вода" или слово среднего рода: „окно", „яйцо" и под., то имена прилагательные: „добрый", „умный", „больной" и под. уже не будут пригодны для сочетания их со словами: „мать", „вода", „окно", „яйцо" и под. Эти прилагательные сами изменятся тогда в прилагательные с другими флексиями: „добр*ая*, умн*ая*, больн*ая мать*" или при словах: *окно*, *яйцо*, мы увидим уже прилагательные с новыми флексиями; именно, „больш*ое*, стеклянн*ое*, третье окно, яйцо" и под. Отсюда следует, что *имена прилагательные изменяются по родам*, и *эти родовые изменения служат в именах прилагательных отличительным признаком при сравнении их с другими частями речи, напр., с именами существительными*. Наконец, основным отличием глаголов служат *личные окончания* (окончания 1-го, 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа), которых не имеют другие части речи: сиж-*у*, сиди-*шь*, сиди-*т*; сиди-*м*, сиди-*те*, сид-*ят*. Таким образом, *формы падежа, рода и лица* признаются нами, поэтому взятые, отличительными признаками трех разрядов слов: имен существительных, имен прилагательных и глаголов. Само собой разумеется, что это наше признание еще не означает того, что имена существительные имеют *только* формы падежа, а имена прилагательные *только* формы рода, или того, что глаголы имеют *только* формы лиц. Нам известны в именах существительных и прилагательных формы числа, в прилагательных—формы падежа, а в глаголах—формы времени и наклонения, но из последующего изложения мы узнаем, что эти все формы не служат отличительным признаком какой-либо *одной* части речи, т. к. они известны одновременно и другим, напр., формы падежа

и числа, а, с другой стороны, бо́льшая часть этих форм в течении времени утрачены (напр., формы времен и наклонений). Единственно *формы рода* устойчиво служили и продолжают служить принадлежностью *только* имен прилагательных, а *формы лица—только* глаголов. Из форм времени уцелели у нас только *формы настоящего времени*, а из форм наклонений—только *формы изъявительного и повелительного наклонений*. Поясним это. В глаголах русского языка формы настоящего времени приобретают лишь значение будущего времени, оставаясь всётаки формами настоящего времени. Такое значение они приобретают в словосочетаниях в большинстве случаев в сложении с префиксами; так, „еду“ и „приеду“ и под. Самое спряжение своими личными формантами обнаруживает, что эти формы суть формы настоящего времени, а значение их в речи различное. Это подобно тому, как наши формы настоящего времени в глаголах способны в словосочетаниях приобретать значения не только будущего времени, но и прошедшего, что́ видно из таких примеров, как: „завтра я *еду* в Москву“ или: *иду* я как-то прошедшей зимой по N-ской улице и *вижу*, будто в дали зарево: оказалось, что это—северное сияние“. Такое синтактическое значение форм настоящего времени возможно в русском языке лишь потому, что в русском глаголе утрачены и формы прошедшего времени (напр., формы аориста, прошедшего совершенного—perfectum—и друг.), и формы будущего времени, хотя остатки тех и других свидетельствуют нам о том, что эти формы когда-то были и в русском языке, а сравнение индоевропейских языков обнаруживает, что в древне—индийском языке, в древне—греческом и в древне—латинском формы будущего времени и формы различных прошедших времен имели даже и особые формы наклонений в этих временах. В некоторых русских глаголах II-го класса с приметой—„*ну*“—(см. ниже) ударение служит формальным отличием будущего времени сравнительно с настоящим. Напр., сравните по ударению и по значению глаголы: „дохну́“ и „до́хну“, „пахну́“ и „па́хну“ и др. Повидимому перенос ударения в таких глаголах с корня на примету служит формальным средством сообщать глаголу значение будущего времени, хотя это обнаруживается лишь в некоторых подобных глаголах. Теперь представим попытку составить таблицу морфологической классификации слов, имеющих формы. Примем во внимание всё наше предыдущее разсуждение.

Разряды слов, имеющих формы.	Формы, имеющиеся в этих разрядах.
Имена существительные.	Падеж, число.
Имена прилагательные	Род, падеж и число.
Глаголы.	Лицо, число, время и наклонение.

Разряды слов, не имеющих форм.

Наречие, союз и предлог.

Примечание. Причастия являются отглагольными прилагательными, а деепричастия—отглагольными наречиями. Поэтому формы причастий являются такими же формами, какие мы видели в именах прилагательных. Причастия изменяются в своем морфологическом строении в зависимости от того, к какому времени они относят признак, обозначаемый глагольной основой, но все эти изменения происходят лишь во внутреннем составе слова, во внутренних морфологических частях отглагольного прилагательного, а не во внешних частях, к числу которых относятся и изменяемые форманты—флексии. В причастиях же мы наблюдаем только перемену суффиксов: ущ, ящ, ш, вш, м, н, т, так, от глагола „везу" мы имеем следующие причастные формы: вез-ущ-ий; вез-ш-ий; вез-о-м-ый; вез-ен-н-ый. От глагола „люблю" мы имеем следующие формы отглагольного причастия (прилагательного): люб-ящ-ий, люб-и-в-ш-ий; люб-и-м-ый; люб-л-ен-н-ый; суффикс *т* является в форме причастия прош. времени страдат. залога (см. ниже учение о залоговых формах русского глагола), напр., ры-т-ый; ши-т-ый и проч.

Таким образом мы наглядно убеждаемся в том, что формы словоизменения в причастиях остаются одними и теми же во всех глаголах, и изменяются лишь суффиксы, а такого рода изменения затрагивают лишь словообразовательный состав слов, а не состав словоизменения. В нашей же морфологической таблице мы имели в виду представить лишь классификацию форм словоизменения, а не форм словообразования. Формы же словообразования составляют в грамматике совсем особый отдел. Итак, *наша морфологическая классификация слов русского языка имела в своей основе различаемость слов по изменяющимся окончаниям слов.*

§ 10. Флексия, как средство связи слов.

Если мы назовем способность слов изменяться по окончаниям *вообще флексией слов*, то *флексия* с этой точки зрения, *явится средством связывать слова в различные сочетания*, а так-как, такого рода связь между словами называется *грамматическою связью*, и. ч. виды этой связи, согласование и управление, разсматриваются в грамматике, то способ связи между словами обусловливает собой *грамматическое и неграмматическое словосочетание.* Такое сочетание слов, при котором сочетающиеся друг с другом слова изменяют свой звуковой состав посредством присоединения к основе слова формантов, называется *грамматическим* словосочетанием: напр., „я пью воду", „старый дом стоит на горе". Форманты могут быть различными: для грамматического словосочетания необходимо, чтобы форманты стояли в самом конце каждого слова и образовывали собой формы

падежа, *рода* и *лица*, а также—*числа*, *времени* и *наклонения*. При этом надо иметь в виду, что не все эти формы могут являться зависимыми от каких-либо слов данного словосочетания. Так, в сочетаниях: „я хочу воды“ и „я вижу прозрачную воду“ формы слов „хочу“ и „вижу“ вызваны словом „я“, формы „воды“ и „воду“ вызваны словами „хочу“ и „вижу“; форма „прозрачную“ вызвана словом „воду“. Все такие формы, которые вызваны требованием других слов в словосочетаниях, называются *синтактическими формами*. Такими формами являются формы падежа, лица и рода, а формы числа, времени и наклонения являются *несинтактическими формами*. Напр., „я хочу зрелища“ и „я хочу зрелищ“ или „мы хотим зрелища“ и „мы хотим зрелищ“. В этих словосочетаниях форма „зрелищ“, которую я поставил вместо формы „зрелища“ вовсе не зависит ни от слова „хочу“, ни от слова „я“, ни от слова „хотим“, ни от слова „мы“ т. к. *при этих же самых словах* стояла и форма „зрелища“, следовательно, форма числа (множественного) не зависит в словосочетании от какого либо другого слова, между тем как форма падежа (родительного) зависит от глагола „хочу“ или „хотим“. Равным образом формы лица „хочу“, „хотим“ зависят от слов: „я“, „мы“. Значит, эти формы являются *синтактическими*. Между тем как формы наклонения и времени, напр., „пиши“, „сидишь“ и под. являются независимыми в словосочетаниях от других слов: я могу сказать слово „пиши“ или слово „сидишь“ вне всякой зависимости их от других слов, хотя сами они и могут требовать синтактической формы падежа, напр., „пиши письмо“; „сидишь три часа“ и под. Всякое словосочетание без связи между словами посредством флексий и вообще изменяющихся формантов является, в силу вышесказанного *неграмматическим словосочетанием*.

§ 11 Бесформенные слова и их синтаксис.

Из предыдущего мы видим, что главнейшим элементом грамматического словосочетания является *форма*, что не будь формы, не было бы и грамматической связи между словами, а без таковой связи речь явилась бы для нас совершенно непонятною; словом, не было бы и *синтаксиса*, т. к. *весь синтаксис* флективных языков, к каковым принадлежит и русский язык, *зиждется на форме*. Само собой разумеется, что и бесформенные слова могут образовывать известного рода сочетания, но эти словосочетания понимаются нами не благодаря своей формальной связи, существующей в *грамматических* словосочетаниях между входящими в сочетания словами, а благодаря нашему психологическому отношению к значениям слов, составляющих неграмматическое сочетание. Это психологическое отношение наше дает нам возможность иметь тогда дело не со словами, как единицами звукового

языка, а с представлениями, возбуждаемыми в нашем сознании этими словами, как звуковыми восприятиями, порождающими незвуковые представления. В самом деле, в следующем, напр., словосочетании: „сегодня нельзя идти купаться вследствие холода“ нет формальной связи между этими словами, но всетаки это сочетание слов нам понятно. Почему это? Да потому, что каждое из этих слов вызывает в нашем сознании конкретное представление тех ощущений и последствий, которые связываются в нашем сознании с купаньем в холодной воде. Таким образом, для понимания этого и подобных словосочетаний (неграмматических) мы заменяем безсознательно грамматическую связь между словами психологическими актами представлений, возбужденных акустическими восприятиями при произнесении этих слов. Значит, перед нами здесь является *не грамматическое предложение*, а *психологическое суждение*, которое мы собственно *разгадываем* психологическими средствами апперцепции. Таким образом, здесь при анализе неграмматических словосочетаний формы слов, образуемые средствами самого языка, т. е. звукосочетаниями, как бы отходят на задний план, т. к. в неграмматических словосочетаниях мы имеем дело с бесформенными словами, и формы слов нередко даже вовсе отсутствуют; здесь вместо форм, т. е. вместо слышимых нами (а при письме и видимых нами) звуковых сочетаний, составляющих *звуковую связь* между словами, появляются постигаемые нашим сознанием незвуковые представления, без посредства звуковых форм и сознаваемые нами отношения между такими представлениями являются уже делом нашей *психики*. Отсюда и тот отдел языка, в котором анализируются неграмматические сочетания, является *психологией речи*, т. к. в этом отделе мы изучаем *психические факторы развития языка*. Поясним это примерами. В синтаксисе, т. е. в сочетаниях слов, имеющих формальные изменяемые принадлежности, мы привыкли видеть связь между словами при посредстве этих самых формальных принадлежностей. Поэтому *грамматические средства согласования и управления* были совершенно достаточными для разбора связи между словами в связной речи. В таком грамматическом разборе связи слов все дело разбора сводилось к анализу видов отношения между словами, отношение же мыслящего индивидуума к тем представлениям, которые возникали в нашем сознании при слышании связной речи, т. е. к тем языковым представлениям, которые даются нам в речи при посредстве слов языка, оставалось совершенно в стороне, за пределами участия в синтактическом разборе связи слов. Совсем другое мы увидим, если будем себе представлять свое отношение к тем представлениям, которые возникают в нас при слышании слов речи. Так, если мы возьмем словосочетание: „умереть—уснуть“, то прежде всего мы поймем, станем сознавать, что мы это словосочетание понимаем; стало быть, для нашего понимания речи нет и надобности

в формальной связи между словами. Понимание же наше, как видно, обусловлено не наличностью формальных принадлежностей, связывающих слова друг с другом грамматической связью, а, напротив, наличностью тех наших представлений, которые возбуждаются в нас словами языка, независимо от того, есть-ли между этими словами формальная связь, или нет. Так, при слышании связи слов: „умереть-уснуть“ мы представляем себе состояние мертвого человека, как будто бы таким мертвым сделался я, мыслящий индивидуум, и наше это представление ассоциируется со знакомым нам состоянием сна, при котором мы теряем сознание и как бы перестаем жить. Вот эти наши представления, навеянные на нас языковыми представлениями слов „умереть“, „уснуть“, доводят наше сознание до того, что мы представляем себя спящими и свое состояние сна по аналогии считаем состоянием смерти. Отдавая себе отчет в значении словосочетания „умереть-уснуть“, мы сознаем, что наше понимание этого словосочетания „умереть-уснуть“ может быть выражено ближе всего к содержанию нашего понимания в словах: „смерть есть сон“. Хотя мы должны постоянно иметь в виду, что средства выражения в языке одного и того-же нашего переживания совсем в данном случае различные, и эти средства языка не должны быть смешиваемы друг с другом: с точки зрения этих средств, т. е. с точки зрения слов в их способности распадаться в нашем сознании на основы и флексии, или, что то-же, с точки зрения форменных и безформенных слов в языке, выражения: „умереть-уснуть“ и „смерть есть сон“ суть совсем различные выражения *лингвистически*, но *психологически* они тождественны. Вот психологически „умереть“ в словосочетании „умереть-уснуть“ является в роли подлежащего, т. е. в роли именительного падежа, психологического суждения, а „уснуть“ в роли именного сказуемого этого же суждения. Следовательно, когда мы имеем дело не с грамматическими словосочетаниями—грамматическими предложениями, а с психологическими суждениями, то предметом нашего синтактического анализа являются не слуховые восприятия, как таковые, а те психологические элементы, которые мы называем представлениями и которые возбуждаются в нас под влиянием слуховых восприятий, называемых словами языка. Значит, слова языка рассматриваются при этом, как простые возбудители наших психических актов. Психические же акты делаются реальными членами нашей мысли независимо от языковых форм их выражения. Срв. *Бернштейн.* Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова. Изв. Отд. рус. яз-и слов Рос. Ак. Н.1920 г. т. XXV.

§ 12 Психические процессы, содействующие нашему пониманию сочетаний бесформенных слов.

Такой психический процесс мы переживаем в себе и при восприятии, например, словосочетания: „ум хорошо, а два лучше“.

Постараемся вникнуть в то, что здесь признается „хорошим“. Разсуждаем так: дано ли в языке нам здесь то, что признается хорошим? Конечно, нет! Это „хорошее“ нужно *почувствовать* своим сознанием, и, когда мы это почувствуем, т. е. представим себе свое отношение к смыслу этого изречения: „ум—хорошо“, тогда мы будем готовы переложить эти безсвязные в грамматическом смысле слова примерно в следующие: „если у тебя есть ум, то это хорошо, но еще лучше будет, если ты будешь иметь два ума: один свой, а другой твоего собеседника“. Мы теперь видим, что на почве психологической возникают в языке и все эллиптические суждения—предложения, все эллиптические изречения. Теперь возьмем словосочетание: „купаться полезно“ и обратим внимание на форму слова „полезно“. *С чем* это слово связано и *чем* оно связано? Грамматическая ли это связь? Мы видим, что слово „полезно“ стоит в форме среднего рода, следовательно, оно, как прилагательное среднего рода, должно быть согласовано с каким-нибудь словом этого словосочетания *в роде и числе*. Кроме слова „купаться“ в этом словосочетании нет никакого другого слова: здесь только и есть два слова: одно—„купаться“, а другое „полезно“. Стало быть, остается думать, что слово „полезно“ согласовано со словом „купаться“. Но слово „купаться“—безформенное слово, след., оно не может иметь никакой формы: ни формы рода, ни формы падежа, ни формы лица, ни формы числа. А, значит, и слово „полезно“ не может быть согласовано со словом „купаться“. Отсюда мы заключаем, что словосочетание „купаться полезно“ состоит из таких двух слов, между которыми нет никакой формальной грамматической связи. Значит, мы опять в этом примере имеем неграмматическое словосочетание, а мы уже знаем, что такое словосочетание является психологическим суждением. Следовательно, опять надо вникнуть в свое отношение к значениям этих слов: „купаться“ и „полезно“. Форма среднего рода слова „полезно“ наводит нас на мысль, что „полезным“ здесь признается не отдельный какой либо момент купанья, а все в совокупности, что связано с купаньем: ощущение воды, омовение тела, влияние воды и омовения на организм и на здоровье и проч. Так мы представляем себе купанье и его значение для нашего организма, а потому в форме „полезно“ мы об'единяем все наши представления, связанные с актом купанья, и признаем, что все это, вместе взятое, полезно. Следовательно, при синтактическом анализе и этого словосочетания выяснилось, что наше сознание имеет при этом анализе в виду не только акустические восприятия, называемые „словами“ языка, но и наше психологическое отношение к представлениям, возбужденным в нас словами языка. Опять, значит, в этом словосочетании „купаться полезно“ проглядывает и участие мысли говорящего индивидуума в оценке произносимого, чего при анализе *грамматических* предложений или словосочетаний не было видно: там все

давалось в звуковых формах языка, а здесь дается в мысли говорящего, слова же здесь являются просто раздражителями слуховых нервов, передающих нашему мозгу, стало быть, и сознанию представления о значении купанья. Вот эти то представления и делаются членами психологического суждения: „купаться полезно“. Но среди этих членов психологического суждения мы видим слово „полезно“ в форме *среднего рода* и, доискиваясь причины того, почему, именно, средний род употреблен в данном случае языком, приходим к ответу, что в данном случае мы имеем дело *с согласованием по смыслу*, а не по форме, т. к. форма здесь отсутствует, а смысл мы выше выяснили путем приложения психологического анализа к нашим представлениям. Нельзя думать, что форма „полезно“, как форма среднего рода от прилагательного „полезен“, сохраняет в себе указание на то, что infinitiv „купаться“ признавался прежде грамматическим сознанием говорящих за форму среднего рода: для этого нет оснований ни в звуках, составляющих слово „купаться“, ни в значении этого слова. Это просто привычка нашей мысли относить к среднему роду все то, грамматический род чего не дан нам в формах языка. Сравни: „смотреть приятно“, „учиться интересно“ и под. При произнесении словосочетания „купаться полезно“ мы *представляем* себе дело так: представляем процесс купанья и его благотворное влияние на наше здоровье; мы признаем это влияние полезным и средствами языка выражаем свое отношение к купанию словами: „купаться полезно“. Отсюда ясно, что *мы вкладываем в слова языка свое понимание тех представлений, которые возникают в нас при словах языка*, и это самое наше понимание мы разбираем, как *члены психологического суждения*.

§ 13. Психологические суждения и грамматические предложения.

Психологические суждения, возникающие в нашей мысли при обдумывании материала нашей мысли или при слышании нами чьей-либо речи, имеют ту особенность сравнительно с *грамматическими предложениями*, что они не связаны никакими формами: *это скорее мысли вслух, чем связная речь, образованная из слов, связанных друг с другом формальными принадлежностями, состоящими из звуковых сочетаний, изменяющих свой вид по требованию формального синтаксиса*. Возьмем, наконец, еще следующий пример: „Где нет борьбы, там нет и удовлетворения“. Этими словами выражено наше отношение к жизненной победе, которая одерживается после борьбы с жизненными неудачами. Смысл этих слов такой: „надо бороться“. Таково наше отношение к тем понятиям, которые мы вкладываем в вышеприведенные слова; таково наше понимание приведенного

выше словосочетания: „где нет борьбы, там нет и удовлетворения“. Психологический вывод из такого нашего отношения к мысли этого словосочетания приблизительно следующий: „борись, и в борьбе ты почувствуешь, что ты еще живешь и не сдаешься подобно ничтожеству или слабому существу“. Само собой разумеется, что психологические суждения допускают и различное понимание и разнообразные выводы у собеседников, а потому в психологических суждениях и коренятся источники всяких недоразумений. Психологические суждения находятся в таком же приблизительно отношении к связной речи флективных языков, в каком находится идеографическое или иероглифическое письмо к письму буквенному. После всего сказанного я могу попытаться дать научное определение психологического суждения сравнительно с грамматическим предложением. *Психологическое суждение есть ряд слов, взаимное отношение между которыми определяется отношением между теми представлениями, которые вызваны в нашем сознании слышимыми или произносимыми нами словами. Грамматическое же предложение есть такое словосочетание, в котором формою сказуемости определенно указывается отношение сказуемого к именительному падежу, или к подлежащему. Формами сказуемости являются формы лица, времени и наклонения. Формами создается синтаксис флективных языков.* В частности формами падежей создается *склонение*, формами рода создается *изменяемость имен прилагательных* и формами лиц создается *спряжение*.

§ 14. Изменяемость имен существительных, имен прилагательных и глаголов.

Выше мы говорили о том, чем характеризуется изменяемость различных частей речи. Имена существительные характеризуются формами падежей, имена прилагательные — формами родов и глаголы — формами лиц.

Формою падежа называется такое изменение имени существительного, которое вызывается к жизни требованием глагола по преимуществу. Форма именительного падежа есть форма подлежащего в грамматическом предложении, а потому она, как независимая, имеет самостоятельное значение в словосочетании и, строго говоря, не распадается в нашем сознании на основу и флексию, которой она связывается с другими словами; она остается независимой и не вызывается к жизни другими словами в словосочетании, но сама вызывает к жизни другие слова того словосочетания, в котором она стоит. Напр., „человек живет“, „собака живет“, „растение живет“. При сравнении этих трех грамматических словосочетаний, в которых формою лица „живет“ определенно указано отношение этой формы к именительному падежу

„человек“, к именительному падежу „собака“ и к именительному падежу „растение“, мы видим, что всем этим именительным падежам приписывается общий признак жизни, обозначенный глагольной основой формы „живет“; а что этот признак приписывается, именно, всем трем подлежащим в трех грамматических предложениях,—это видно из той формальной связи с каждым из трех подлежащих, которая выражена личным окончанием 3-го лица глагола „живет“. Не смотря на перемену подлежащих в этих трех предложениях сказуемые в них оставались без перемены; это доказывает собой, что подлежащие вызывают собой к жизни сказуемыя в определенных формах лица и числа. Следовательно, *подлежащие*—именительные падежи—*не зависят от других членов грамматического предложения, а от них зависят формы сказуемого.* Таким образом, ясно, что форма именительного падежа не зависит от требования другого какого-либо слова в данном словосочетании, но от нее зависят формы других слов. А так как формы падежей, составляющих склонение имен существительных, являются формами зависимости, то *именительный падеж не является падежом в строгом смысле слова, а есть только исходный пункт изменяемости имени существительного по склонениям.* Поэтому именительный падеж признается *началом слова*—имени существительного и служит в связной речи *названием того понятия*, которому приписывается известный признак, выраженный основой глагола. Вот в виду всего вышесказанного о роли формы именительного падежа в словосочетаниях самая теория склонения имен существительных не может основываться на различаемости именительных падежей, а потому и формы именительного падежа не должны быть принимаемы в расчет при классификации имен существительных по склонениям.

§ 15. Классификация имен существительных по склонениям.

Эта классификация в научной грамматике должна строиться на различиях форм одних и тех же падежей во всех именах существительных. Мы займемся такой классификацией. Эти различия в формах одних и тех же падежей всех имен существительных резче всего выступают в *формах родительного, дательного* и *творительного падежей единственного числа.* А потому мы возьмем формы этих трех падежей за основание классификации. Форма род. падежа ед. ч. имеет флексию 1) *а* или *'а* (*я*); 2) *ы* или *и* и 3) *и* без соответствия в гласном заднего ряда. Напр., сад-а, звер'-а (я), обычай—а (я); вдов-ы, вол'-и; кост'-и.

Форма дат. падежа ед. числа имеет флексию 1) *у* или *'у* (*ю*); 2) ѣ; 3) *и*. Напр., сад-у, звер' (ю), обычай-у (ю); вдов'-ѣ, вол'-ѣ;

кост'-и. Форма творит. падежа ед. числа имеет флексию: 1) *омъ* или *'омъ (емъ);* 2) *ою (ой)* или *'ою ('ой)*—ею *(ей);* 3) *ію (ью).* Напр., сад-омъ, звер'-омъ (емъ), обычай-омъ (емъ'; вдов-ою (ой), семьj-ою (ею, ей); кост'-ію (кост'-ью). Анализируя эти флексии, мы видим, что они распадаются на три группы: в первой группе род. п. ед. ч. оканчивается на *а (я)*, дат. п.—на *у (ю)* твор. п.—на *ом (ем)*

Во 2-ой группе

. . . . . *ы (и)* . . . . . *ъ* . . . . *ою (ею)*

В 3-ей группе

. . . . . *и* „ . . . . . *и* . . . . *ію (ью)*

Теперь, если имя существительное имеет флексии I-ой группы и не смешивает их с флексиями II-ой или III-ьей группы в процессе склонения, то оно будет признаваться нами за *правильное* склонение, напр., сада, саду, садом... Равным образом, если имя существительное имеет флексии II-ой группы, не смешивая их в процессе склонения с флексиями I-ой и III-ьей групп, то оно будет тоже *правильным.* Наконец, если имя существительное имеет флексии III-ьей группы, не смешивая их с флексиями I-ой и II-ой групп, то оно будет тоже принадлежать к *правильному склонению.* Отсюда выходит, что *правильных склонений в русском языке три.* Вот их примеры: I. *садъ, зверь, обычай.* II. *Вдова, земля.* III. *Кость, мысль.* Отсюда же вытекает, что те имена существительные, которые смешивают флексии разных групп в процессе склонения, должны быть признаны именами существительными *неправильного склонения.* Примерами неправильного склонения могут быть следующие: слово „*время*" имеет в род. и дат. падежах ед. числа флексию „*и*"; следовательно, мы ожидали бы, что, согласно вышеприведенной таблице, это слово своими флексиями двух падежей указывает на свою принадлежность к III-ьей группе правильных склонений, но тогда в творит. падеже оно должно было бы иметь флексию *ію (ью)*, между тем мы имеем форму „времен-*емъ*", т. е. форму творит. падежа I-ой группы. Значит, это слово смешивает в своем склонении флексии III-ьей и I-ой группы. Стало быть, оно принадлежит к *неправильному склонению.* К такому же *не правильному* склонению принадлежит слово: „путь". Срв. *пути, пути,* но: „*путем*". Если мы возьмем возможно большее количество примеров, то мы убедимся, что в русском языке и нет других падежных флексий, а равно и нет других неправильностей в *области флексий*, кроме вышеприведенных. Но есть другие неправильности *в области основ* склонения. Эти случаи мы сейчас разберем.

Здесь приходится отдельно поставить склонение слова „дитя". которое имеет в твор. п. ед. ч. „дитятею", при род. ед. и дат. ед, „дитяти". Именно, по род. и дат. п. п. ед. числа мы заключаем, что склонение этого слова должно идти по III-ьей группе правильных изменений, но этому заключению препятствует флексия твор. п. ед.

числа: „*ею*“. Поэтому мы должны признать *по флексиям* трех основных падежей слово „дитя“ принадлежащим к группе слов *неправильного* склонения; но, кроме этого, в склонении слова „дитя“ мы замечаем еще особенности и *в основах* падежных форм. Именно, основа косвенных падежей ед. числа в этом слове будет *дитят*,— а основа падежных форм множ. числа в этом слове будет: *дѣт*.. Что касается основы имен. п. ед. числа этого слова, то основой его будет *все слово* современного русского языка именно: „*дитя*“ и в нем не имеется флексии, как и в словах типа „*время*“ и под, Такое явление образовалось исторически. Вот в чем дело: слово „дитя“ оканчивалось в старину на *носовой* гласный переднего ряда є, (ѧ) +t т. е. на сочетание звуков-*ent*, но *t* отпало по закону фонетики еще ранее праславянской эпохи в конце слова: так образовалось слово ditє из dětє, откуда в прарусскую эпоху dět'a,=дѣтꙗ (срв. врємꙗ, а это-из врѣмꙗ.) Таким образом, в слове „дитя“ мы имеем *три* основы в процессе склонения этого слова: „дитя“, „дитят“ и „дѣт“. В неправильном склонении мы имеем целый ряд слов с *двумя* основами: с одной—для единственного числа и с другой—для множественного. Сюда принадлежат все имена существительные *с суффиксом единичности—„ин“*, который обозначает в таком случае, представителя народности, сословия, известной организации или группы; напр., *татарин*, *англичанин*, *дворянин*, *боярин*, *мещанин*, *гражданин*, *поселянин*, *семьянин* и под. Множественное число от всех этих и подобных слов имеет прежде всего ту особенность, что теряет суффикс единичности—*„ин“*: *татары*, а не *татарины; англичане*, а не *англичанины; дворяне, бояры* (или бояре), *мещане*, *граждане*, *поселяне*, *семьяне* и под. Основа падежей ед. ч., напр., *татарин*,—*англичанин*,—*дворянин*,—*боярин*,—*мещанин*,—*гражданин*,—*поселянин*,—*семьянин*—; а основа множ. числа: *татар*,—*англичан*,—*дворян*,—*бояр*,—*мещан*,—*граждан*,—*поселян*,—*семьян*—; сюда же принадлежат имена существительные с суффиксом *енок*—, обозначающий в таком случае подростка-человека или животное. Напр., *ребенок, теленок, цыпленок, медвежонок, утенок* и под. Первая из этих двух групп имеет во множ. числе окончание-*е* или (редко) *ы*: *англичане*, *татары*. Вторая группа имеет—*'ата* или после *жс—ата: ребята*, *телята*, *медвежата* и проч. Обыкновенно, *школьные* учебники русской грамматики учат неправильно об этих двух группах имен существительных, говоря, что имена сущ. на—*анин* и—*янин* имеют во множ. ч. *ане* и—*яне*. Но если так учить, то сюда не подойдет такое слово, как *татарин*, в котором нет ни суффикса—*анин*, ни суффикса—*янин*, а есть суф.—*ин*—; множ. же число имеет или-*е*-, или-*ы*: *татаре* и *татары*. Первое окончание в этом слове встречалось часто в старом языке, ныне-же исключительно существует -*ы*-: *татары*. Что касается второй груп-

пы с суф.-*енок-*, то множественное число имен этой второй группы, имея суф.—*ата* или *ята*, представляет собой *старое образование с суффиксом*—*мт*-(*et*), который мы видели уже в слове дѣтѧ, род. п. ед. ч. дѣтѧте и т. д. срв. телѧ—телѧте; робѧ-робѧте и т. д. срв. русское диалектическое „робенок", „робята" и древне-русское „робя"=ребенок и „робята". Наш звук *е* после *р* в этом слове явился по ассимиляции с гласным второго (суффиксального) слога—„*бе*". Эта *ассимиляция—на разстоянии*, в двух разных слогах, а не в звуках, непосредственно следующих друг за другом в одном и том же слоге. К *третьей* группе имен, имеющих *две основы* в склонении: одну основу в ед. числе, а другую—во множ. числе, я отношу старое склонение имен с основой на согласный „*с*": „небо", „чудо"; в них ед. число об'единилось со словами типа „*окно*", т. е. со словами правильного склонения I-ой группы: род. п. „неба", дат. п. „небу", твор. п. небом. А множ. число у них идет с другой основой, именно, с основой-на „*с*": *небес—чудес,—небесах—чудесах.*

§ 16. Имена прилагательные в их склонении. Степени сравнения. Бесчленная форма прилагательных.

Переходим к именам прилагательным. В научной грамматике нам придется обратить внимание в отделе имен прилагательных только на следующие вопросы: 1. склонение имен прилагательных с суффиксом: *ий-ья-ье (птичий, третий, соболий* и под. 2. Синтактическая роль форм степеней сравнения. и 3. Существительная (именная, безчленная) форма имен прилагательных. Склонение имен прилагательных с суффиксом *ий-ья-ье* представляет сравнительно со склонением прочих имен прилагательных следующую особенность: они *не* сливают в звуковом отношении основ ни в одной форме падежа и ни в одной форме рода с флексиями, *кроме формы именительного падежа единственного числа мужеского рода: все остальные формы отделяют свои основы от флексий неслоговым гласным звуком, который препятствует слиянию последнего согласного основы с первым гласным флексии.*

Так: „*птич-ий,*" но: птичь-яго; „*коз-ий,*" но: козь-яго, треть-яго
птичь-ему козь-ему, треть-ему
птичь-имъ козь-имъ, треть-имъ
птичь-емъ козь-емъ, треть-емъ

Так-же и *соболий, зайчий, охотничий* и под. Сравнивая морфологию изменения слова *охотничий*, например, и *ловчий,* мы наблюдаем следующую разницу.

охотнич-ий;	ловч-ий	
охотничь-его;	ловч-аго	(*аго* вм. *яго* после *ч; это* явление орфографии, а не языка: произношение-„ловчяго")
охотничь-ему;	ловч-ему,	
охотничь-имъ;	ловч-имъ	
охотничь-емъ;	ловч-емъ	(ловчяво-ловчево-лофчево.)

Это *ь*, которое отделяет в произношении флексии падежей от основы *охотнич.*-и под. восходит к i͡, которое в положении перед *і* фонетически исчезает, а перед прочими гласными появляется; твор. же падеж „охотничь-имъ“ имеет во флексии i͡: охотничь—jимъ, (см. мой „Учебник грамматики рус. языка“ для средн. уч. зав. Москва 1916.[5] Стр. 20 и 26. § 8.)Так им образом, имен. падеж *охотничий* получился фонетически из охотничi͡ій, откуда: *охотничій*, а далее:

охотничi͡-его (*яго* заимствовано из церковно-славянских книг.).
охотничi͡-ему
охотничi͡-емъ.

Во множ. числе везде j перед следующим *і* (*и*) флексий. Так-же получились формы и прочих подобных прилагательных. В слове же *ловчій*, *синій*, *колючій* и под. никогда не было в основе i͡, что видно из косвенных падежей, где произошло слияние последнего согласного основы с первым гласным флексий. Этот первый гласный оказывал палатализующее влияние на предшествующий ему согласный основы, т. к. он был гласным переднего ряда: *син'-ій*, *син'-его*, *син'-ему*, *син'-им*, *син'-ем*. Флексия *яго не русская:* она заимствована из церковно-славянской книжности, а образовалась она на старославянской (древнеболгарской) почве следующим образом: бесчленная (существительная, именная) форма прилагательного, напр.—*синь* при образовании членной (местоименной) формы соединялась с местоимением личным 3-го лица: ѥ, ѣ, ѥ. причем формы падежей и родов бесчленного прилагательного, и при этом происходили звуковые изменения ассимиляции и сокращения.

Так: синь+ѥ, синѣ+ѣ, сине+ѥ
синѣ+его, синѣ+ѣѣ, синѣ+его,отсюда:
синѣ—аго, синѣ—ѣѣ, синѣ—аго, а по сокращении:
синаго, синѣѣ, синаго и т. д.

Вот эта-то форма и вошла целиком из церковно-славянских книг в русские книги, но формы живого русского языка издавна отличалась от *книжных:* в них местоименные формы присоединялись не к формам соответствуюших падежей, родов и чисел бесчленных прилагательных, а к их *основе*. (см. об этом в моих „Лекциях по истории рус ского языка“. Издание 2-ое. Казань. 1914 г. Стр. 234—239.). Что касается степеней сравнения в именах прилагательных, то они втечение времени потеряли все свои формы и превратились в современном русском языке в *бесформенные* слова. Так, мы теперь говорим одинаково: *сын добрее* отца, *жена добрее* мужа, *дитя добрее* взрослых. След., слово „добрее“ не изменяется по родам: но оно не изменяется и по падежам и по числам: напр. „не выбирай советника *умнее* правителя“ или „не выбирай советников *умнее* правителя“. Эта вода „чище“ той: она *прозрачнее* ее. „Брат *красивее* сестры“. „Сестра *красивее* брата“. Наконец, и в сочетании с глагольными

формами, в роли наречия, ни одна степень сравнения не представляет ныне никаких формальных изменений: „пишу *чисто*“, „пишу *чище*“ и т. п. Суффиксы степеней сравнения, т. е. словообразовательные элементы, следующие: *ъе (ъй), е, ьше*: болѣе, болѣй, лучше, больше, чище. Суффиксы *ъйший, айший* и *ший*, как суффиксы членных имен прилагательных, имеют родовые и падежные, а также и числовые изменения. Такие прилагательные, не смотря на свои значения, изменяются, как простые имена прилагательные. Значения же им приданы словообразовательными элементами, а мы выше уже видали, что словообразовательные части слов не оказывают влияния на формы словоизменения, т. е. на флексии. Эти суффиксы часто и не сопровождают собой значений, полученных в результате сравнения, напр., в выражениях, подобных следующему: „добрейший Иван Иванович“ и т. п.

Из предыдущих примеров употребления форм степеней сравнения мы заключаем, что в современном русском языке степени сравнения совсем утратили свои старые формы рода, падежа и числа и превратились в бесформенные слова, а этим самым они приблизились к наречиям, и в некоторых словосочетаниях даже невозможно теперь отличить наречие от какой-либо степени сравнения от имени прилагательного. Так, при анализе словосочетаний: „он мне *ближе*, чем ты“ и „он стоял *ближе*, чем ты“,—мы видим, что *отличий формальных* между словами „ближе“ в обоих словосочетаниях нет никаких. Следовательно, с точки зрения формального синтаксиса *степени сравнения являются несинтактическими формами;* кроме того, степени сравнения от наречий качественных и от прилагательных качественных являются одними и теми же словами, т. ч. различение тех и других предоставляется полному произволу говорящих; в самом деле, нельзя же *по смыслу* устанавливать форму, а в данном случае, именно, форма-то и отсутствует. Остается опять вспомнить психологическое суждение, не имея признаков грамматического предложения: „он стоял ближе, чем я“ и „он мне ближе, чем ты“. Второе из этих словосочетаний, действительно, является рядом слов, не связанных друг с другом никакими формальными принадлежностями, а первое представляет собой в слове „ближе“ некоторое определение глагольной формы „стоял“ и потому оно является наречием. Определяя признак признака, выраженного глагольной основой в форме „стоял“, слово „ближе“ является формою сравнительной степени от наречия „близко“. Но, ведь, это последнее слово есть средний род бесчленного прилагательного от „близкий“ — „близок“ — „близка“ — „близко“; срв. „это селение близко“: даже не „близко“ и по ударению не отличается от наречия! Таким образом, полное звуковое совпадение наречия и имени прилагательного в разных синтактических ролях и в разных степенях сравнения доказывает нам то, что *морфологически действительно нет различия между именем прилагательным и наречием*: язык

совершенно не различает этих частей речи в известных частных случаях, а это и означает, что вместо формы все более выдвигается размышление. Сравни: „Дитя хоть и *криво*, а отцу с матерью *мило*". Или: „Пишу я хоть и *криво*, а всетаки *красиво*". В самом деле, на чем основано наше утверждение, что в этих словосочетаниях слова: *криво* и *мило*—прилагательные, а слова: *криво* и *красиво* (во втором словосочетании) наречия? Очевидно,—на взаимоотношении слов „дитя" к этим двум прилагательным и „пишу" к наречиям: *криво* и *красиво*. Но, ведь эти отношения в языке ничем не выражены, если можно сказать и „дитя криво" и „пишу криво". *Стало быть, разрешать вопрос, где прилагательное, а где наречие,—предоставляется размышлению или, если хотите, смыслу.* А если так, то утрата форм в языке ведет за собой усиление в нем психологического элемента. Пока в языке резко выступал формальный элемент, хотя бы в порядке слов, как в наших примерах, до тех пор язык был точен. Вот степени сравнения и бесчленные прилагательные совершенно сблизили мало-по-малу имена прилагательные и наречия и их бывает часто очень трудно различить без вспомогательных средств психологического характера. Поэтому мы в классификации частей речи только и признаем за наречия *собственные наречия*, а не форму среднего рода бесчленного прилагательного: „медленно"—имя прилагательное, а „ныне"—наречие.

§ 17. Классификация слов по частям речи.

Все слова по отношению к их фунциям в речи разделяются на два крупных разряда: слова, имеющие в речи самостоятельные функции, и слова, не имеющие самостоятельных функций в речи. Деление школьных грамматик на слова знаменательные и на слова служебные построено не на формальном признаке, а на семазиологическом или, еще точнее, на логическом признаке. А *логическая грамматика* справедливо в наше время *противополагается научной грамматике,* которая должна иметь все признаки и особенности лингвистической дисциплины, а не философской дисциплины. По этому логическая грамматика с ее принципами или скорее с ее безпринципностью во многих ее отделах нам не годится. С нашей точки зрения все слова, как части речи, имеющие самостоятельные функции, делятся на: I Имена существительные, II Имена прилагательные, III Глаголы. IV Наречие, V Предлог и VI Союз. Теперь войдем в обсуждение этой классификации слов на шесть разрядов, именуемых *частями речи. Имена существительные*, как слова связной речи, являются выразителями подлежащего по преимуществу в том словосочетании, которое мы называем грамматическим предложением, а грамматическое предложение имеет в своем составе всегда *именительный падеж,* об именительном же падеже в словосочетании мы говорили выше. Это—падеж независимый и совершенно

самостоятельный. Этим, стало быть, доказывается, что имя существительное имеет в речи самостоятельные функции. След., имя существительное есть часть речи.

Имя прилагательное есть слово, которое в слово-сочетаниях является *определением* к имени существительному по преимуществу; следовательно, оно имеет самостоятельные функции в грамматическом предложении и потому является частью речи.

Глагол в личной форме является *сказуемым* грамматического предложения, а в безличных и в безсуб'ектных (см. ниже) предложениях личная форма глагола служит *единственным* выразителем всего словосочетания, как единого целого, именуемого предложением. Следовательно, глагол имеет самостоятельные функции и потому он составляет собой часть речи.

Наречие есть определение признака, выраженного в глагольной основе и приписываемого подлежащему личным окончанием глагольной формы, а потому наречие имеет тоже самостоятельные функции и служит частью речи.

Предлог образует собой форму зависимого падежа в словосочетании, а потому он тоже, значит, имеет самостоятельные функции и служит частью речи.

Союз есть слово связи между членами предложения или между предложениями. Это его самостоятельные функции, а потому союз тоже есть часть речи.

Теперь приведу примеры на все шесть разрядов слов-частей речи в словосочетаниях.

„Ручей бежит с горы". „Светлый ручей бежит с горы". „Светает". „По платью встречают, по уму провожают". „Всегда так будет и бывало". „Ручей быстро бежит". „Ступит на горы: горы трещат". „Солнце и месяц освещают землю". „Набежали тучи, и загремел гром".

Традиционные части речи: имя числительное, местоимение и междометие не могут стоять на одном уровне с упомянутыми выше действительными частями речи и вот почему: имя числительное количественное является типичным именем существительным по роду его изменений с формальной точки зрения. Действительно, слова *пять*, *шесть*, *семь* и проч. изменяются по падежам совершенно так же, как имена существительные типа *кость*, т. е. как III-ья группа имен существительных правильного склонения, следовательно, эти слова с точки зрения формальной грамматики являются существительными. Слово „*один*" является по своим изменениям падежным представителем безчленного прилагательного. Слово „три" и „четыре" по своим флексиям дают нам право признать их за формы множ. числа тоже имен прилагательных, причем следует здесь отметить

формы: „тре-хъ“ „тре-мъ“ как „сини-хъ“, „сини-мъ“; а форма „четырьмя“ и „тремя“ из старых „четырьми“, „треми“=„сини-ми“ по аналогии с формами утраченного двойственного числа.

Слово „тысяча“ соответствует слову „туча“ и т. д. Представим теперь параллельный обзор флексий слов, называемых по традиции именами числительным: один-ъ, дв-а, тр-и, четыр-е. Основы их: од(и)н—, дву,-тре,-четыре,—

—ого, —хъ, —хъ, —хъ.
—ому, —мъ, —мъ, —мъ.
—ымъ —мя, —мя, —мя: „четырьмя“—у Державина в оде
—(имъ) —(ми) —(ми) —(ми) „Водопад“.
—омъ —хъ —хъ —хъ

Если мы вникнем в этот обзор, то увидим, что слово „один“ имеет флексии прилагательного во всех родах; только флексия твор. п. ед. числа—*ымъ* не подходит к флексиям прочих падежей, но если мы возьмем форму этого слова не в русском произношении, а в старославянском или даже в звуках общеславянского языка, то мы получим и для твор. п. ед. числа флексию-*ымъ*: срв. *единъ—единымъ*. Слово „два“, как видно, представляет собой остаток формы *двойственного* числа, равно как и в женском роде „две“: срв. древнее русское дъвѣ для жен. и сред. родов, напр., дъвѣсътѣ, дъвѣ мѣстѣ, дъвѣ женѣ и проч. под. Основа „дву“—тоже взята из двойств числа, и к ней присоединились падежные флексии косвенных падежей имен прилагательных для образования форм множ. числа после утраты форм двойственного числа. Слова „три“ и „четыре“ по формам своего изменения принадлежат к той же части речи, которая имеет флексии косвенных падежей во множ. числе: хъ,-мъ,-ми,-хъ, т. е. к именам прилагательным: срв. добры-хъ, добры-мъ, добры-ми, добры-хъ. Нельзя считать за флексии окончаний: ыхъ, ымъ, ыми, ыхъ, п. ч. в звуке *ы* содержится и гласный основы прилагательного и гласный звук присоединяемого местоимения 3-го лица: ихъ, имъ, ими, ихъ. Из склонения этого местоимения и видно, что слова: *два, три, четыре,* суть прилагательные по своим флексиям, и, именно, прилагательные *членной* формы.

Так называемые *Местоимения* распадаются с формальной точки зрения на существительные и прилагательные: к существительным мы должны отнести *безродовые* местоимения, каковы: *я, ты, себя*, которые и флексиями своих косвенных падежей доказывают, что их склонение образовалось не без влияния со стороны склонения имен существительных. Напр., род. п. *меня, тебя, себя* своей флексией прямо указывает на свой образец в форме „*коня*“ и под., т. к. род. пад. единств. числа от старого местоимения азъ, мазъ или ма был мене, а не *меня*. Равным образом формы *тебя, себя* вместо старых тебе, себе вызваны к жизни влиянием таких форм существительных, как:

ремня', ячменя', плетня' и под. Этим влиянием склонения имен существительных на родительный падеж безродовых *личных* местоимений старого типа был нарушен весь процесс старого местоименного склонения личных безродовых местоимений, а потому в результате и получилось склонение *смешанное* из старых форм местоименного склонения и новых форм именного типа: формы мнѣ, тебѣ, себѣ, мною, тобою, собою остались от старины, хотя они и примкнули своими флексиями к именам существительным женского рода, с основой на старое *а*, как водѣ, водою и под. Родовые же и не личные местоимения, как кто, вьсь, он, онын, которын и под. слились в своих формах склонения с именами прилагательными, т. к. их флексии оказались тождественными с флексиями имен прилагательных. Вот на каком основании имена числительные и местоимения входят в разряд существительных или прилагательных, а, не имея самостоятельных функций в словосочетаниях, они не могут составлять и отдельных частей речи. Следовательно, с точки зрения формальной грамматики отдельными частями речи должны быть признаваемы вместо имен существительных, имен прилагательных, имен числительных и местоимений только *имена существительные* и *имена прилагательные*.

§ 18. Классификация глаголов по классам образования и по формам спряжения.

Теперь перейдем к глаголу. Выше мы выяснили самостоятельные функции глаголов в словосочетаниях. Эта особая часть речи требует к себе внимания не только с точки зрения синтактической своей роли, но и с точки зрения морфологического своего строения, т. к. мы различаем в глаголах *три основы*, и все эти основы самостоятельно участвуют в образовании глагольных форм. В глаголах мы различаем следующие три основы: 1) *общеглагольную основу* в каждом данном глаголе, 2) основу настоящего времени и 3) основу инфинитива. В этих основах, далее, мы различаем конечный звук: а) гласный звук, оканчивающий собой основу, и б) согласный звук, как конечный звук основы. Далее, в строении основы настоящего времени мы различаем две тематические гласные: гласную *е* и гласную *и*, посредством которых присоединяются личные окончания к основам. Глаголы с тематической гласной *е* мы называем *глаголами I-го спряжения*, а глаголы с тематической гласной *и*—*глаголами II-го спряжения*. В 1-ом лице ед. числа и в 3-ьем лице множ. числа настоящего времени при присоединении личных окончаний двух вышеназванных лиц происходят фонетические изменения тематических гласных. Далее, мы различаем по суффиксам (приметам) формы инфинитива *шесть классов* в глаголах. Форма инфинитива, образуется присоединением одного из этих суффиксов к глагольной основе. Так. обр. по тематическим

гласным, мы различаем *три* способа образования форм настоящего времени: А) *Глаголы без тематической гласной*, или глаголы *архаические*, характеризующиеся *непосредственным* присоединением личных окончаний настоящего времени к основе, и имеющие в личных окончаниях корни (или следы их) личных местоимений. Сюда принадлежат след. глаголы: ѣс-мь, да-мь, та-мь, вѣ-мь, има-мь. Всего *пять глаголов*, из которых глагол имамь уже утратил некоторые особенности архаических глаголов и спряжения: так, 2-ое лицо этого глагола има-ши имеет личное окончание, заимствованное из тематического спряжения—ши по аналогии с формами люби-ши и под. вместо сѝ архаических глаголов. Для сравнения мы прежде всего приведем таблицу личных окончаний настоящего времени архаических глаголов. Образцом спряжения таких глаголов возьмем глагол ѣсмь:

ѣс-мь	Образцом же тематического спряжения возьмем глагол вести-ведо$\breve{у}$; будем ставить форму лица против такой же формы тематич. спряжения: здесь мы имеем	вед-оу
ѣс-(с)и		вед-е-ши
ѣс-ть		вед-е-ть
ѣс-вѣ		вед-е-вѣ
ѣс-та		вед-е-та
ѣс-та		вед-е-та
ѣс-мъ		вед-е-мъ
ѣс-те		вед-е-те
(ѣ)с-оуть		вед-оуть

При сравнении этих двух типов спряжения выясняется, что существенное различие между двумя этими типами заключается в самом морфологическом строении форм этих спряжений. Вникнем в строение тех и других форм и посмотрим, к какому выводу приведет нас анализ строения этих форм с морфологической точки зрения и с точки зрения семазиологической. Прежде всего, что бросается в глаза при сравнении морфологии форм этих спряжений, так это то, что в архаическом, т. е. нетематическом, спряжении *личные окончания присоединяются непосредственно* к глагольной основе (она же здесь и *корень* глагола) без всякого тематического гласного, почему и самое спряжение это называется *нетематическим*, между тем, как в глаголе ведоу во всех лицах, кроме 1-го лица ед. числа и 3-го лица множ. числа, нами отделен тематический гласный *е*, которым присоединяются личные окончания ши-,ть,-вѣ,-та-та,-мъ-те, к корню вед-, так что основа настоящего времени в этом спряжении оканчивается на гласный звук *е*, и образуется веде; тогда как в архаическом спряжении основа форм настоящего времени (корень глагола) ѣс-оканчивается на согласный звук. Так. обр., архаическое спряжение отличается от тематического спряжения тем, что в архаическом (нетематическом) спряжении основа оканчивается на согласный звук, а в тематическом спряжении на гласный *е* или *и*. Это первое и главное отличие. Второе отличие состоит в том, что в нетематическом

спряжении личными окончаниями форм настоящего времени служат корни или коренные звуки личных местоимений, сохранившиеся в прозрачной чистоте; между тем, как в тематическом спряжении личные окончания форм настоящего времени уже не сохранили своей чистоты и свежести в звуках, составляющих корни личных местоимений. Так, личное окончание 1-го лица ед. ч. настоящего времени в архаических глаголах сохранило согласный звук м, входящий в состав коренных звуков личного местоимения 1-го лица: сравни местоименные формы: *мене, мне, мною, мой* и проч. под. Личное окончание 2-го лица ед. числа -сн сохранило звук *с*, входящий в состав местоименного корня личного местоимения 2-го лица в греческом и в древне—индейском языке (*σύ*, *si*) в соответствующих местоимениях. Тематическое же спряжение имеет в 1-ом лице ед. ч. наст. времени носовой гласный (*ѫ*) в старословянском языке и чистый гласный (у) в русском языке с X-го века. Если мы теперь от морфологии этих глагольных форм обратимся к их семазиологии, то увидим, что архаическое спряжение сохранило в строении своих личных форм настоящего времени и древнейший вид словосочетания, называемый грамматическим предложением. Эта наша мысль наглядно может быть показана на разборе примера личной формы настоящего времени одного из архаических глаголов: возьмем для примера глагольную форму ѣсс-мь. В каждой личной форме таких глаголов выступают наглядно два элемента или две части состава формы: одна часть ѣсс основа глагола; это есть носитель или представитель того признака, который обозначен глагольной основой и который приписывается в личной форме ѣссмь или вѣмь и под. действующему лицу, обозначенному личным местоимением в окончаниях глагольных форм. Так обр., личная форма настоящего времени архаических глаголов представляет из себя сочетание двух слов: названия действующего лица, обозначенного личным формантом соответствующего лица (первого, второго или третьего) и названия признака, который приписывается действующему лицу и обозначен глагольной основой. Стало быть, личная форма глаголов архаического спряжения представляет из себя формулу словосочетания, служащего символом древнейшего по времени происхождения грамматического предложения, состоящего из двух членов, т. е. двучленного предложения. Вот прозрачность такого состава личных форм в известной группе глаголов и признаки древнейшего происхождения форм с таким составом и послужили причиною того, что такие глаголы, отличающиеся признаками древнейшего состава личных форм своего настоящего времени, называются глаголами *архаическими*, т. е. *древними* от греч. слова *ἀρχαῖος*, что значит „древний“. Так. образом, *роль каждой из составных частей личной формы глагола указывает нам на то, что строение личной формы глагола представляет собою основное ядро предложения,*

и что начало двучленного предложения коренится в личной форме глагола. Анализ личных форм глаголов архаического спряжения привел нас таким образом к отправному пункту истории грамматического предложения. Следуя от этого отправного пункта, мы будем следить за дальнейшей историей предложения.

§ 19. История предложения.

С течением времени истинное значение личного суффикса (изменяемого форманта, т. е. личного окончания) в формах лиц глагола стало забываться. Прежняя личная форма становится просто названием того признака, который приписывается деятельности известного суб'екта, обозначенного именительным падежом. Тогда наступает потребность в обозначении *особым словом* действующего лица, производителя признака, обозначавшегося ранее в основе глагола.

Одновременно с этим периодом наступает восможность *одночленных* предложений типа „светает" при „день светает". Форма 3-яго лица „светает" становится одночленным предложением из старого двучленного после забвения значения личного суффикса и превращения- слияния обоих составных элементов личной формы глагола в одно цельное слово, при котором сочетание „день светает" понимается уже, как *двучленное* предложение 2-ой формации, т. е. нового типа, в котором уже особым словом обозначено действующее лицо или производитель признака. Наступает таким образом 2-ая эпоха в истории предложения. В эту эпоху такие формы, как „светает", „морозит", „смеркается" и проч. сознаются уже как *безсуб'ектные предложения, но не безличные,* сравнительно с предложениями „день светает" и под. А когда такие формы, как: „светает", „морозит", „смеркается" и под. потеряли свои соотносительные формы прочих лиц, и остались только формы 3-его лица ед. числа, то они сознавались уже, как *безличные предложения.* Это 3-ья эпоха в истории предложений. Следовательно, *безличных* предложений в строгом смысле этого слова никогда и не было; это название должно было явиться лишь тогда, когда личные формы глагола перестали сознаваться, как двучленные словосочетания и, превратившись в отдельные полные слова, допускали при себе употребление словосочетаний, в которых особою формою сказуемости (старая личная форма, обозначавшая своими составными частями и производителя признака и самый производимый признак), превратившеюся в одно цельное отдельное слово, определенно указывалось отношение признака к производителю его, т. е. к именительному падежу, к подлежащему. Тогда, само собой разумеется, появились новые типы словосочетаний: *предложения суб'ектные и безсуб'ектные*, причем

последняя категория словосочетаний об'единила в себе и формы новых безличных глаголов (см. выше) и формы личных глаголов, намеренно иногда употреблявшихся без особого слова, служившего названием производителя признака. Напр. „по платью встречают, по уму провожают."

Таким образом, в истории нашего предложения мы различаем *три периода* или *три эпохи*:

I. Эпоха сознававшегося двучленного состава личной формы глагола. Древнейший тип предложения.

II. Эпоха забвения этого состава и превращения личной формы глагола в одно цельное полное слово.

III. Появление именительного падежа—подлежащего при этом слове. Образование бессуб'ектных предложений. Потеря соотносительных форм лиц в глаголе и сохранение формы одного 3-его лица. Появление так называемых безличных предложений с безличными глаголами.

Мы видим, что анализ форм глагола настоящего времени привел нас к тому, что мы попутно должны были выяснить и историю глагола—сказуемого, и историю бессуб'ектных предложений, определив при этом истинное значение безличных предложений. Теперь обратимся к классам глаголов по их формам.

§ 20. Классы глаголов.

Глаголы русского языка делятся *на шесть классов*, если в основу деления положить тот суффикс, посредством которого присоединяется окончание инфинитива к глагольной основе. Так: то-ну-ть, сид-е-ть, топ-и-ть, кус-а-ть, образ-ова-ть и проч.

По суффиксам, которые в глаголах называются также *глагольными приметами*, и которыми окончание инфинитива присоединяется к глагольной основе, все глаголы делятся на шесть классов: к I-му классу принадлежат глаголы *бесприметные*, в которых окончание инфинитива присоединяется *непосредственно* к основе глагола. Напр., да-ть, ры-ть, кры-ть, плы-ть, нес-ти, вез-ти, коло-ть и проч. Ко II-му классу принадлежат глаголы с приметой-ну.-Напр., то-ну-ть, крик-ну-ть, гля-ну-ть, дрог-ну-ть и под. К III-ему классу принадлежат глаголы с приметой-*ѣ*-. Напр., сид-ѣ-ть, терп-ѣ-ть, гор-ѣ-ть, бел-ѣ-ть и под. В этом классе надо различать два разряда глаголов: а) с приметой *ѣ* и б) с приметой *а*, образовавшейся фонетически из *ѣ* в положении после передне-небных, альвеолярных звуков: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*. Напр. сравни: гор-ѣ-ть и леж-а-ть. По спряжению настоящего времени видно, что эти глаголы однородны. Именно:

Гор'-у (орф.ю)	Леж-у	(древнее лежю, где *ж*-звук
Гор'-и-шь	Леж'-и-шь	палатальный: леж'у)

Гор'-и-т	Леж'-и-т	
Гор'-и-м	Леж'-и-м	
Гор'-и-те	Леж'-и-те	
Гор'—ат (орф. ят)	Леж—ат	(звук *ж* везде отвердел, из-за чего „*и*" в произношении после *ж* перешло в „*ы*", а „я" в 3 л. мн. ч. окончания „ат" перешло в „*а*").

Таким образом, в тех случаях, где мы наблюдаем в инфинитиве примету *а* после звуков: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, причем спряжение форм настоящего времени имеет тематическую гласную *и* и идет по типу глагола гор-ѣ-ть, гор'-у, гор'-и-шь, гор'-и-т, там мы имеем дело, собственно говоря, не с приметой *а*, а с приметой—*ѣ*,—фонетически изменившимся в *'а* (*а*). Эта особенность звука *ѣ*, изменяющегося в известных случаях в *а*, и послужила, между прочим, причиной того, что буква *ѣ* названа была составителями азбуки-кириллицы по произношению, близкому к *а*, именем „*ять*", а не „*еть*". Звуки же *ж*, *ч*, *ш*, *щ* произошли, как мы знаем, из звуков: *г*, *к*, *х*, *ск* в положении их перед гласными передняго ряда или перед согласным j. Так что: леж-а-ть образовалось из* лег-ѣ-ть. (сравни форму „*лег-ъ*)—; крич-а-ть из* крик-ѣ-ть; дыш-а-ть из* дых-ѣ-ть; пищ-а-ть из* писк-ѣ-ть и проч. Сравни форму множ-айший из* мног-ѣйший и под.

Это фонетическое явление перехода звука *ѣ* в *а* весьма древнее; оно во всяком случае произошло еще в ту эпоху, когда звуки заднеязычные *г*, *к*, *х*, изменялись в известных случаях (см. выше) в *ж*, *ч*, *ш*, и не знали еще изменения в *з*, *ц*, *с*: иначе, мы имели бы не леж-а-ть, а* лез-ѣ-ть; не множ-айший, а мноз-ѣйший и проч. А звуки: *г*, *к*, *х* перешли в известных случаях в *ж*, *ч*, *ш*, *еще в общеславянскую эпоху*, и, именно, *до эпохи 2-го смягчения*, т. е. *до перехода г*, *к*, *х*, *в з*, *ц*, *с*. Следовательно, переход *ѣ* в *а* произошел *еще в общеславянскую эпоху*, хотя и *позже перехода г*, *к*, *х* в *ж*, *ч*, *ш*, но *до* перехода *г*, *к*, *х* в *з*, *ц*, *с*, т. е. *во время между двумя этими явлениями фонетического изменения* звуков *г*, *к*, *х*.

После этого отступления, об'яснившего нам происхождение разряда III-его класса глаголов, мы продолжаем классификацию глаголов по классам на основании суффикса инфинитива.

К IV классу принадлежат глаголы с приметой-*и*. Напр., топ-и-ть, ход-и-ть, нос-и-ть, воз-и-ть и под. Эта примета, входя в состав основы глагола в настоящем времени, содержит тот тематический звук-*и*, на который оканчивается основа настоящего времени в глаголах этого класса. Так, основы настоящего времени здесь будут: топи—, ходи—, носи—, вози—и проч. Спряжение идет по типу гор'-у, гор'и-шь и т. д. При этом надо иметь в виду, что везде, где нужно, применяются фонетические законы изменения звуков: так, основа *ходи—*: 1-е лицо ед. ч наст. времени *хож-у* имеет уже звук *ж*, а не *д*;

образовалась эта форма следующим образом: ходи+у, тематический звук-и-перед звуком у перешел в неслоговое *i̯*: получилось ход i̯—у, а *i̯*, как всегда в таких случаях перед гласным перешло в j: ходjу; *д* перед j, как зубной, перешел (см. выше фонетику) в русском языке в *ж*: получилось хож'у, пока-*ж* был палатальным звуком: др. рус. х о ж ю, а по отвердении звука *ж* стало „*хожу*". Срв. восстановление звука *д* перед гласными переднего ряда: хо*д*ишь, ходит и т. д. Подобным образом от основы на губную топи-образовалось 1-е лицо ед. ч. наст. вр. топи+у; топ i̯у, топjу, а пj дает *пл*: топл'у, по современной орфографии: *топлю*. Срв. носи+у, носjу; сj-ш: *ношу*. Также: вози+у, возjу—*вожу* и под. Таким образом сразу видно по изменению звуков, в каких формах мы имеем согласный j, а в каких гласный переднего ряда: там, где мы имеем *переходное* смягчение зубных и губных, т. е. из *з-ж*, из *с-ш*, из *п-пл* и проч., там формы образованы со звуком j, п. ч. зубные и губные подвергаются *переходному* смягчению лишь перед j, а там, где нет *переходного* смягчения зубных и губных, там нет и j, а есть просто гласный переднего ряда: си*ж*у, но: си*д*ишь, си*д*ят; то*пл*ю, но: то*п*ишь, то*п*ят: ношу, но: но*с*ишь, но*с*ят и проч.

К V-му классу принадлежат глаголы с приметой *а*. Напр., кус-а-ть, куш-а-ть, слуш-а-ть, слыш-а-ть, дыш-а-ть, пищ-а-ть, крич-а-ть, леж-а-ть и под.

В этом классе глаголов так же, как и в III-ьем (с приметой *ъ* См. выше), надо различать два разряда: а) глаголы с приметою *а* и б) глаголы с приметой *ъ*, изменившеюся *фонетически* после передненебных, альвеолярных, звуков *ж*, *ч*, *ш*, *щ* в звук *а*. См. примеры выше: леж а-ть, крич-а-ть, слыш-а-ть, пищ-а-ть и под. Сразу видно, что в этом классе разряд *а)* (кушать, слушать, кусать, скучать...) глаголов имеет в примете (в суффиксе) основное, первичное *а*, а разряд б) имеет вторичное *а* из *ъ* (лежать, кричать, дышать, пищать). При *вторичном а* (из *ъ*) после передненебных звуков спряжение будет иметь тематический гласный *и:* леж*и*-шь, крич*и*-шь, дыш*и*-шь, пищ*и*-шь... А при первичном *а* спряжение будет иметь тематический гласный-*е*: куша*е*-шь, слуша*е*-шь, мужа*е*-шь, скуча*е*-шь, обожа*е*-шь, смуща*е*-шь, запреща*е*-шь, и под.

Рассмотревши *третий* и *пятый* классы глаголов, мы видим, что они по формам инфинитива совпадают друг с другом в звуковом отношении при условии наличности звуков *ж, ч, ш, щ* перед приметой, которая в таком случае бывает *а* (вторичное, т. е. из *ъ*): леж*а*ть, крич*а*ть, дыш*а*ть, пищ*а*ть. Различить эти классы на практике в таких случаях, где мы имеем примету *а первичное* и где примету *а вторичное*, т. е. из *ъ*, можно только по формам лиц настоящего времени: *первичное а,* образовавшее примету, *входит и в состав основы настоящего времени:* скуч-а-ть; скуч-а-ю, скуч-а е-шь...

Слуш-а-ть, слуш-а-ю, слуш-а е шь; основа: „скучае“-и пр., между тем как *вторичное а* (из *ѣ*) *не входит в состав основы наст. времени.* Так,—леж-а-ть, леж-и-шь. Основа наст. времени *лежи*; крич-а-ть, крич-и-шь... Основа наст. вр. *кричи*-и проч. напр., дыши,-пищи-(от гл. дыш-а-ть, пищ-а-ть.).

К VI-му классу глаголов принадлежат глаголы с приметой: ова,-ева,-ыва,-ива. Напр., толк-ова-ть, совет-ова-ть, верб-ова-ть, осн-ова-ть, образ-ова-ть; или: гор ева-ть, во-ева-ть, потч-ева-ть, меж-ева ть, и проч. под. Или с суф. ыва и ива: игр-ыва-ть, сиж-ива-ть, подпрыг-ива-ть, налаж-ива-ть, брас-ыва-ть и проч. Так как суффикс слова есть одна из морфологических частей его, то, *деля глаголы на классы по глагольным суффффиксам инфинитива*, мы познакомились с морфологическим составом многих глаголов и видели, что в этот состав входят и тематические гласные и основы. Принимая во внимание основы настоящего времени, мы увидим, что *по основам настоящего времени глаголы делятся на два спряжения: первое и второе.*

§ 21. Спряжение глаголов.

Первое спряжение имеет основу наст. времени на-*е*; это *е* служит конечным гласным основы и помещается между основой наст. времени и личным окончанием, называясь *тематическим гласным*. *Второе спряжение* имет основу наст. времени на *и;* это *и* также служит конечным гласным основы и стоит между основой наст. времени и личным окончанием: это *и* называется тоже *тематическим гласным*. Определяя место тематических гласных *е* и *и* в словах, представляющих собой личные формы настоящего времени, я разумел весь ряд звуков, составляющих указанные выше личные формы, и в этом ряду звуков звуки *е* и *и*, служа последними звуками основ, приходятся в этом звуковом ряду между звуками, принадлежащими основам, и звуками, составляющими собой личные окончания. Таким образом, если мы проспрягаем два образца: один первого спряжения, другой—второго, то увидим, что тематические гласные *е* и *и*, так сказать, растворяются только в формах 1-го лица ед. числа и 3-го лица множ. числа, ассимилируясь с гласными звуками, находящимися в соседстве с тематическим гласным. Так, „нес-у“ и „топ$_{л}$-у“ от глаголов „нес-ти“ и „топи-ть“

Ед. ч.	Ед. ч.
1. нес(е)-у	топ(и)-у; топ$\overset{i}{\frown}$у, топл'-у.
2. несе-шь	топи-шь
3. несе-тъ	топи-тъ
Мн. ч.	Мн. ч.
1. несе-мъ	топи мъ
2. несе-те	топи-те

(В этих формах звукосочетание „*пл*“ указывает на присутствие звука j в образовании формы „топлю“. См. ниже здесь примечание).

3. нес(е)-утъ топ(и)-ятъ; топѧтъ, топ'атъ. (В орф. изображении „топятъ“ буква „я“ имеет лишь графическое значение: она означает *смягчение* предшествующего согласного „*п*“).

Примечание. Звук *п* изменяется в *пл* только перед j, но *не* перед гласным переднего ряда, а ѧ—гласный переднего ряда равный русскому—'а.

Теперь посмотрим, в каком отношении находятся основы наст времени к основам инфинитива в каждом из шести классов глаголов и какую роль играют эти основы в производстве глагольных форм. Мы знаем, что основа наст. времени получится тогда, когда мы отбросим окончание 2-го лица ед. числа шь, а основа инфинитива—тогда, когда мы отбросим окончание инфинитива *ть* или *ти*. Так: от глагола нес-ти, несе-шь основой наст. времени является часть слова *несе*, а основой инфинитива—часть слова: *нес*; от гл. зна-ть, знае-шь основой наст. времени является *знае*, а основой инфинитива *зна*. Это I й класс глаголов. От гл. тону ть, тоне-шь основой наст. времени является *тоне*, а основой инфинитива—*тону*. Это II-ой класс глаголов. От гл. велѣ-ть, умѣ-ть, вели-шь, умѣе-шь основой наст. времени является *вели*, *умѣе*, а основой инфинитива *велѣ*, *умѣ*. Это III-й класс глаголов. От гл. топи-ть, топи-шь, основой наст. времени является *топи*, а основой инфинитива тоже *топи*. Это IV-й класс глаголов. От гл. куса-ть, топта ть, пища ть: кусае-шь, топче-шь, пищи-шь основами наст. времени являются *кусае, топче, пищи*, а основами инфинитива *куса, топта, пища*. Это V-ый класс глаголов. От гл. толковать, целова-ть, горева-ть; толкуе-шь, целуе-шь, горюе-шь, основами наст. времени является: *толкуе*, *целуе, горюе;* а основами инфинитива: *толкова*, *целова*, *горева*. Или при суффиксе инфинитива *ыва* и *ива* от гл. напр., показыва-ть, пилива-ть, показывае-шь, пиливае-шь основами наст. времени являются: *показывае, пиливае*, а основами инфинитива: *показыва, пилива*. Это VI-й класс глаголов.

Из наблюдения над образованием глагольных форм мы замечаем, что в некоторых глаголах основа глагола совпадает с корнем глагола, а в других не совпадает. Возьмем примеры и поясним это на примерах. Так, напр., в глаголах I-го класса как с основой глагола, оканчивающейся на гласный звук, так и с глагольной основой, оканчивающейся на согласный звук, глагольная основа в своих звуках совпадает с глагольным корнем: в глаголе *знать* основой глагола является *зна*, этот же слог является и глагольным корнем. Или: *вез-ти* слог *вез* является и глагольным корнем и глагольной основой. Но в

глаголах II-го класса мы видим не то: здесь примета (суффикс) инфинитива „*ну*“ входит в состав основы глагола: *крикну-ть*, *стукну-ть*, *прыгну-ть*, *вяну-ть*, *тону-ть*, *трону-ть*, *льну-ть*, *липну-ть* и под. А в состав корня эта примета, конечно, не входит: *крик-нуть*, *стук-нуть*, *прыг-нуть*, *вя-нуть*, *то-нуть*, *тро-нуть*, *ль-нуть*, *лип-нуть*. Последние глаголы, именно, *вянуть*, *тонуть*, *тронуть*, *льнуть* потеряли в своих корнях согласные *д*, *г*, *п*, по ассимиляции со следующим звуком *н* суффикса: *вя(д)*-ну-ть, срв. у-вяд-а-ть; *то(п)*-ну-ть срв. у-топ-а-ть; *тро(г)*-ну-ть срв. трог-а-ть; *ль(п)*-ну-ть срв. при-*лип*-а-ть; глаголъ *льнуть* потерял, кроме того, связь с глаголом *липнуть* вследствие утраты коренного звука *п* и фонетического ослабления гласного *ь*, хотя и находящегося в *первом* слоге слова, но не под ударением и потому исчезнувшего в слове перед следующим гласным полного образования, а также после этих фонетических изменений утратил свое первоначальное значение. Срв. „Дитя, что ко мне ты так робко прильнул“. („Лесной царь“ Жуковского). В этом стихе уже нельзя было бы сказать: „прилип“ вм. „прильнул“ без нарушения смысла. Кроме того, примета „*ну*“ образующая II-ой класс глаголов, *частично* своим согласным звуком *н*, участвует и в образовании основы настоящего времени: крикн-у, крикн-е-шь, крикн-е-ть и т. д. Это явление мы наблюдаем *еще только в глаголах* VI-го класса, где примета инфинитива *ова (ева)*, тоже распадаясь на две части, входит первою своею частью, *(ов, ев)* в образование основы наст. времени, хотя и в измененной *фонетически* (ов-у, ев-у (ю)) форме, как видим на следующих примерах глаголов VI-го класса: толк-ова-ть, гор-ева-ть; наст. время толку-ю, горю-ю; толку-е-шь, горю-е-шь и проч.

II.

Методология русского языкознания.

§ 22.

Только строго научная подготовка преподавателя русского языка может гарантировать этому преподавателю и правильность в выборе приемов преподавания и изложения предмета, и успешность усвоения преподаваемого предмета. По отношению к такому предмету, как русский язык, эти положения имеют особо важное значение: во-первых, потому, что языкознание вообще, как наука, обладает присущими ей особенностями, вытекающими из индуктивного характера самой этой науки, а, во-вторых, потому, что русский язык, как предмет преподавания, отмечен в школе такой печальной судьбой, которая заслуживает

внимания и энергичной помощи. Отсюда следует, что надо выяснить характер этой науки, если добиваться сознательного и отчетливого ее усвоения в школе и в широких массах публики; и надо отыскать причины печальной судьбы русского языка в русской школе и устранить эти причины в будущем. Характер науки мы выясняем выше, в отделе: „Научная грамматика русского языка", а причины печальной судьбы русского языка у нас в школе требуют особых разысканий, к которым мы и переходим теперь же...

Первый вопрос, выясняемый ниже, приводит нас к ответу, что только исходя из принципов *научной* грамматики, мы получаем правильные представления о языке, и познаем, каково его содержание. Второй-же вопрос имеет не только педагогический интерес, но и общественный, т. к. открывает перед нами условия деятельности преподавателя русского языка, начиная со времени вступления его в школу для преподавания русского языка. Итак, держась строго фактической стороны дела, мы на основании наблюдения и продолжительного опыта знаем, что преподаватель вступает в ряды преподавателей русского языка в школу с познаниями, вынесенными им из какого-нибудь общепринятого учебника русской грамматики: других сведений у него нет, т. к. в университете ему не преподавалась ни научная грамматика русского языка, ни методика преподавания этого предмета, ни методология его, ни критика школьных учебников; ему также не предлагалось в Университете писать разбор того или другого учебника; он не давал и пробных уроков и не слышал подробных разборов их. Поэтому он усваивает по учебнику, что слово, напр. *корень* имеет *две формы* для множ. числа: *корни* и *коренья*; или слово *лист—листы* и *листья*; слово: *зуб—зубы* и *зубья;* слово *кол—колы* и *колья* и проч. под. И ни в одном учебнике он не прочитает того, что форма *корни* есть множ. число от сл. *корень*, а форма *коренья*—совсем от другого слова, именно, от *коренье;* что *листы*—форма множ. числа от слова *лист*, а *листья*—от ед. числа *листье* и проч. Далее, что совершенно неверно и преподавать и усваивать, что *зубья* есть множ. число от *зуб* и т. п. Конечно, этого нигде не прочитает ни учитель, ни ученик, а, стало быть, и тот и другой остаются с запасом знания сомнительного достоинства; а все из-за отсутствия научной подготовки, которая не допустила бы ни неверного преподавания, ни выпуска в свет недоброкачественных в научном отношении учебников. Это пример из этимологии! Этимология русского языка для школьного употребления полна таких примеров в любом своем отделе, и дело *научной* грамматики русского языка поставить весь этимологический материал на научную почву и очистить школьные учебники от неверных сведений и превратных толкований. Что касается до синтаксиса, то в этой области дело обстоит еще хуже, и сейчас это наглядно видно будет. Уже давно замечено, что нигде так называемая *логическая грамматика* не при-

несла столько вреда, сколько в синтаксисе, и это показал еще знаменитый языковед, бывший профессор русского языка в Харьковском университете, А. А. Потебня, который в 1-ом издании своего классического труда: „ Из записок по русской грамматике“ (X. 1874) привел нам бессмертный пример преподавания русского синтаксиса на основах логической грамматики, которая продолжает преподаваться везде в школах и поныне, не смотря на то, что наука уже давно выяснила несостоятельность логической грамматики в научном отношении. У Потебни читаем очень наглядный пример из жизни школы. „Определение подлежащего, как предмета, о котором говорится, имело бы смысл лишь как ссылка на другое определение, именно, того, что мы условились понимать под предметом, о котором говорится. Что отожествление подлежащего, как именительного падежа, и „предмета, о котором говорится“, совершенно условно и произвольно, в этом, как давно замечено, может убедить всякий смышленый и еще не перешколенный ребенок. Вот речь: „Не заботьтесь о завтрашнем дне“. О чем тут говорится?—О завтрашнем дне.—Нет, не то! Какой главный предмет этой речи?—Чтоб мы не заботились.—Нет, предмет, о котором здесь говорится, это вы, второе лицо.—Но, ведь, о нас здесь ничего не говорится“! Разве это не справедливо? Вообще, всякая знаменательная часть речи, может быть, смотря по контексту, предметом, о котором говорится в предложении. “(Из „Записок по рус. грамматике“ I² X. 1889. Стр. 66). Из этой странички из жизни школы, ясно видно, что подлежащего не определишь и не найдешь в предложении, если будешь следовать указаниям школьного учебника, т. е. опираться па логическую грамматику. Как известно, логическая грамматика определяет подлежащее так: „Подлежащим называется тот предмет, о котором говорится в предложении.“ Но мы только что видели, что такое определение подлежащего заводит нас в дебри, из которых нет выхода ни для учителя, ни для ученика: и обе стороны находят оправдание для своих ответов в одном и том же источнике, и самом надежном в глазах и учителя и ученика, именно, в учебнике. Потебня наглядно показал, что в предложении: „Не заботьтесь о завтрашнем дне“ говорится и о завтрашнем дне, и о том, чтобы мы не заботились. Следовательно, согласно учебнику, подлежащим в этом предложении может быть и завтрашний день, и мы, т. е., другими словами, всякое знаменательное слово в предложении этом может быть подлежащим, но которое же, именно, из знаменательных слов предложения есть подлежащее, мы так и не знаем. И это оттого мы не получаем знания, что руководимся, согласно прежней грамматике, *значением* слов, а не их грамматической *формой, которая одна лишь только может дать нам точный и безошибочный, вполне научный ответ.* Если мы будем выходить из того положения, что *только форма именительного падежа может служить выражением подлежащего в*

грамматическом предложении, то для нас будет ясно, что в рассматриваемом предложении форма именительного падежа вызвала собой другую форму, именно, *заботьтесь*, а, так как форма „*заботьтесь*“ есть второе лицо множ. числа повелит. наклонения, то, значит, именительный падеж местоимения „*вы*“ только и может быть подлежащим этого предложения, т. к. только слово „*вы*“ и может сочетаться со словом в форме „*заботьтесь*“. Следовательно, подлежащим этого предложения только и может быть слово „*вы*“.

Таким образом, хотя слова „*вы*“ и нет в предложении: „не заботьтесь о завтрашнем дне“, тем не менее, только это слово может быть здесь подлежащим, т. к. на это слово указывает нам форма „заботьтесь“, и ни с каким другим словом она сочетаться не может. Отсюда ясно следует, в свою очередь, что в русском языке *не значение* слова, т. е. не смысл его обусловливает собой и член предложения и часть речи, а только его форма. Поэтому такие языки, как русский, называются *формальными языками:* в них форма составляет всё; она составляет и содержание этимологии рус. языка, и содержание его синтаксиса; если бы из русского языка исчезла форма изменений слов, его составляющих, то вместе с этим исчез бы и самый русский язык. Вот почему только при самом отчетливом знании отдела морфологии (учение о формах слов) русской грамматики можно уверенно и безошибочно разбирать предложения, уже составленные, и составлять предложения из отдельных новых слов.

§ 23.

В наших школах довольно часто практикуется так называемый „разбор“ предложений, называемый „синтактическим“ разбором, и „разбор“ слов, называемый „этимологическим разбором“, хотя по невниманию и по небрежности последний часто называют просто „грамматическим“ разбором, забывая при этом, что грамматика обнимает собой и этимологию и синтаксис, и, стало быть, грамматический разбор может включать в себя и этимологический (разбор форм слов), и синтактический (разбор *связи* слов и их сочетаний). При таком отношении к делу нельзя рассчитывать на точность представления предмета и на точность его знания! Таким же отношением к преподаваемому предмету об‘ясняется и то, что в школах бесчетное количество раз употребляют на уроках слово „разбор“, а что такое „разбор“, в этом не отдают себе отчета; этого знания не требуют ни от учеников, ни сами от себя учителя русского языка. А между тем все языкознание отличается от других наук педантическим усвоением, педантическим толкованием и педантическим представлением основ самой науки. Таков характер языкознания, как науки, и если хочешь *научно* знать

изучаемый язык, то буть готов к тому, что тебе придется обращать внимание на те вещи, которые кажутся тебе „мелочами“. И это понятно! Язык весь состоит из элементов мелких, но очень важных в смысле развития формальной культуры. После этого отступления, перейдем к об'яснению термина „разбор“, имея в виду особенности нашей науки. Для облегчения нашего представления о том, что такое „разбор“, мы поделим все содержание русского языка, т. е. все его слова, на классы. Классы эти бывают классами значений и классами грамматическими. Вот основная ошибка школьной грамматики заключается в том, что она занимается классами значений, а не грамматическими классами, и кладет эти классы значеий в основу классификации слов на части речи. Так получается в школьной грамматике 9 частей речи, и на этом же представлении основывается каждое из названий всякой части речи; если мы просмотрим названия каждой из 9-и частей речи, то убедимся, что все эти названия оттеняют смысловую, логическую сторону частей речи, оставляя в стороне формальную сторону. Вот поэтому и вся грамматика, построенная на принципе значения, смысла каждого слова, причем это значение положено и в основу классификации всего языкового материала, носит название *логической грамматики*, в противовес *формальной грамматике*, основанной на принципе изучения формы, которая служит и основанием классификации грамматического материала. Так вот, если мы после классификации всего языкового материала на классы будем собирать слова данной речи по классам и откладывать по отдельности (как бы в кассы) слова одного класса, то это будет *разбиранием слов по классам: мы получим разбор слов по классам и соберем эти слова в отдельные классы, обозначив каждую кассу соответствующим ей названием.* Так, касса существительных, касса существительных такого-то рода, касса существительных такого-то рода и такого-то числа и такого-то падежа и так каждое слово данной речи. Это грамматические классы. Но мы могли бы разделить все данные нам слова на классы логические, классы значений; тогда мы получили бы в одной кассе собрание слов, служащих названием предметов, в другой собрание слов, служащих названием действий и проч. В таком случае мы получили бы классы значений слов и занимались бы тем, чем занимается до сих пор логическая грамматика, не понимающая в лице своих представителей того, что названия действий вовсе не суть глаголы, что названия предметов вовсе не суть существительные, как напр. перегонки, ходьба, прыганье и под.—все это название действий, а выше приведенные слова—вовсе не глаголы, а существительные. Следовательно, существительные могут быть и названиями действий, а не только предметов, а глаголы могут быть и не названиями действий, как напр. спать, лежать, и под., и даже не названиями состояний, как напр. краснеть, зеленеть, и под. Итак, мы пришли к заключению,

что „разбор“ означает „разбирание“ слов по классам различных грамматических категорий, а логическая грамматика таким „разбором“ вовсе не занимается и потому не дает знаний по грамматике; ни по этимологии, ни по синтаксису, т. к. оба эти отдела грамматики основаны на учении о форме, т. е. на морфологии, а не на различии в значении слов. Возьму еще пример: слова *свойство*, *сущность*, *качество* какие части речи? Как на этот вопрос отвечает логическая (школьная) грамматика и как отвечает формальная (научная)? И как они обе рассуждают при этом? Логическая грамматика все эти слова считает названиями предметов. Однако: какой же это предмет „качество“? Ведь сам предмет имеет то или другое качество: качество определяет собой достоинство предмета. Самое слово „качество“ происходит от местоимения „как-ъ“, „как-ой“: как-ьств-о; и, следовательно, это слово должно означать *свойство предмета, то, каков этот предмет*. Значит, „качество“ не есть название самаго предмета. Равным образом и слова: *свойство*, *сущность* не означают самаго предмета, но что-то такое, что находится в предмете, что служит особенностью данного предмета, служит названием его и т. п. Мы видим, что рассуждая на тему, название ли предмета слово *качество* и друг., мы углубились в область таких сведений, которые не принадлежат к сведениям, относящимся к языку; эти сведения входят в состав логики, в состав философской науки, но не в состав лингвистической науки. Теперь послушаем, как рассуждает по этому вопросу формальная грамматика. Слово „качество“ род. п. ед. ч. на—*а*: качества, дат. п. ед. ч. па—*у*: качеству; твор. п. ед. ч. на—*ом*: качеством; слово *свойство* имеет те же падежи и те же окончания: *а*, *у*, *ом*; слово „*сущность*“ имеет эти падежи с окончаниями: *и*, *и*, *ью (ію)*: род.—сущности, дат.—сущности, твор.—сущностью. Следовательно, все эти три слова суть имена существительные, склоняемые по образцу: *окно*, *кость*. Таким образом, *только формальные принадлежности* (падежные окончания) *определяют собой части речи*. Если мы возьмем слово другой грамматической категории, напр.: везу, везешь, везет.., то увидим, что это глагол, т. к. формальные принадлежности этого слова суть:—*у*, *ешь*, *ет*, т. е. принадлежности, которые называются *личными окончаниями* и характеризуют собой спряжение глагола. Таким образом, формальная грамматика определяет части речи не по значениям слов, а по формальным принадлежностям, образующим собой формы склонений и формы спряжений. Из этого мы заключаем, что учитель в школе должен прежде всего дать ученикам *остов грамматики*, т. е. изучить с ними все формальные принадлежности всех изменяемых слов. Руководясь этими формальными принадлежностями, ученик подыскивает слово, изменяемое с помощью присоединения этих формальных принадлежностей к неизменяемой части слова, называемой *основой слова*, и решает вопрос, какая часть речи имеется на-лицо.

Так надо поступать *при разборе всех изменяемых частей речи.* Неизменяемые части речи, т. е. служебные слова, а не знаменательные, могут быть только обстоятельственными словами в предложении и их легко узнавать по вопросам различных обстоятельств и по их отношению к подлежащиму и сказуемому. Покажем это на примерах. Возьмем следующий пример: „Представьте себе большую реку, которая, преодолевая на пути своем все препятствия, полагаемые ей огромными камнями, мчится с ужасною яростью и превращается в кипящую пену". В этом примере ученик должен прежде всего назвать все формы всех входящих в это словосочетание слов; этот анализ форм вышеуказанным способом, т. е. путем разбора по клеткам (кассам) однородных грамматическах категорий укажет ученику какое слово сочетается с каким по форме и чем оно связывается в формальном отношении с другим и с каким именно; так, слово „представьте"—формально связано с местоимением 2-го лица множ. числа „вы"; след. слово „вы", которое указано нам формою 2-го лица множ. числа повелит. наклонения, именно, окончанием „*те*"—будет подлежащим.

Слово „себе"—форма дательного падежа, т. е. форма зависимости склоняемого слова от глагола, косвенное дополнение при глаголе „представьте"; „реку"—винит. падеж, тоже форма зависимости от глагола, прямое дополнение при том же глаголе „представьте": „представьте себе реку". „Большую"—форма согласования (определения) со словом „реку"—винит. пад. единственного числа женск. рода: определение к слову „реку":—„*представьте себе большую реку*".

Второе подлежащее здесь слово „которая", формально связанное со сказуемым „мчится" и „превращается", как 3-е лицо ед. числа. Местоимение „которая", как местоимение относительное может формально быть связано и с 2-ым и с 1-ым и с 3-ьим лицом: так, мы можем сказать: „ты, которая всегда так любила веселиться"... или: „я, которая всегда так любила веселиться". Наконец: „она, которая всегда так любила веселиться". Так и в нашем примере: „реку, которая мчится и превращается. „Падежи, которые стоят при словах „мчится" и „превращается", т. е. „с яростью" и „в пену", суть падежи косвенных дополнений при этих глаголах: „мчится"—„с чем" и „превращается"—„во что". Сочетание „мчится с яростью" нельзя понимать, оставаясь на формальной точке зрения, как ответ на вопрос—„мчится как"? или „мчится каким образом"?, п. ч. из-за такого понимания не переделается грамматическая форма, которая имела формальную принадлежность твор. пад. ед. ч. им. существительного женск. рода—*ью* (ию); в другую форму с другой флексией способной отвечать, какой-бы вопрос мы ни поставили, на вопрос „*как*"—всетаки сочетание „с яростью" не вызовет другого вопроса, кроме вопроса „с чем?" Нет такой падежной флексии, которая бы прилагалась к основе слова, если мы желаем ответа на вопрос „как"? Другими словами:

нет такого падежа, который бы отвечал на вопрос „как“? Вопросы падежей следующие: кто? что?, кого? чего?, кому? чему?, кого? что?, кем? чем?, ком? чем?. Таким образом, среди вопросов падежей мы не находим вопроса *как?* А между тем в школах и 40 с лишним лет тому назад учили, что „мчится с яростью“ отвечает на вопрос: *как* мчится? или *каким образом* мчится? И сейчас так учат! Где же тут прогресс? В чем же выразились успехи преподавания русского языка?! Ответ ясен: успехов никаких нет, и русское языкознание в школах не прогрессирует! И удивительное дело: мне на-днях пришлось слышать разбор этого самого словосочетания „мчится с яростью“, и как современные ученицы, так и старая учительница, лет под 60, одинаково дали мне ответ, что сочетание „с яростью“ отвечает на вопрос: „как“? А чем эти ответы об'ясняются? Тем, что закваска логической грамматики не только сама прочно засела, но и вскормила целый ряд последующих поколений, среди которых не было лиц с *научным* интересом к русскому языкознанию и даже с педагогической пытливостью и любознательностью. Конечно, порождено это печальное явление и в нашей школе, и в нашем обществе отсутствием воспитания привычек; в данном случае, отсутствием воспитания привычки отдавать себе отчет в том, *что* ты говоришь и *как* ты говоришь. Последний вопрос, развивая внимание *к форме* речи, содействует развитию и эстетического элемента в ней и приучает говорящих и слушающих к связи, которая существует между формою речи и ее содержанием. Между тем, как логическая грамматика довольствуется *обывательским* мышлением, не обращая внимания на связь между *формою* речи и ее значением в каждом составляющем ее элементе, в каждом ее слове. Вот это мы сейчас и покажем. Если мы опять остановимся на нашем примере, то мы убедимся, что вопрос „*как*“? стал совершенно ходячим в школьной практике при синтактическом разборе второстепенных членов предложения; напр., в предложении: „ я читаю громко“ вам ответят на вопрос: „как“?—громко. Но этим же вопросом зададутся и при разборе предложения: „я читаю с увлечением“, или „я иду с узлом“, или „я пробираюсь с осторожностью“ и под. Не обращая внимания на форму словесного выражения, мы по небрежности отношения к языку не различаем того, что в одном случае мы имеем форму творит. над. с предлогом *с* (с яростью, с увлечением, с узлом, с осторожностью), а в другом—безформенное слово, наречие (громко). И так, как каждая форма падежа имеет свой *падежной* вопрос, а наречие имеет свой *не падежной* вопрос, то смешение этих вопросов, падежных и не падежных, между собой, может означать лишь игнорирование тех средств языка, которыми располагает сам язык. Таким образом, мы видим, что грамматическая форма не сбивает нас с толку, точно указывая нам самые вопросы синтактического разбора. Поэтому, руководясь тем соображением, что косвенные (род., дат., винит., творит.,

местный) надежи суть падежи *дополнений*, что именит. падеж есть падеж подлежащего, что личная форма глаголы есть форма сказуемости, и что обстоятельства в предложении имеют формою своего выражения *наречия*, мы никогда не сделаем погрешности против основ синтаксиса, построенного на формальном принципе, и убедимся, что *форма языка есть нечто об'ективное*, стоящее вне всяких личных мнений, взглядов и вкусов. Возьмем для проверки на практике этого основного синтактического соображения, которое *в науке о языке считается нами имеющим силу и значение закона* два примера из наших классиков. Эти два примера я беру именно потому, что они обыкновенно служат в школе камнем преткновения при разборе и уличают учеников и учителей в их исключительном знакомстве с логической грамматикой и основанном на этом знакомстве неправильном понимании явлений языка. Вот эти два примера: „Деревня, где скучал Онегин, была прелестный уголок“ (Пушкин). „Скажи мне, ветка Палестины, где ты росла, где ты цвела?“ (Лермонтов). Обыкновенно ученики в школе разбирают эти предложения, согласно своим познаниям из логической грамматики, так: предложение: „где скучал Онегин“—есть предложение обстоятельственное места, потому, что оно начинается со слова „где“: „где скучал?“ Таковым же предложением в школе является и предложение „где ты росла?“, „где ты цвела?“ и—по тем же самым причинам—„*где* ты росла?“ В Палестине! Потому, что сказано „ветка Палестины“. Это все я сообщаю факты школьного обучения. На самом же деле нужно учить так, согласно правилам *формальной* грамматики: „*какая деревня* была прелестный уголок“? —Деревня, *в которой* скучал Онегин. След., здесь „где“=„в которой“. Стало быть, предложение *определительное*. Равным образом: „скажи мне, где ты росла?“—Скажи мне *что?—То*, *где* ты росла. След., предложение „где ты росла“—является *дополнением* по вопросу *винит. падежа* в зависимости от глагола: *скажи*: *что?* или *о чем?* Стало быть, предложение дополнения прямого или косвенного. Мы дали общие основания формальной грамматики в применении к синтаксису и дали примерный синтактический разбор двух примеров.

Теперь дадим теоретическое изложение формальной грамматики-этимологии и синтаксиса в связном предложении, без примеров, и с научной серьезностью, не опасаясь того, что такое изложение будет непонятно.

§ 24.

Определение грамматики. Разделение ее. Учение о частях речи. Их строение.

В наших школьных учебниках грамматики не встретишь определения грамматики, так что ученики редко знают, какую науку они

изучают; обыкновенно встретишь у них такой ответ: там говорится о склонении и о спряжении. Как редкое исключение, попадается ответ, свидетельствующий о том, что ученик сам вдумывался в этот вопрос, и старался дать себе отчет в том, чему научила его грамматика, и как определить ее содержание. Учителя же не дают больше того, что заключается в учебнике потому, что боятся неточности, или неверности своего определения, если даже и отважатся на таковое. Так страшит их грамматика потому, что научно ею они не занимались; нередко приходилось мне встречать таких учителей, которые даже небыли на словесном отделении факультета. И лица, от которых зависело назначение учителя или учительницы русского языка, сами смотрели на специальную подготовку назначаемых, как на что-то неважное, второстепенное. Положение создавалось по-истине странное; в школах издавна преподавался русский язык, требующий в глазах людей компетентных, как всякая лингвистическая дисциплина, *специальной* подготовки, в необходимости которой никто из лиц, стоящих во главе учебного дела не был убежден, да этой подготовки и негде было получить, п. ч. Университеты этим делом не занимались: они считали это дело обязанностью специально педагогических учреждений, которые будто бы могут выполнить эту обязанность, без помощи научного изучения языка. Отделивши, так. обр. школьное дело преподавания от основ науки, отмежевавшись вообще от глубокого научного образования, наши предшественники, ведая школьное дело, приблизили его к ремеслу, исходя из того ложного взгляда, по которому родной язык не требовал никакой особой подготовки, т. к. де всякий русский человек знает свой родной язык и может его преподавать без какой-либо подготовки, или даже без особого научного изучения. Такое глубокое недоразумение по своему происхождению об'ясняется тем, что научное изучение языка, открывшее перед ученым миром, с одной стороны, весь интерес и всю важность об'единения всей лингвистики в ученых учреждениях, без отделения русского языка от родственных языков, принадлежащих одной и той же языковой семье, началось недавно (с 30-х годов XIX столетия), а, с другой стороны, так сказать, наслоившись как-то новым пластом новизны, оно посягнуло на стародавнее преподавание русского языка (без всякого изучения его) преследовавшее только цели распространения грамоты и грамотности. Отсюда и возникло воззрение на русский язык в школе, как на предмет *вспомогательный*, как на *средство* для понимания того, что читаешь; на этом же воззрении на язык, *как на средство для уразумения произведений литературы*, покоится и понимание грамматики языка, как средства для истолкования значения читаемых произведений слова. *Вот происхождение логической грамматики!* Следовательно, она зародилась из стремления к *толкованию* и *об'яснению* текста литературных произведений. И так это было и в

других странах (напр., в Греции, в Германии), но там это было давно, и период такого понимания грамматики, называемый ныне *донаучным периодом* языкознания продолжался до тех пор, пока язык не сделался *целью*, переставши быть *средством*. Но с течением времени, язык стал пониматься, как *цель знания*, а *не как средство для познания другого предмета*. Со времени иного понимания языка настал следующий, *научный*, период языкознания. У нас же, в России, все эти периоды истории культуры, истории науки, сменялись другим темпом: все это запаздывало: и культура, и наука двигались значительно медленнее, с опозданием гораздо больше, чем на 100 лет. Пока на Западе наука прогрессировала, у нас она застывала в одном состоянии, соответствовавшем *общему* состоянию культуры и науки в России; и учителя, одно поколение за другим, сменяя друг друга, попадали все в старые условия, не обновляясь и не освежая своих познаний в новых источниках научного мировоззрения. Так учителя продолжали оставаться у нас толкователями текстов произведений литературы, и русский язык постепенно занял служебное положение в среде других наук и сделался вспомогательным предметом среди школьных дисциплин. А между тем, университетская наука со всеми ее средствами и со всей её обстановкой в лице ученых своих представителей и заведываемых ими учебно-вспомогательных учреждений, двигалась вперед все более и более тем самым оставляя позади себя застывшую школьную жизнь, которая, наконец, стала бояться всякой новизны и предпочла для собственного спокойствия рутину. Когда университетская наука выдвинула положение, что язык в научном отношении должен составлять *самоцель*, когда появилась на Западе новая школа *младограмматиков*, наши школы совершенно растерялись, *не зная, что им делать с русским языком*, и, оставаясь при старой логической грамматике, *бессознательно* предпочитали ее, т. к. она была и *более привычна* и *более понятна массам, но зато и более далека от науки, как всякое суеверие, всякое предание* и *всякий предрассудок*. Научная критика старой философской грамматики раскрыла наконец настоящее содержание грамматики, как науки о языке; но уже было поздно (это было в 80-х годах XIX ст.): так засосала рутина все наше дело школьного образования; у нас даже не поняли и забраковали знаменитого А. А. Потебню в Харькове. Он стал было на дорогу новой грамматики в середине 70-х годов XIX столетия, но от него отшатнулись, т. к. его труды лишь испугали наших рутинеров. *Однако назрело новое определение грамматики!* И оно естественно назрело тогда, когда поняли, что языкознание имеет свои собственные задачи, когда стали изучать физиологию звуков языка, психологию языка и диалектологию его. Старое понимание само по себе показалось мелким, ничтожным и неверным! Изучение звуков языка выяснило научное отношение звука к слову, а изучение слова и его стро-

ения, выяснивши необходимость *морфологического принципа* при изучении языка, указало нам научное отношение слова к речи, т. е. к сочетанию слов. И после этого всего мы получили возможность так определить грамматику языка: *грамматика есть наука, изучающая элементы слов и элементы словосочетания;* а *всякое словосочетание состоит из таких видов слов, которые называются формами этих последних.* Теперь, что такое *элемент слова?* Чтобы ответить на этот вопрос, вникнем в природу человеческого языка вообще, а потом в природу языка русского. Прежде всего, язык есть орган человеческого тела, он виден у нас во рту; затем язык есть орган нашей речи, он всё время нашей речи находится в движении. Наша речь *слышится* другими и нами самими, а *говорится* в каждый данный промежуток времени только нами, т. е. говорящими людьми. След., наша речь есть *произносимое* и *слышимое* проявление деятельности нашего организма. Теперь возьмем пример этого проявления. Скажем слово: *воск.* Это слово слышится нами зараз, но наше ухо воспринимает в нем различные частицы, из которых каждая требует особой работы наших органов речи: так, наблюдая произношение слова *воск*, мы видим сначала: 1) приближение нижней губы к верхним передним зубам, 2) округление обеих губ, на подобие трубки, 3) приближение кончика языка к верхним передним зубам изнутри рта, затем 4) приближение спинки языка к заднему мягкому небу. Так. обр., мы надметили 4 различных акта участия в работе различных органов речи. Так как наша речь *слышимая,* а слышим мы *звуки* (хотя бы и шопотные), то, значит, наша речь *звуковая*, т. е. состоит из отдельных звуков, а что она состоит из *отдельных* звуков, это видно было по смене работы органов речи, при чем каждой смене соответствовал особый звук: в+о+с+к.

Каждый из этих четырех актов движения наших органов речи воспринимался нами, как акт видимого движения, и каждый и них сопровождался слышимым звуком. Следовательно, слово *воск* распадалось, расчленялось на 4 звуковых частицы; каждая такая частица способна была звучать отдельно, составляя отдельный звук. Вот такой звук, составляющий собой *звуковой член* слова и являющийся простейшим и неразложимым, самым мелким звуковым членом или звуковой частицей слова, называется *элементом слова.* Следовательно, *элемент слова есть звук.* А все слово есть *сочетание звуков* или звукосочетание. Из звукосочетания получается слово, а из словосочетания получается речь. Если мы возьмем сочетание слов: *воск, топить, на, огонь,* то при сочетании этих слов друг с другом мы получим речь: „воск топится на огне". И каждое из этих слов составляет элемент словосочетания, элемент самый мелкий, каким был и звук в слове. При сравнении сочетания звуков с сочетанием слов, мы замечаем, что звуки в сочетаниях изменяются, приспособляясь один к другому. Так, звуки

з, *д*, *н*, в слове „*поздно*“, „*праздник*“—изменялись настолько, что звук *д* между *з* и *н* совсем исчез при произношении; мы произносим *поз'но*, *праз'ник*, причем звук *з* перед звуком *н* (твердым) в звукосочетании *зно* сохранил свою *твердость*, а перед мягким *н* в звукосочетании *зни* сам сделался *мягким*, что мы и отмечаем на письме особым значком над буквой *з* в слове *праз'ник*, которое мы произносим так, как будто бы в этом слове стоял после *з* знак мягкости: *празьник* или (чтобы не вводить лишнюю букву)—*праз'ник*. Следовательно, звук *з* в сочетании *зни* („праздник“) приспособился к следующему за ним звуку, и стал таким же, как и следующий за ним звук, *мягким*. Это называется *ассимилировался* следующему звуку. А самый звуковой закон такого приспособления звука к другому называется *законом ассимиляции звуков*. Так как слова состоят из сочетания звуков, а речь состоит из сочетаний слов, то всякая речь при нашем скором и связном произношении, превращается в беспрерывный до полной остановки, до полной паузы, ряд звуков; и в этом ряду действует закон ассимиляции звуков, при чем приспособляющиеся друг к другу звуки в таком случае могут принадлежать к разным словам, лишь бы эти слова стояли рядом, так что один звук одного слова может ассимилироваться следующему звуку уже другого слова, непосредственно соприкасающемуся с рядом стоящим звуком. Так, в следующем словосочетании: „ей *з дуба* ворон говорит“ мы слышим перед словом *дуба* „*з*“, а не *с*, т. к. звук *с* перед *д* по ассимиляции перешол в *з*, приспособившись к следующему своему соседнему звуку, хотя звук *д*, к которому приспособился звук *с* принадлежит другому слову, чем звук *с*, перешедший в *з*. Итак, если грамматика определяется, как наука, изучающая элементы слов и элементы словосочетаний, то теперь, познакомившись с элементами слов и словосочетаний, мы можем в определении грамматики сделать следующие замены: „*грамматика есть наука, изучающая звуки и слова*“. Теперь познакомимся с теми *видами слов*, в которых слова входят в состав словосочетаний, и *которые называются формами слов*. Что такое форма слова и покоящийся на ней (на форме) формальный (морфологический) принцип изучения языка? Каждое слово, входящее в состав словосочетания, изменяет свой вид, посредством таких принадлежностей, которыми оно прикрепляется, связывается с окружающими его словами. Так, в нашем словосочетании „воск топится на огне“ все слова сделались формами, т. е. приобрели тот вид, в котором каждое из этих слов называется *формою слова*. Слово, делаясь формою в словосочетании, становится тем самым способным сделаться членом словосочетания, т. е. прикрепиться посредством своих формальных принадлежностей к другим словам того-же словосочетания: слово *воск* в нашем словосочетании есть форма именит. падежа ед. числа, что видно из его сочетания со следующим словом в форме „топится“, в котором звуки *ит*,

есть формальная принадлежность 3-го лица единств. числа. Между тем, как то-же самое звукосочетание „воск“ *вне* словосочетания не есть форма, это даже не слово, т. к. слово начинает жить, только приобретая форму в сочетании с другими словами, тоже приобретшими формы: настоящая жизнь слова проявляется лишь в словосочетании; слово получает жизнь лишь в окружающей его среде, в словаре же слово мертво потому, что не составляет элемента словосочетания. В словосочетании: „рука руку моет“ мы наблюдаем жизнь всех составляющих это словосочетание слов, а именно так: первое слово „рука“ связано формальной принадлежностью *(е)*, *т. е.* личной формой глагола мо-е-т (ъ); посредством этой связи получается словосочетание: „рука моет“; в этом словосочетании обнаруживается форма именит. падежа ед. числа „рука“ и форма 3-го лица наст. времени глагола „моет“, причем оба слова связаны друг с другом формальными принадлежностями: слово *рука*—формальной принадлежностью *а*, а слово *моет* формальной принадлежностью *т**. Форма „руку“ вызвана глагольной формой *моет* и стоит по требованию формы „моет“ в винит. пад. ед. ч.; формальная принадлежность слова „руку“ есть звук *у*—окончание, или флексия винит. падеж ед. числа им. существительного женск. рода твердого склонения. Вот таким образом надо приучить учащихся обращать внимание на формы слов и открывать в этих формах звуковое выражение связи слов друг с другом в словосочетании. Если учащийся привыкнет к такому методу разбора слов по их формам, то его мысль сама будет искать формальной связи между словами. Мы знаем, что та часть грамматики, в которой изучаются формы слов, называется *морфологией*, а потому принцип изучения языка в его формах посредством указания на способ образования каждой отдельной формы называется *морфологическим принципом*. Изучение языка по морфологическому принципу приучает учащихся расчленять слова на их составные морфологические части, а это расчленение слов чрезвычайно интересует учеников, возбуждая в них любознательность и охоту узнать происхождение и первичное, первоначальное значение слов. Ученикам надо наглядно показать, что первоначальное значение каждого слова отвечает этимологическому смыслу слова, а, зная это, учащиеся начинают сознательно относиться к употреблению языка и понимать, что язык, на котором мы теперь говорим, не сразу стал средством выражать все разнообразие наших мыслей, превратившись с течением времени в условные сигналы, которые подаются нам говорящим лицом для возбужденья в нас желаемых нашему собеседнику мыслей. Так мало-по-малу создалось взаимное понимание говоримого языка, понимание, которого раньше не было. Возьмем сначала несколько отдельных слов, а затем включим их в различные словосочетания и посмотрим, как они в этой новой обстановке

* Подробности о формальных принадлежностях всех частей речи см. в нашей „Научной грамматике русского языка“.

заживут полной жизнью. Про портреты говорят, что их „снимают“, про человека образованного говорят, что он „с понятием“, про способность „перенимать“—говоря „переимчивость“, про гуттаперчу, которой стирают рисунки, говорят „с'емка“, про усадьбу имения – говорят „заимка“, про сосуд для воды говорят „водоем“ и проч. Разве не интересно то обстоятельство, что всё выше произведеные слова по происхождению своему восходят к одному корню, т. е. произошли от одного родоначальника, от одного коренного слова, а по значению своему разветвились, как ветви одного корня, удалившись друг от друга; хотя и сохранивши между собой те связи, которые, как и ветви одного дерева, приводят нас к общему корню, если мы сумеем по этим ветвям добраться до общего ствола. Уменье же добраться до общего „древесного ствола“ обусловлено знанием звуковых законов языка и способностью применять эти знания к делу. А дело в том, что „снимать“ портрет можно, как указывает нам тот же язык, и со стены, с гвоздика, и с физиономии человека: отсюда ясно, что портрет—это снимок как будто чего-то навешенного на лицо человека, как будто наклеенного на лицо предмета, в роде маски. И вот то, что „снято“ с лица, служит изображением,—портретом. Теперь дальше: „снимать“ означает повторять действие „с'емки“ несколько раз или производить эту „с'емку“ в течение длительного промежутка времени *(см. ниже о видах русского глагола)*, а произвести это самое действие один раз или мгновенно—это значит „снять“. С этим словом следует сравнить слова „понять“, „занять“, „унять“, „принять“, и под., чтобы убедиться в том, что в основании всех этих слов лежит значение „занятия“, „восприятия“, „из'ятия“, „об'ятия“, „понятия“. С этой целью мы расположим все эти слова так, чтобы в них звукосочетание, составляющее коренной слог, состоящий из одинаковых звуков, приходился в одной рубрике, и тогда ясно будет, что одинаковый по звукам слог корня будет носителем и одинакового значения. Так, из сравнения слов:

за-н-я-ть по-н-я-ть у-н-я-ть с-н-я-т-ь, водо-ем-ъ, объ-ем-ъ
за-йм-у по-йм-у у-йм-у со-йм-у с-н-им-у с'-ем-к-а за-им-к-а
об-н-я ть
об н-им-у } и проч. мы видим, что корень *я* во всех этих словах чередуется с корнем *ем*—и *им*; глагол *я-ть* из сопоставления производных слов: *им-у* и *ем-ъ* (водоемъ) обнаруживает, что звук корня—*я* чередуется в этих словах со звуками *им* и *ем*, в состав которых входит носовой звук *м*, а это может быть только тогда, если сам корень—*я*—содержит в себе носовой звук *м* или *н*, т. е., если *я* есть носовой звук гласный переднего ряда, именно, ѧ. Отсюда следует, что глагол—*я-ть*, являющийся в различных видах сложения с представками и другими морфологическими частями слова, может принимать следующие звуковые виды:

ѧ—ꙗ (я-ть с X-го века); ем-л-ю; им-у; т. е. *я-ем-им-ьм:* об-н-я-ть; объ-ем-л-ю; об-н-им-у; *вз-я-ть*, *вз-ем-л-ю*, объ-я-т-и-е, объ-емъ; вос-при я-т-и-е; *вз-им-а-ю*; *воз-ьм-у*, причем представка *воз* имела ъ: *въз*, откуда *вз*.

Следуя морфологическому принципу, мы извлекаем следующие познания: 1) понятие о чередовании гласных звуков. Явление чередования гласных звуков состоит в том, что в одном и том же слоге корня семейства слов появляется то один, то другой гласный звук в определенной системе и определенном отношении. Так, старый гласный звук *ь*, исчезнувший из произношения в XII веке, в тех случаях, где в слове за этим *ь*, в следующем за ним слоге стоял гласный *полного* образования, находился в чередовании со звуком *е*, который появлялся на месте *ь*, коль скоро в следующем слоге этого же слова в место гласного *полного* образования, был гласный *не полного* образования. Это замечательно важный звуковой, фонетический закон, и его необходимо выяснить учащимся со всею обстоятельностью. Именно, так: в древности в русском языке, кроме гласных звуков, сохранившихся и доныне, были еще гласные звуки: ъ, ь, Ѣ, Ѫ и Ѧ. Звук ъ по произношению своему был похож на звук *о*, слышимый нами и до сих пор в закрытых слогах после ударения, напр., в таком положении, в каком звук *о* находится в слове *дорог*, *остаток*. Звук *о*, который слышится нам в этих словах, в слогах „рок“ и „ток“ и в подобных словах с таким же положением звука *о*, напр. салом, домом и под., звучит *глухо, неясно* и *неполно*, а потому такой звук в прежних грамматиках называли *звук глухой*. Теперь мы называем такой звук *звуком неполного образования*, п. ч. теперь мы изучаем звуки языка не в *акустическом* отношении (по наслышке), а в *физиологическом* (по работе органов речи). Точно так же и звук *ь* по произношению своему был похож на звук *е*, слышимый нами и до сих пор в закрытых слогах, т. е. в слогах, оканчивающихся на согласный звук, после ударения, напр., в таком положении, в каком звук *е* находится в слове *горек, кисел, весел* и под. Вот звук *ь* так же, как и ъ, был по природе своей, по особенностям образования, звуком *неполного* образования, а по слуху—звуком, близким к *е*. Кроме того, звук ъ образовывался в задней части полости рта, как и звук *о*, только без округления губ; а звук *ь*—в передней. И потому ъ есть звук *заднего* ряда, а *ь*—переднего. По месту образования все гласные так и делятся на гласные заднего ряда и гласные переднего ряда. Сверх всего этого звуки ъ и *ь* обладали еще замечательным свойством: они то появлялись в словах, как гласные звуки, хотя неполного образования (глухие), то исчезали, т. е. совсем не слышались; и это бывало в зависимости от их фонетического положения, т. е. в зависимости от того, между какими и перед какими звуками в слове они находились. Когда эти звуки

находились в слове перед такими же глухими следующего за ними слога, то они слышались, как гласные полного образования, именно, *ъ* как *о*, а *ь* как *е*. Этакое фонетическое положение их в слове считалось *сильным* положением, а всякое другое—*слабым*. В слабом положении они слышались, как глухие (см. выше—„остáток“, „горéк“) до XII века, а потом вовсе исчезли в таком положении, а в сильном положении они в это же время перешли в *о* и *е*. Было еще одно положение для звуков *ъ* и *ь*—это в *пéрвом слоге* слова и *под ударением*: здесь *ъ* и *ь* искони слышались, как глухие *о* и *е*, а потом перешли в гласные полного образования: *о* и *е*.

Так обр., мы знаем, что звуки *о* и *е* были в русском яз. двоякого происхождения: или они произошли из *ъ* и *ь*, или они были исконными *о* и *е*. Вот это обстоятельство наши школьные учебники рус. грамматики упускают из виду и потому все путают: они называют какие-то звуки *о* и *е* „беглыми“ за то, что будто бы эти звуки исчезают. Но на самом деле это не так: *звуки о и е не исчезают и не бывают поэтому беглыми*. Исчезают звуки *ъ* и *ь* в слабом положении, а уже, если они успели перейти в *о* и *е* (а это было в *сильном* положении), то они так и остаются звуками полного образования: *о* и *е* Напр., в слове *бор* звук *о* остается во всех падежах, *бора*, *бору*, *бором* и т. д. А в слове *сон* звук *о* не первичный, не исконный: он образовался из звука *ъ*; было сънъ, и поэтому этот *ъ* после *с* исчезает, когда он в слабом положении, а в слабом положении он находился в род. п., в дат. п., в твор. пад. и в предложном падеже: *сна, сну, сном, сне*; в именит. же пад. этот *ъ* был в сильном положении потому, что он находился перед слогом, в котором стоял такой же гласный неполного образования *ъ*, как и он сам: имен. пад. был сънъ, и к XII в. это слово в форме имен. пад. ед. ч. стало уже произноситься со звуком *о* полного образования после звука *с*. Поэтому в им. п. ед. ч. слова *сънъ* после *с* уже с XII века было *о* полного образования, как и ныне *сонъ*, и это *о* никогда уже не исчезало. Так. обр., в слове *сон* мы имеем *о* вторичное из *ъ* (было „сънъ“) *сильного*, а в слове „*сна*“ было *ъ* слабое (сънa). Значит, не *о* исчезло в слове „*сон*“, а *ъ* исчез до своего превращения в *о*, после же превращения *ъ* в *о*—это *о* так и осталось.

Стало быть, *беглого о никогда не было*; так и надо учить в школах! В косвенных же падежах: *сна*, *сну* и проч. звука *о* никогда не было! Это все надо переделать в наших учебниках и не учить тому, что не оправдывается наукой (историей рус. языка!).

Равным образом, таким же свойством отличается и звук *ь*: в слове *день*—*е* никогда не было беглым, а исчезал звук *ь* (было „дьнь“) в косвенных падежах, в именит. же падеже ед. числа это *ь* было *сильное*, и поэтому оно превратилось в *е*, и после своего превращения в *е*—оно уже так и осталось в этой форме, как *е*. Стало быть,

произношения *сон* и *ден'* принадлежат более *поздним* эпохам, чем произношения сънъ и дьнь, а произношения *сна* и *дня*—более *поздним* эпохам, чем произношения: съна и дьня. Теперь я проведу урок с учениками о звуках ъ и ь (*о* и *е*). Положим, я взял словосочетание: „мне не дорог твой подарок" и потом другое: „в твоем подарке есть что-то дорогое". И спрошу: какие это падежи: „подарок" и „ подарке"? Почему в предложном (местном) падеже мы не говорим *подароке*, а говорим—*подарке*? Куда делось *о* из именительного падежа? Надо довести учащихся постепенно до того, чтобы на такие вопросы они отвечали так: в обоих словах, т. е. в обоих его формах, и в именит. пад. и в местном пад. слова *подарок* прежде были после звука *р* звуки ъ: так: *подаръкъ* и *подаръке*, но в именит. пад. ъ был *сильный*, а в местном пад.—*слабый*, потому и судьба их *разная*: в имен. пад. ъ превратился в *о* и так здесь и остался, а в местном падеже ъ, как слабый, исчез, и получилось: *подарке*: оба эти звука, и *о* и ъ суть два вида одного и тогоже звука ъ в различных положениях и в разное время; пока был ъ, не было *о* в этом слове, а как появился в этом слове звук *о*, так звук ъ уже перестал существовать: так получилось, с одной стороны, „подарок", с другой—„подарке", и проч.

2) Следуя морфологическому принципу, мы открываем в словах судьбу звуков ъ и ь и убеждаемся, что судьба их была различна в зависимости от их фонетического положения в словах. Это мы везде наблюдаем в русских словах, в которых гласный звук ъ чередуется с нулем звука: остатъкъ (потом: „остаток")—остатъка (потом: „остатка"); городъкъ-городъка-городка.

Вот один из видов чередования гласных. Будем переходить постепенно к другим видам чередования гласных. Мы видели, что гласный ь чередуется или с *е*, или с нулем звука: дьнь,-день,-дьни, потом „дни". Мы изобразим для наглядности этот звуковой закон так: { ъ-о / ь-е }. Это означает, что ъ чередуется с *о*, а ь с *е*. Возьмем целый ряд чередования и оправдаем его фактами языка (примерами).

Нам известно чередование следующих звуков в русском языке:

ъ-о-а-ы-у

ъв-ов

ь-е-и-ѣ-ой-ай

ѫ-ьн (ьм)-ин (им)

ѫ-ън- (ъм)

Все эти чередования взяты из фактов языка; а вот и самые факты: т(ъ)кать-ток (у-ток-ъ)-тыкать; р(ъ)деть-рыжий-рудóй; р(ъ)вать-ров-рывать; з(ъ)вать-зову-зывать; глъхнуть-оглох-оглыхать-глухой; б(ъ)деть-бодр-бадривать-будить. С(ъ)пать-со(п)нъ-сап-сыпáть-сýпиться.

Прежде чем перейти ко 2-му ряду чередований, к ряду звука (ь),

следует растолковать некоторые факты этого ряда, ряда звука ъ. Прежде всего в каждом из начальных слов ряда ъ и его чередований у нас ъ поставлен в скобках: это надо понимать так, что этот ъ в каждом из этих слов находится в слабом положении, а потому этот ъ был обречен историей языка на исчезновение к концу XII века: эти слова произносились к этому времени так, как и ныне они произносятся: ткать, рдеть, рвать, звать, бдеть, спать; слово „глъхнуть" имело ъ=о неполного образования, хотя и более ясное, чем в других фонетических положениях потому, что оно находилось в первом слоге слова и под ударением, но в форме „глох" („оглох") это ъ прояснилось, потому что ему здесь пришлось стоять перед слогом с ъ, т. е. в сильном положении. В последней строке примеров чередования звука ъ у нас слово „сон"—написано с „п" перед „н", причем „п" взято тоже в скобки: это надо понимать так, что слово произошло от корня *съп*, который обнаруживается в слове *съпать*, где *съп*—корень—*а*—примета глаголов V-го класса, а *ть*—формант (окончание) инфинитива (неопределенного наклонения). В этом корне *съп*—*ъ*—исчезает в слабом положении (съпать—спать), а в слове *сон* оно перешло в сильном положении в *о*, звук же *п*, в положении перед *н*, ассимилировался этому последнему, а затем два *н* слились в одно: сопн—сонн—сон. В родственных языках это *п* сохранилось: греч. ὕπνος лат. somnus из sopnus; срв. sopor; др.—инд. svápnas.

Что касается слов: *ров* в первой строке примеров и *супиться* в последней строке, то об них надо сказать следующее: слово *ров* в древне-русском языке имело *о* первичное, т. е. не происшедшее из ъ. Это видно из того, что в древне-русских памятниках письменности звук *о* этого слова сохраняется и в падежах, в которых ему приходилось стоять перед слогом с гласным полного образования: род. пад. рова, дат. рову, местн. рове. Следовательно, не так, как в современном русском языке, где формы: *рва*, *рву*, *рве*, образовались с течением времени не историческим путем, а по аналогии, т. е. *по примеру* слов: *рот*, *рта*, *рту*, *ртом*, *рте*; звук ъ, как мы знаем, чередуется с нулем звука: *сън*, *сна*, *сну*. . и из такого ъ образовалось *о* в сильном положении к XII веку; следовательно, от корня *ръв*—, который имеется в слове *ръв-а-ть*, могло образоваться существительное ръвъ и тогда косвенные падежи, в которых этому ъ пришлось бы находиться в *слабом* положении, были бы: р(ъ)ва-р(ъ)ву и т. д. Но раз мы уже в древности имели *рова*, *рову* и т. д., то, значит, тут *о* было не вторичное, не из ъ, а первичное, исконное. Но этому, повидимому, противоречит ъ в слоге *р(ъ)вать*. Итак: если в древности было слово *ръвъ*, то оно имело ъ после *р* в сильном положении, и тогда в косвенных падежах этого слова мы имели бы ъ слабое, т. е. у нас образовалось бы слово *ров* с косвенными падежами *рва*, *рву* и т. д. Но мы в древности не имели слова *ръвъ*, а имели слово *ровъ*,

еще раньше, чем ъ сильное перешло в *о*. Следовательно, фактом языка остается *ровъ*, *рова*, *рову* и т. д. В таких случаях, когда, следуя указаниям закона чередования, мы впадаем в противоречия с фактами языка, необходимо навести справку среди *других* звуков чередования, а не только среди *ближайших*. Так, из нашей таблицы чередований, видно, что звук *ы* получается только в строке *ъ*, но ни в какой либо другой строке (ь-ѧ-ѫ—см. выше). Этим знанием мы можем воспользоваться! Именно: от глагола: *рвать* мы имеем образование кратного вида: *рывать*: *с-рыв-а-ть*, *от (об)-рыв-а-ть*, *над-рыв-а-ть*, *на-рыв-ать*, *у-рыв-а-ть* и проч. Отсюда следует, что слово *рвать* имело после *р* звук ъ т. к. *звуку ы неоткуда было больше образоваться, как из чередования с ъ*. Итак, мы убедились, что слово *рвать* имело ъ после *р*, но это ъ исчезло в слабом положении перед слогом со звуком *а*, оставив по себе *следы* в звуке *ы* родственных образований. Однако мы имеем еще глагол *рыть*, образования от которого представляют много интересного, т. к. совпадают в звуковом отношении с образованиями от глагола *рвать* и в преподавании научно-образованного учителя очень интересуют и увлекают учащихся. Сравните: *подрывать*, *срывать*, *отрывать* и проч. Откуда эти виды глаголов? От *подорвать* или *подрыть*? *Сорвать* или *срыть*? *Оторвать* или *отрыть?* Рассуждаем так: в глаголе *рвать* мы видели корень *р(ъ)в: р(ъ)ву*, *р(ъ)-в-е-шь*, *ръв-е-т* и проч. А в глаголе *ры-ть* корень—*ры*. Следовательно, звук *в* не принадлежит корню—*ры* глагола *ры-ть*, а корню *ръв* глагола *ръв-а-ть* этот звук *в принадлежит*. Кроме того, нам известно чередование *ы-ъв-ов-у* (плы-ть, плов-ец-ъ, плу-ти), но среди этого ряда мы не находим *ыв*, а в корне глагола *рвать* мы имели, именно: *ръв-а-ть*, *рыв-а-ть*. Срв. люб-*ы*, люб-*ъв-ѣ*, люб-*ов-ь*. Но *ыв* опять нет! Сходства в чередованиях звуков были, конечно, причиною того, что глаголы *рыть* и *рвать* получили целый ряд тождественных по звукам образований; и только *научный анализ* подобный тому, который мы сейчас произвели со словом *ровъ*, может указать нам разветвления одного и того же корня, и, в других случаях, различие самых корней. Так, мы видели, что присутствие звука *ы* между *р* и *в* в слове „*рвать*“ с кратным значением указывает нам на первичное ъ в слове *рвать* между *р* и *в*, а отсутствие такого *ы* в образованиях от глагола *рыть* указывает нам на то, что корни слов *рыть* и *рвать* были искони различными. Образования такие, как: рыть-рою, крыть-крою, мыть-мою, ныть-ною и под. произошли уже в позднейшую эпоху истории рус. языка, именно, на почве диалектического распадения языка: срв. явления общерусской эпохи: рыю, крыю, мыю, ныю и проч. Переход звука *ы* в *o͡i* (oj) явился лишь на великорус. почве, с XIV века. И если мы имеем образование от слова *рыть* напр. *вырывать*, то здесь *ы* между *р* и *в* есть то самое *ы*, которое находилось в слове *ры-ть*, а *в* вставлено между

двумя гласными при образовании от корня *ры* глагола с примегой *а*, т. е. глагола V класса: *ры-ть*, *ры + а + ть*: *ры-в-а-ть*. Срв. *о-де-ть*, *о-де-а-ть*: *о-де-в-а-ть*. Теперь обратимся к оставшемуся слову *супиться* (на-суп-и-ть-ся). Вспомним, что морфологический принцип изучения языка требует от нас, чтобы мы в каждом слове выделяли все его морфологические части, т. к. только в таком случае мы можем себе представить генеалогию слов, их происхождение, первичное значение и взаимную зависимость по звукам и по значению. Все слова одного корня должны сходиться в своем основном значении, иначе, мы рискуем принимать звуковое родство по чередованию за выражение средствами языка родства и по значению, это бывает только тогда, когда звуковое родство вытекает из слов сходного значения, образующих *семейство*. Припомним, что называется корнем слова (см. мою грамматику 5-ое издание § 27 стр. 81). Корнем слова наз. простейшая, односложная, неразложимая и неизменяемая часть слова, от которой образуется целая группа слов *сходного* значения, именуемая *семейством* корня. Так. обр., семейство корня должно об'единяться сходством в значении всех входящих в семейство слов; стало быть, не одно внешнее, звуковое родство через чередование звуков должно обусловливать принадлежность слов к одному корню, но и внутреннее родство по значению. Нам предстоит, так. обр. отыскать родство значений между словами: *спать*, *сон* и *супиться*; звуковое родство через чередование ясно: *спать*—имело *ъ* после *с*, — *сон*, др.—рус. *сънъ* из *съпнъ*, а звук *у* и *ы* находится в одном ряду нашей таблицы, в ряду звука *ъ*. Значение же видно из того, что „*супиться*“, значит *морщиться*, *жмуриться*, хмуря брови. Словом, все условия соблюдены. Стало быть, нет препятствий к тому, чтобы признать все эти слова членами одного семейства от родоначальника его *съп*.

Теперь перейдем ко 2-ому ряду, к звуку *ь*.

При посредстве звука *ь* так же, как и при посредстве звука *ъ* целый ряд звуков рус. языка входит в состав слов, получающих при этом возможность родниться в звуковом отношении с целыми группами других слов, родства с которыми мы не предполагали бы, если бы не знали закона чередования. Так, глагол б(ъ)-р-а-ти, современное „*брать*“, имеет настоящее время *бер-у*, а далее: со-бир-а-ти, *со-бор-ъ*. Корень в виде *бор* непосредственно примыкает к виду этого же корня *бер*-(бер-у), откуда, по чередованию *е-о*, мы имеем целый ряд слов: *собор*, *сбор*, *набор*, *забор*, *отбор*, *убор* и проч. Подобно корню *бър* мы имеем в этом же ряду корни; *мьр*, *пьр*, *дьр*—с их интересными чередованиями.

В этом же ряду звука *ь* интересно семейство слов с корнем *мьр*. Слабый вид этого корня может появлятсья и в виде *мр*, если корневое *ь* находится в *слабом* положении: древнее—*мьр-у*, современное

мру (напр., „умру“); сильный вид корня мьр мы имеем в форме „мер“—(„умер“); звук *е* может чередоваться с *о*, а потому мы и наблюдаем в языке чередование гласных, с котырыми может появляться корень *мьр*,—принимая то более слабый. то более сильный вид: именно: мьр-мр-мер-мир-мор-мар: мьр-у; мр-у; мер-ъ; мир-а-ть; мор-ъ; мар-ива-ть. В современном языке все эти виды корня *мьр*—живут и доныне: *у-мр-у; у-мер-ъ; у-мир-ать; у-мор-а*; *за-мар-ива-ть*. Через сильный вид этот корень переходит из своего ряда в другой, именно, в ряд звука—*ъ*. Так. обр., если мы хорошо изучили ряды чередований звуков, то мы не затруднимся подыскать корень слова напр. за-мор-и-ть, с-мер-ть, мер-т-в-ый; другой такой же интересный корень *пьр*: *за-пр-у*, *за-пор-ъ за-пир-а-ть*, *за-пер-ъ*; пользуясь знанием этих и подобных чередований, мы можем их применить и к правописанию производных слов от этого корня. Напр., в школах часто делают ошибки и пишут неправильно, путая *е* и *и* в словах производных от корня с *ь* в слабом виде. Как написать: „запирать“ или „заперать“? „Умирать“ или „умерать“? „Вытирать“ или „вытерать“? Зная, что *ь* чередуется с *и*, а *е* с *о*, мы никогда не ошибемся в различении случаев, где подобный корень имел звук *ь*, а где *е*; именно, второй вид корня характеризуется появлеиием звука *о*, а первый (слабый)—нет; в нем, напротив, появляется звук *и*. Раз мы не можем сказать: „запорать“, „уморать“, „выторать“ и т. д., то, значит, в этих видах глагола не было „*е*“. Вообще „несовершенный—многократный“ (см. ниже мое учение о видах рус. глагола) вид глагола не имеет звука *е* в этом корне, а имеет звук: *и: запирать*, *умирать*, *вытирать*. Напр., раз мы имеем слово „запор“ или „умора“ или „затор“ (льда), то, значит, эти слова образовались из слабого вида со звуком *е*, т. е., *пер*, *тер*, *мер*: *запереть*, *вытереть*, *умереть*. При таком изучении уже невозможна ошибка, п. ч. никто не скажет „запорать“ на ключ; „выторать“ на сухо; „уморать“ от болезней; у каждого есть *чутье языка*, которое ему не позволит так сказать. Мы видим, что можно использовать обилие фактов языка, доставляемое нам законом чередования гласных в интересах общего развития и образования. Так и надо проходить в школах этот закон и вообще фонетические законы; чтобы они не оставались мертвой буквой и бременем духовной сферы учащихся.

В ряду чередований звука *ь* мы видим еще и-ѣ-ой-ай. Здесь мы тоже имеем интересные случаи: формы: *пой* напр. *за-пой* пов. накл. от глагола *запеть* и существительное от гл. *запить*. Отсюда ясно, что глаголы *пить* и *пѣть* восходят к одному корню. Возьмем пример *пи-ть*; в этом звуковом виде он означает *самому принимать напиток*, а в виде *пой-и-ть* (пишется: „поить“)—*заставить другого принимать напиток*. Обратим внимание на глагол *поить*. Вот, между прочим, где мы увидим *важность применения морфологич.*

принципа при изучении языка: расчленим слово „поить“ на его составные этимологические (морфологические) части; мы знаем, что для этого нужно делить слово *с конца*, т. к. на конце слова помещаются при его строении (см. мою этимологию) те морфологические части, которые нам известны из этимологии. Таким обр., мы постепенно при этом методе будем переходить от известного к неизвестному и открывать это неизвестное при помощи известного.

Не забудем также, что в начале слова помещаются известные нам префиксы, представки. Стало быть, отделим сначала окончание *ть*, т. е. окончание инфинитива. Остаток этого слова будет—*пои*. Если в этом остатке заключается не только корень, но и глагольная примета IV класса *и*, то, отделивши ее, мы получим для корня такой слог *по*, который никак нельзя вывести по закону чередования из ряда *ь—и...*, следовательно, корнем не может быть здесь слог *по*. А если мы возьмем для корня остаток *пои*, то мы получим *двухсложный* корень, что опять не годится, т. к. двухсложные корни крайне редки (см. здесь выше стр. 26). Односложный же остаток здесь может получиться *только при условии потери слогового свойства* звукосочетания *ои* в одном из гласных: *о* или *и*; для рус. языка, значит, это получится при превращении звукосочетания *ои* в дифтонг, а это может быть только при потере слогового характера звуком вторым в этом сочетании, т. е. звуком *и*, который в таком случае превратится в *и* неслоговое: $\underset{\frown}{\text{И}}$. Следовательно, корнем будет *по$\underset{\frown}{\text{и}}$* (пишут *пой*). Но при дифтонге о$\underset{\frown}{\text{и}}$ этот глагол будет I класса, т. е. *бесприметный* (см. мою этимологию или „Вопросы методологии“. ч. I. Глагол). А бесприметные (I-го класса) глаголы не могут быть 2-го спряжения. Этот же глагол („поить“) именно 2-го спряжения, что видно по окончанию 3-го лица множ. числа, которое здесь как раз стоит *под ударением*, что и делает очевидным, что это глагол 2-го спряжения: *„поя'т“* .Значит, в этом глаголе *есть* примета, и, именно, примета *и*. Пойдем далее! Теперь, если в глаголе *„поить“*—примета *и*, а корень *по$\underset{\frown}{\text{и}}$*, то, следовательно, мы в данном случае имеем дело опять с условностью нашего правописания, т. е. в звуке *и* заключается неслоговое *и* корня и *и* примета, т. е. *по$\underset{\frown}{\text{и}}$ить*, неслоговое же $\underset{\frown}{\text{И}}$ + слоговое *и* дает в произношении слог, который удобнее написать латинскими буквами, как мы и пишем для наглядности в лингвистических сочинениях, тем более, что неслоговое *и* легко превращается перед гласным в *jot* (j), а j есть в латинской азбуке. Как мы теперь видим *j* есть и в русском языке в произношении, но особой буквы для него нет; вот почему мы и берем его из латиницы. Так. обр. наш глагол следует для точности написать так: po$\underset{\frown}{\text{i}}$ity или pojity. В нашем же правописании один звук здесь теряется ($\underset{\frown}{\text{i}}$ или *j*), так что мы не могли при нашем правописании выразить весь звуковой состав глагола *поить* и расчленить этот глагол на морфологиче-

ские части, звук же *ь* мы оставляем в транскрипции тоже для наглядности (как и *ъ*), для обозначения гласного неполного образования, существовавшего в нашем языке в отдаленные прошедшие времена. Все это необходимо показать и раз'яснить учащимся для того, чтобы язык, как *исторически сложившееся явление*, не был оторван от почвы. Ниже мы увидим, что нам необходимо пользоваться и другими древними знаками, служившими для обозначения носовых гласных *о* и *е* (*ǫ* и *ę* в латинской транскрипции; *ѫ* и *ѧ* в славянской транскрипции) Значит, мы теперь нашли и выяснили корень слова „*поить*“ и показали, что наше правописание непригодно для наших научных целей, научное же правописание имеет в основе своей латинскую азбуку с добавлением некоторых буквенных знаков других языков: слово po͡iitь или pojitь в точной передаче составляющих его звуков легко обнаруживает свой звуковой состав: po͡ii-tь или poji-tь.

Мы видим в таблице (стр. 24 здесь выше), что *ой* чередуется с *ай*; стало быть, для глагола „поить“—мы будем иметь несовершенный—многократный вид (см. ниже наше учение о видах глагола) „па́ивать“; напр. „спа̀ивать“, где опять в знаке *и* скрывается два звука i͡i или ji, т. е. пай + ива + ть. Эти же замечания надо применить и в других аналогичных случаях: би-ть; бой; по-ба*j*-ива-ть ся; гни-ть; гной; с-гна*j*-ива-ть и под. Вообще, следует сказать, что в нашей букве *й* (краткое *и*), если она стоит перед гласной или после гласной на конце слова (имени существительного), то ею обозначается условно сочетание с *j* или i͡. Это ясно видно при склонении таких слов, как: бой, гной, рой, пой (водо-пой) и под. В этих словах *й* произошло после гласного из *j* + ъ: *ъ* есть флексия им. существ. муж. рода твердого склонения (основа старая на *о*). В соответствующем мягком склонении мы имеем всегда *j*, так что от этих корней: *би-, гни-, ры-, пи-*, по чередованию коренного *и* с *ой*, мы имеем: бо*j* + ъ, гно*j* + ъ, ро*j* + ъ; по*j* + ъ; *j*ъ после гласного дает *й* (т. е. ъ*j*, *j*ъ, *j*i); ср. „ры-ть“ „ро*j*-у“, пѣть, по*j* + у (см. мою этимологию русского языка). Наконец заметим, что не все члены звукового ряда обязательно присутствуют в языке сразу от одного корня начиная с простейшего его вида: могут быть одни члены, а других не быть. Так, напр., члены звукового ряда *ь* суть: простейший вид *ь*, т. е. самая слабая ступень, затем *-е*, затем *-и*, затем *ъ*, затем *ой* и затем *ай*. Но из этих всех шести звуков находящихся в чередовании, друг с другом, напр., корень глагола *вис* + *ъ-ть*: *вис*—имеет только еще одну ступень с *ъ*: *вьс: въс-ъ*; вѣс-и-ть, вѣс-к-ий и под. Ступеней с *ь*, с *е*, с дифтонгами *ой* и *ай* мы вовсе не находим от этого корня.

Теперь перейдем к носовым гласным *ѫ* (*ǫ*) и *ѧ* (*ę*). Носовые гласные исчезли из нашего языка уже в половине X века. Но при этом условии как же мы можем судить о том, в каком слове они были?

Заметим, что если руск. звук *у* или *а* (*'а,-я*) чередуется с носовым согласным одним или в сочетании с гласным, стоящим перед ним, т. е. перед носовым согласным, то это верный признак того, что здесь был один из двух носовых гласных. Напр., „*ду-ть*“—прич. прош. стр. „надутъ“ и „на-дъм-ен-ъ.“ Так обр. мы имеем в этом глаголе *у*=*ъм*, а это указывает на *у* носовое. Когда в *X* веке исчезло в рус. языке носовое произношение, то ѫ (ǫ) перешел в *у*, а ѧ (ę) в *'а*, или ꙗ, я (в начальном слоге слова или после гласного). Из чередования ѫ-*ъм* мы узнаем, что наше слово *надменный*, собственно значит *надутый* в буквальном смысле этого слова, а уж затем—*чванный*, *гордый*. Слово пѫть с X века дало *п'ать*. Входящий в состав носового гласного заднего ряда звук *м* (или *н*) находится в сочетании с гласным ъ (*о*), а этот последний входит, как мы знаем, в качестве члена в ряд звука ъ по чередованию; так же ѫ=*ьм* (или *ьн*), *ем* (или *ен*), а эти гласные, каждый сам по себе, входят, как члены в ряд ь—(е) чередующихся звуков. Остановимся несколько подольше на носовых гласных и их чередовании. ѫ (буква эта называется „юс большой“) произносился, пока он жил в нашем языке, как французское звукосочетание „*on*“, в таких словах, как: „*on* parle“=. говорят; „mouton“=баран, „pardon“=извините и проч. Эта буква (ѫ) ставилась в памятниках старо-славянского языка в след. случаях и формах слов: 1) в корнях слов, напр. „зѫбъ“ и других, где в родственных языках (др.—инд., греч., лат.) мы имеем в соответственных слогах этих же слов сочетание звуков: „гласный + носовой согласный.“ 2) В представках, напр. сѫ=греч. σύν: сѫпрѫгъ=сопряженный, запряженный вместе с другим; пара волов, а потом муж и жена, т. е.—чета, запряженная вместе в ярмо жизни. 3) Во флексиях—вин. пад. ед. числа имен женск. рода: напр., водѫ и т. п. 4) В личных окончаниях глаголов, в 1-ом лице ед. числа—несѫ, везѫ и под 5) В суффиксе глаголов, т. е. в примете глагольной: НѪ; эта примета 2-го класса глаголов: напр., съхѫтн-сохъ-соухъ-сыхъ (схнуть-засох-засуха-засыхать). Звук ѫ чрезвычайно поучителен при научном его изучении: зѫбъ—греч. γομφαλος=челюсть. Представка сѫ=лат. con: con-junx. Это слово лат. яз. произведено из корня jung, что̀ значит *вязать*‘ *единить*; в этом корне *n* перед *g*—*инфикс*, т. е. вставной звук, что̀ опять видно из слова того же корня—*jug-um*, значит „связь“, „ярмо“, „плуг“. Следовательно, слово *conjunx* сложено из префикса *con* + корень *jung* + признак именит. пад.—*s* conjungs, а звонкий *g*, перед глухим *s* дал по ассимиляции глухой *k*: *conjunks*, а *ks* изображается буквою *x* в лат. языке. Представка *con* является и в других звуковых видах, напр. *cum*. Буква *c* в лат. яз. произносилась и как *к*, и как *ц*—перед различными гласными и в различные эпохи и соответствовала в звуковом отношении греческому звуку б (s), славянскому *с*: cum=con=греч. σύν=стрсл. *съ*, *со*. Стало быть,

сѫпрѫгъ=съипрѫгъ. ѫ=ън (м); с X века (см. выше научную грамматику и мою этимологию рус. яз.) носовые гласные исчезли в большинстве слав. языков, и сѫ стало съ(н) или *со*; в восточно-слав. языке (русском) ѫ стало *у* (см. выше). Получилось *супруг*—из таблицы чередования гласных мы знаем (выше стр. 25), что ѫ чередуется с ѧ; стало быть прѫгъ=пругъ (срв. под-пруг-а, су-пруг-а). По чередованию с ѧ это слово должно дать прѧгъ=пряг (см. выше). С представкою: сопряг—откуда: со-пряг-а-ть, с-пряг-а-ть, с-пряж-ен-ъ, с-пряж-ен-и-е. (Заметим этот грамматический термин, значение которого теперь нами обнаружено, благодаря применению закона чередования гласных звуков: „спряжение" означает „связь" „соединение" „сочетание", т. е. связь лиц и времен в глаголах.). Из закона чередования *согласных* звуков (см. ниже) мы знаем, что звук *г* чередуется с *ж*. Поэтому, если мы заменим во всех выше приведенных словах от корня *пряг—пруг* звук *г* звуком *ж*, то у нас получатся опять новые перспективы и ассоциации; так, если мы возьмем корень *пряж*, то мы найдем слово *пряж-к-а*, *у-пряж-ь* и друг., которые все будут связаны единством основного значения. А если возьмем корень *пруж*, то получим *су-пруж-ьств-о*, *пруж-ин-а*. Теперь мы вникнем в ряд чередования звуков ѧ—ьн (ьм)—ин (им). Возьмем, напр., глагол жѧ-ть; 1-ое лицо ед. числа наст. вр. будет—жьнѫ и жьмѫ; после X века—*жьн-у*, *жьм-у*. Заметим, что носовой гласный ѫ в окончании 1-ого лица наст. вр. единств. числа соответствует носовым звукам родственных языков этой же формы, напр. лат. su-*m*, греч.—ϛμι, стрл. єс-мь, вєр-ѫ и проч. Далее: жьи-у; жьм-у; жин-а-ть; жим-а-ть. В предложных глаголах яснее будет вся связь этих глаголов по значению и по звукам. Так, с-жа-ть („сжимать" и „сжинать"), пожать („пожимать" и „пожинать"), зажать („зажимать") и („зажинать"). Или при-н-ѧ-ть, об-н-ѧ-ть, с-н-ѧ-ть, за-н-ѧ-ть и под. Откуда мы имеем по чередованию звуков: при-н-*им*-а-ть, об--н-*им*-а-ть, с-н-*им*-а-ть, за-н-*им*-а-ть. В глаголе вз-ѧ-ть; вз-*им*-а-ть мы имеем: воз-*ьм*-у. Вот, между прочим, где раскрывается, что *возьму* имеет корень *ьм* из ѧ, и потому надо писать в слове „возьму" после *з*—ь; корень *ьм* чередуется, как мы уже знаем, из таблицы с *ем*: вз-*ем*-л-ю, при-*ем*-л-ю, об-*ем*-л-ю; об-*ём*-*ъ* и об-я(ѧ)-т-и-е. Таким образом, этот корень принимает перед собой звук *н* только в том случае, если он начинается со звука (ѧ) *я* и с сочетания *им*. Хотя в-н-*ем*-л-ю, и в-н-*им*-а-ю показывают, что вид этого корня *ем* тоже примимает перед собой звук *н*, если глагол находится в сложении с префиксом *въ*. Вообще, префикс *въ* и перед глаголом, начинающимся с твердой гласной принимает после себя и перед глаголом звук *н*: ух-о; в-уш-и-ть; в-*н*-уш-и-ть; въ-ѧ-ть; в-н-ѧ-ть; в-н-им-а-ть. Срв. в-н-ѧ-т-и-е и в-*н*-*им*-атель-н-о. *Два вида одного и того же корня* вместе со служебными своими частями (суффиксами) при образовании слов имеют, как мы только что видели, различное значение.

Так. образом, опять благодаря знанию чередования звуков, мы постигаем и связь по значению между словами и первичное их значение. Напр. „внять“ значит собственно „вобрать“ (в себя), „внимать“=вбирать в себя. Припомним „по-н-я-ть“, по-н-я-т-и е=взять в себя, вобрать в себя, „понятие“=то, что вобрано. взято в себя; на такое значение (страдательное) указывает суффикс страдательного залога „*т*“ в слове „понятие“.

Теперь перейдем к закону чередования согласных и постараемся показать, как этот закон использовать в интересах преподавания, минуя ту часть фактического материала, которая должна быть целиком дана преподавателями в школах. Мы и при изложении отдела чередования гласных избегали повторения грамматики в ее целом об'еме, но излагали этот материал только с той его стороны, которая совершенно оставляется незатронутой нашими школьными учебниками и преподавателями в школах при преподавании, а между тем в глазах методолога служит надежным средством для указания на нем преподавателям того, *как* и *в каких случаях* научная подготовка учителя или учительницы подсказывает этим последним ту точку зрения, которая раскрывает новое содержание преподаваемого ими предмета, делающее и самый предмет более интересным и занимательным. Мы уже видели, как обстоятельное знакомство с семействами различных корней вводитъ нас, так сказать, в интимную обстановку жизни этих корней, после того, как они делаются словами и дает нам новые сведения. (*Корни* делаясь словами, осложняются различными прибавками—морфологическими частями слов—и справа и слева от корня: суффиксами, флексиями, различными формальными принадлежностями, префиксами). Согласные звуки делятся по способу их произношения, по участию в них голоса, по органам произношения и по месту их образования (см. выше научную грамматику.) Законы изменения согласных носят названия обычно в зависимости от условий их производства в ротовой полости, а не так, как законы изменения гласных (закон чередования), хотя измепения и согласных, как и гласных, в сущности сводятся *к чередованию*. Но надо иметь в виду, что согласные вообще характеризуются наличием в полости рта активного участия органов речи, между тем, как гласные вовсе этим не характеризуются, т. к. при произношении гласных органы речи принимают ничтожное участие, далеко не главное, как при произношении согласных. Вот поэтому в отделе согласных с научной точки зрения правильнее говорить не о чередовании (предполагающем *свободный* проход звучащей струи воздуха через полость рта, без всяких препятствий со стороны органов речи), а о тех физиологических работах органов речи, которыми обусловливается то или другое изменение согласного звука. Дадим сначала общую таблицу изменения согласных, как это мы делали при обзоре изменения глас-

ных. Возьмем изменения согласных задненебных, зубных и губных. Задненебные согласные *г*, *к*, *х* изменяются следующим образом:

к—ч—ц: лик-ъ, лич-н-ый, лиц-о; всяк-ъ, всяч-еск-ий; цвет-ок-ъ; цвет-оч-ек-ъ.

г—ж—з: друг-ъ, друж-ин-а, друз-ья; враг-ъ, враж-еск-ий; берег-ъ, береж-ок-ъ.

х—ш—с: страх-ъ, страш-и-ть, страс-т-ь; ух-о, уш-к-о; по-тех-а, по-теш-н-ый.

Зубные *т* и *д* изменяются следующим образом:

т—ч(щ): от-вѣт-ъ, от-вѣч-а-ть, вѣщ-ий; трепет-ъ, трепещ-у, трепещ-е-шь.

д—ж (жд) суд-ъ, суж-у, сужд-ен-и-е; род-ъ, рож-еств-о, рожд-ен-и-е.

Губные: *б. в, п, м, ф* изменяются прибавлением к ним звука, *л*: *б-бл*, па-губ-а, по-губ-л-ен-ъ; люб-ъ, из люб-л-ен ъ; дуб-и-ть, дуб-л-ен-ъ.

в—вл,: лов-ъ, лов-л-ю; о-трав-а, о-трав-л-ен-ъ; за-бав а, за-бав-л-е-н-ъ.

п—пл,: топ-ить, топ-л-е-н-ъ; соп-е-ть, соп-л-и; у-сып-ить, у-сып-л-ен-ъ.

м—мл,: том-и-ть, том-л-ен-ъ; глум-и-ть-ся, глум-л-ен-и-е; шум-ѣть, шум-л-ю.

ф—фл,: по-траф-и-ть, по-траф-л-ю; граф-и-ть, граф-л-ю.

Эти изменения согласных задненебных, зубных и губных требуют следующих раз'яснений и толкований при применении их в живом языке на практике:

1) Чем обусловлено это изменение, напр. в словах: *лик* и *личный* при *лицо*?

2) Как об'яснить изменение *г* в *ж* в *дружить* и в *дружу*?

3) Как об'яснить изменение *х* в *ш* в словах: *ухо*, *ушко*; *потеха*, *потешать*; *дыхание*, *дышать*?

4) Отчего *ответить*, но: *отвечать*? *Вече* и *вещий*? У-род-ъ и у-рожд-ен-н-ый?

5) Отчего *топить*, но *топливо*? И друг.

Вот о таких явлениях мы сейчас и поговорим для того, чтобы устранить всякие недоразумения, к которым ведут эти вопросы после изучения изменений согласных в изложении школьных учебников. Начать с того, что в школьных учебниках изменение *г* в *ж* называется *смягчением*. А почему? Что здесь смягчается, что становится мягче, и в чем выражается смягчение,—этого никто нигде не об'ясняет, и учащиеся, равно как и сами учителя из года в год это повторяют, заучивая и преподавая это совершенно безсознательно, не рискуя ни дополнить чем-либо учебник, ни изменить его. Вот поэтому все эти знания, бесспорно полезные и очень интересные при другой методе, остаются и без применения и без осмысления. Когда поговоришь об'этом с учителями, с учительницами или с учащимися, то удивляешься, чем об'яснить эту безотчетность знания и эту хаотичность представлений в головах учащихся.

Как известно, все эти изменения согласных задненебных, зуб-

ных и губных в общем называются в учебниках для преподавания в школах *смягчением согласных;* так же называют эти изменения согласных и преподаватели школ. Это название „смягчение" имеет историческое значение, и вот это-то и надо об'яснить учащимся, да, повидимому, и учащим, т. к. они повторяют слова учебника, по которому преподают, сами не интересуясь учебником и его научной состоятельностью. Впрочем, о последней они и не могут сами судить вследствие тех причин, о которых я говорил выше здесь: они преподают русский язык, не получив надлежащей подготовки (в чем они и не виноваты, как мы уже знаем) и не имея настоящего интереса к этому предмету. Вот, что преподающие русский язык *непременно* должны знать: а) все вышеприведе изменеенныния согласных обусловлены следующими за ними гласными переднего ряда или согласным *j*; б) не все из этих согласных изменяются под влиянием следующего гласного переднего ряда: так, *зубные* согласные изменяются только под влиянием следующего за ними *j*; то же мы наблюдаем и у согласных *губных*; согласные *задненебные* изменяются под влиянием следующих за ними гласных переднего ряда или *j*; в) согласные, изменившиеся под влиянием указанных причин, переживали в дальнейшем новые исторические изменения. Так, согласный от соприкосновения со следующим палатальным гласным (переднего ряда) или согласным *j* (палатальным) сам палатализовался, но с течением времени мог терять свою палатальность, т. сказать, отвердевать, между тем, как его изменение, выразившееся в перемещении артикуляции органов речи, сохранялось.

И потому происходило то, что он сам отвердевал при наличии состоявшегося уже перемещения артикуляции органов речи. И это обстоятельство делало вид, что согласный как будто не подчинялся закону. Сейчас мы увидим это на примерах. Мы имеем слово *лицо*; в таблице (стр. 34) показано, что звук *к смягчался* в *ч* и в *ц* (мы теперь должны говорить „смягчался", а не „смягчается", т. е. относить это явление к *прошедшему* времени, т. к. мы уже выяснили, что в настоящее время мы имеем лишь следы этих звуковых изменений, а не самые изменения; вернее,—последствия изменений а не самые изменения. Когда эти изменения были *современными самому закону*, они, конечно, назывались *смягчением* звуков. Теперь же, как сейчас увидим, эти изменения—вовсе уже не смягчения согласных). В чем же дело? Звук *к* (как *г* и *х*) мог стоять в слове в былое время перед звуком *е*, *і*, *ѣ*, *ь*, *ѧ*, а равно и перед согласным *j*. Это было в *доисторические* времена. Все эти звуки: *е*, *і*, *ѣ*, *ь*, *ѧ*—гласные переднего ряда, а *j*-согласный переднеиебный. В историческое же время, т. е. время письменности, мы застаем уже на месте *к* в таких случаях *ч*, и понимаем это так: раз на месте старого *к* появилось новое *ч*, и новое *ц* перед гласными переднего образования,

то, значит, звуки *ц* и *ч* — были сами более переднего образования, чем звук *к*; в противном случае им по месту образования не пришлось бы иметь базу артикуляции там же, где имеют ее звуки гласные переднего ряда. Однако звук *к* перед звуками *е, і, ѣ,* и проч. не мог стоять, а звуки *ц* и *ч* могли. А мы ведь знаем из физиологии звуков, что рядом стоящие звуки в слове ассимилируются друг другу; это значит, что работа органов для них происходит в одном месте ротовой полости. Стало быть, из физиологии же звуков выясняется, что произношение *к* требует перемещения артикуляционной базы *кзади* в полости рта, а произношение *ч* и *ц* — перемещения *кпереди*, т. е. в область твердого переднего неба, в область т. называемой палатальной базы. Палатальные звуки принято в школах называть *мягкими*, хотя это название не научное и не защищенное смыслом, т. к. термин „мягкий“ взят из области осязания, между тем, как звука никто не щупал, а потому, серьезно говоря, без фигуральных выражений, нельзя и называть в *научном* сочинении звук твердым или мягким. Итак, мы доказали, что все вышеотмеченные законы изменения согласных звуков вызваны перемещением артикуляционной базы из области заднего неба и заднего ряда в область переднего неба и переднего ряда. И вот пока произношение соответствовало артикуляции, до тех пор мы и могли, без нарушения точности называть звуки *ц* и *ч* передненебными, а звук *к* — задненебным. Но с течением времени, когда для звуков *ц, з, ж, ш,* и друг. потребовалось новое перемещение артикуляции в заднюю полость рта, т. е. когда произношение переменилось, то никакого „смягчения“ („онебнения“) уже не было, и потому слово „личный“ сравнительно со словом „лик“ еще является со „смягченным“ звуком *ч* („онебненным“), между тем, как слово „лицо“ уже не имеет небного звука, т. к. *ц* с XIII века стало „твердым“ в русском литературном языке Вследствие этого, когда учитель об'ясняет учащимся изменение звука *к* в *ц*, и говорит, что *к* смягчается в ц, приводя пример *лик-лицо*, то ни учащиеся, ни учитель не видят тут никакого смягчения; одно видно только, что и в правописании и на-слух звуки *к* и *ц* соединяются с гласными заднего ряда совершенно одинаковыми: лик, лицо; лик-а, лиц-а; лик-у, лиц-у; лик-ом, лиц-ом; лик-ѣ, лиц-ѣ. Еще страннее сочетание *ж* и *ш* с гласными: они сочетаются с гласными *а, у, о* и в произношении и на письме; сравни: дрог-ну-ть и дрож-а-ть, дрож-у; нож-ом и проч. Поневоле пытливый ученик и вдумчивый учитель задается вопросом: „да почему же тут произошло изменение звуков? Почему не дрог-а-ть, а дрож-а-ть? Раз этого нельзя понять, то приходится зубрить без понимания и бессознательно повторять за учителем и учебником, что *г* смягчается в *ж*, а *х* в *ш*: тяг-а, таж-б-а; слух-ъ, слуш-а-ть, и проч. Так зазубренные без понимания примеры скоро забываются и пропадают для знания бес следа и пользы!“ Как

же этот отдел учить, чтобы он принес пользу? Этот отдел учебника русской грамматики следует учить применяя постоянно *морфологический принцип* и помня, что все те согласные, в которые изменились *к, г, х, т д, п, б, в, м, ф*, произносились *палатально, смягченно*. Так, в древности, в памятниках письменности изображали: лнт-ьи-ъи, а ныне: лич-н-ый. Из краткой формы этого прилагательного „безличен" мы видим, что суффиксом его был *ЬН*, откуда наше *ен* в краткой форме, но вовсе не одно *н* (лич-н-ый): еслибы было так, то *к* не имело бы повода для смягчения, и могло бы быть „*ликный*", а не „*личный*"; *ь* же к концу XII века исчезло в слабом положении: лич(ь)-н-ый. От исчезновения же звука *ь* в слабом положении звук *ч*, образовавшийся от встречи с этим *ь*, превратившим *к* в *ч*, и *после того, как к перешло в ч, уже исчезнувшим*. не превращался опять в звук *к*, а оставался измененным в *ч*, который жил своей исторической жизнью.

Так, в древних памятниках письменности и в *последующие* века мы находим: чюдо, моужю, шити, щюка и проч. Между тем, как мы в теперешнем нашем правописании имеем: чудо, мужу, щука, но почему то осталось *шить*, хотя произносим мы не согласно с правописанием, а согласно со звуковым качеством этих звуков, именно: чюдо, щюка, цыфра. Звуки *ч* и *щ* в нашем языке так и остались „мягкими", как были, а звуки *ж, ш* и *ц* сделались твердыми уже после того, как в них перешли звуки: *г, х, к*. Мы произносим и сейчас исторически правильно: *жыть, шыло*, и проч. Вообще, судить о качестве звуков по современному правописанию нельзя. Итак, ответим на поставленные нами выше вопросы:

1. Звук *ч* в слове *личный* при слове *лик* обусловлен тем *ь*, который находился в суффиксе прилагательного *ьн*: *личьный*. „*Лицо*" в древности было лице при ц мягком: *лиц'е*.

2. В слове „дружить" изменилось лишь произношение: мы произносим сейчас „дружыть", а пишем по старине; по этому правописанию следовало бы произнести „друж'ить". „Дружу" в древности было дроужю; *ж*—отвердело, и мы внесли в орфографию *в данном случае* фонетический принцип, т. е. пишем, как говорим. Но это далеко не во всех случаях и не последовательно.

3. „Ушко" из древнего „ушько". Суф. *ьк*. Срв. форму „ушек". Слово „потешать", при слове „потеха" в древности следовало бы писать после *ш*-ь, пока *ш* было мягким. Тоже и в слове „дышать".

4. Звук *т* может быть и твердым и мягким: в слове „ответить" он мягкий, а слово „отвечать" следовало бы изображать так: „*ответчять*", п. ч. звук *ч* остался мягким. Слово „вече"—русское, а „вещий"—старословянское. Слово „урожденный" опять чужое, старославянское; в стр. сл. языке звуки т и д при „смягчении" переходили в щ и жд, а в русском в *ч* и *ж*. Но мы получили письменность

и вообще культуру через южных славян, от которых и взяли много слов путем церковно-книжного общения. По-русски было бы: „уроженный.“

5. Слово „топливо“ образовалось от смягченной основы глагола „*топить*“—*топл—*: *топлю*. Вообще, губные звуки, так же как и все звуки русского языка, могут быть и „твердыми“ и „мягкими“; сочетание же губного с *л'* показывает, что после губного был *j*, который и перешел в *л'*: *топлю* из* *топjу*, *люблю* из* *любjу*, *томлю* из* *томjу* , *ловлю* из* *ловjу*, *потра́флю* из* *потрафjу*.

§ 25.

В предыдущей главе мы дали определение грамматики. Она представляет, как мы видели, два крупных отдела этимологии: I-учение о звуках, II-учение о словах. Первый отдел мы закончили, остановившись в нем на тех вопросах, которых мы не затрагивали в 1-ом томе своего настоящего труда „Вопросы методологии русского языкознания“. Переходя теперь ко 2-му отделу этимологии, мы дадим учение о словах опять же в том его об'еме, который подсказывается нам материалом, вошедшим в 1-ый том, т. е. в наши „Вопросы“. .. В „учении о словах“ нам теперь придется остановиться на тех основаниях, которыми руководится формальная грамматика, при делении слов на *части речи*.

Как мы знаем, каждое слово языка есть какая-нибудь часть речи. Вот теперь и спрашивается, по каким признакам или по каким особенностям одно слово признается одною частью речи, а другое—другою; иными словами, какие признаки слов заставили теоретиков грамматики поделить все слова на *различные* части речи, и почему одно слово отнесено при таком делении к одной грамматической категории, а другое—к другой? Мы знаем, что логическая грамматика видела для себя достаточное основание деления слов на части речи в *различии значений слов*. Таким образом, в грамматике явились в результате деления слов на части речи различные *классы значений слов*, но ведь *классы значений* не есть *грамматические* классы. Если мы хотим излагать грамматику, то должны включать в ее содержание лишь такой материал, который ведается грамматикой и представляет собой грамматическую принадлежность. Что же входит в содержание грамматики языка и признается грамматической принадлежностью? Мы знаем, что один отдел грамматики посвящается изучению *звуков* языка, именно, их физиологии и фонетики; другой же отдел должен быть посвящен *словам*, т. е. теории их строения и их функциям. Так. обр., расчленение слова на морфологические его части, сложение этих частей и изменение самых слов, при сочетании

их друг с другом и составляет содержание другого отдела грамматики, учения о словах. Практически нам известно, что слова при сочетании друг с другом с целью образовать речь не входят в состав этих словосочетаний без изменений, т. к. самое сочетание слов мыслится, как такая их связь, которая выражается *формами* слов. Следовательно, формальные изменения слов и признаются в грамматике тою их особенностью, которая составляет их функцию в формальных языках, т. е. въ языкахъ, имеющих формы слов. А если мы вспомним, что формою слова называется его способность распадаться в нашем сознании на основу и аффикс, то, значит, эти аффиксы, т. е. прибавки, которые служат в слове для образования из него формы, и составляют то содержание грамматики, из-за которого она и называется грамматикой.

На этом основании и в учении о словосочетании, т. е. в 3-ей части грамматики, в синтаксисе, мы различаем *грамматическое словосочетание* („предложение“) и *неграмматическое словосочетание* („психологическое суждение“.) Предложение мы определяем так: „предложением мы называем такое словосочетание, в котором особою *грамматическою* формою определенно выражено отношение сказуемого (глагола) к именительному падежу - подлежащему.“ *Такое предложение мы называем грамматическим*, т. к. оно выражено грамматическими средствами, т. е. средствами связывать слова, без особых соединительных частиц, именно, средствами словоизменения. Отсюда следует, что *словоизменение* и есть то содержание, которое *мы должны признавать грамматическим содержанием.* После этого мы вправе сделать заключение: *классы значений*, которыми занимается логическая грамматика, разделяя слова на части речи, не есть *грамматические классы*, а потому логическая грамматика, определяя части речи *по значению слов*, взялась не за свое дело. Напротив того, если бы грамматика положила в основу деления слов на части речи *изменяемость слов* в словосочетании, то это было бы настоящим делом грамматики. Так, вникая в различия в самых изменениях слов в русском языке, мы видим, что сразу заметны *три грамматические категории:*

а) *Категория существительных*, характеризующаяся наличностью падежей с известными флексиями: род. ед. ч. *а, ы* (и); дат. ед. ч. *у, ѣ* (*и*) и твор. пад. ед. ч. *ом, ою* (*ью*). Остальные падежи не характерны для категорий грамматических. Для доказательства этого положения мы их сейчас же рассмотрим. Флексия имен. пад. ед. ч. представляет собой в муж. и ж. родах такие звуки, которые с течением времени *совершенно исчезли* из языка; стало быть, ими уже не может характеризоваться никакая грамматическая категория: в муж. роде эта флексия была звук *ъ* или *ь (jъ)*, которые теперь уже исчезли: *стол* из старого *столъ; сталʻ* из старого *сталь; учителʻ* из

старого *учитель*. Что же касается таких слов, как *покой*, *серебро*, *поле*, *тряпьё*, *голова*, *земля*, то они или не имеют совсем флексий для им. п. ед. числа („*покой*“), или их флексиями вовсе не характеризуется данное словоизменение („*серебро*“ „*поле*,“ „тряпьё“), или, наконец, эти флексии характерны не для одной части речи, а для двух, а потому мы их упомянем ниже, в категории имен прилагательных („*голова*,“ „*земля*“).

б) *Категория прилагательных*, характеризующаяся наличностью изменений *по родам* (мужеск. *ый*, *ий*, женск. *ая*, *яя*, и средний *ое*, *ее*,—роды), причем в прилагательных сохранилась форма сказуемости, т. е. форма безчленная, с флексиями для именит. пад. единств. числа женск. рода *а (я)*. Эта форма известна в русском литературном языке только для именит. падежа, т. к. эта форма сказуемости,—а сказуемое—прилагательное согласует свои окончания—флексии—с таковыми же подлежащих, известных, как подлежащие, *только* в именит. падеже. И так, вот основания, по которым мы не поместили в категории существительных (в пункте *а*) таких слов, которые известны русскому языку *только* как слова—сказуемые предложений и не пометили их флексий. Дело в том, что лишь только флексии косвенных падежей (род., дат., твор.) служат характерным отличием имен существительных, а в данном случае мы косвенных падежей не имеем, т. к. сказуемые неизвестны в форме косвенных падежей; стало быть, остается в нашем распоряжении лишь один прямой падеж, т. е. именительный падеж сказуемого, а это равносильно, с точки зрения изменяемости слов, т. е. с точки зрения *формы* слов, отсутствию склонения в таких словах, как прилагательные безчленной (краткой) формы. Напр. „лесть гнусна́, вредна́“; „вреден север для меня“; „как беззаботно, как резво́: смерть непонятна для него“. Во-первых, *здесь в сказуемых:* гнусна́, вредна́, вреден, беззаботно и резво́—*отличительных флексий нет*.

Отличительные флексии, т. е. такие, которыми отличается какая-либо грамматическая категория (сущ., или прилагательное), узнаются по соотношению их с другими, встречаемыми в процессе изменения слова в словосочетаниях: если соотносительности нет, то нет и флексии: конечные гласные в этих сказуемых *а* и *о* (других гласных здесь нет!) не имеют для себя соотношения в других гласных *ы* и *а* одновременно с наличными в косвенных падежах.

Следовательно, эти слова (гнусна̀, резво̀...) должны рассматриваться как слова *неизменяемые*. Во-вторых, конечные гласные их, (*а*, *о*), не имея соотношения для себя в процессе изменения, как это имеют слова: *голова̀*.—*головы* и т. д. или *окно*—*окна̀* и т. д., *не характеризуют собой никакой грамматической категории*. Для суждения же о сказуемом „*вреден*“—срв. сказанное нами выше о форме „*стол*“. Что касается слова „покой“, то оно из старого *по-*

*кой*ъ – *покоj*ь, *поко*i*ь*— *покой*. Срв. род. над. ед. числа покоj+а, дат. пад. покоj+у, т. е., как *сын*, сына, *сыну*... в) *Категория глаголов*, характеризующаяся наличностью окончаний, присоединяемых к основе глагола, для образования форм лиц: 1-го, 2-го, 3-ьего. Напр., нес-у, нес-е-шь, нес-е-т; во множ. числе *нес-ем*, *нес-е-те*, *нес-ут*. Эти окончания лиц глагола следующие: 1-ое лицо ед. ч.—у, *мь*; 2 лицо ед. ч. *шь*, *си*; 3 л. ед. ч. *т*, *ть*; 1-ое л. множ. ч. *мъ*, *мы*; 2 лицо множ. ч. *те*; 3-ье л. мн. ч.—*ут*, *ат*, (*ют*, *ят*), *уть*. По этим изменениям можно сразу узнать, что мы имеем дело не с существительными и не с прилагательными, а с какою то третьею частью речи, которая называется *глаголом*.

Вот эта изменяемость слов по падежам. по родам и по лицам и должна быть положена в основание деления слов на части речи. Так обр., три рода изменений и служат естественно основанием для различения трех отличных друг от друга частей речи: имени существительного, им. прилагательного и глагола. С точки зрения формальной грамматики имена числительные примыкают или к существительным (если они склоняются так, как им. существительные), или к прилагательным (если они склоняются так, как имена прилагательные). Местоимения примыкают к именам существительным и к именам прилагательным (в тех же случаях), хотя старая грамматика признавала и специально *местоименное склонение*, которое однако не характеризуется никакими отличительными флексиями. Кроме этих частей речи, старая грамматика предлагала еще: *наречие*, *предлог*, *союз* и *междометие*. Но *междометие даже не слово:* это просто не членораздельное выражение впечатления, а *потому оно не может быть частью речи*, *состоящей из слов*. Предлоги и союзы—не самостоятельные слова; предлог—это даже не полное слово, т. к. предлог только при полном и самостоятельном слове *образует* вместе с этим последним *такую форму слова*, которая получает этим самым возможность стать членом словосочетания, т. е. *связывается формально* с другими словами, входящими в состав словосочетания. Например „я спускаюсь *с горы*.“ Уничтожьте в этом словосочетании предлог *с*, и вы разрушите самое сочетание! Или: „я подхожу *к горе*; огурец будет *с гору*;“ „у Казбека *с Шат-горою* был великий спор“. „Дом стоит *на горе*“ и под. На этом основании логическая грамматика даже выдумала особый падеж—„*предложный падеж*“, который будто бы без предлога и не мыслим, т. е. предлог будто бы входит как бы в самый состав падежа, как формы, что, конечно, неправильно с научной точки зрения, т. к. не один какой-нибудь предлог образует вместе с именем существительным форму предложного падежа, да, кроме того, все вышеприведенные нами примеры стали бы с этой точки зрения предложными падежами: *с горы*, *к горе*, *с гору*, *с горою*, *на горе*. Сравните: в старом языке: „*горѣ имѣимъ сердца*“,

„возвелъ очи горѣ“ и т. п. Это были действительно особые падежи, которые по своим значениям назывались *местными* падежами, т. к. они означали место, где что-нибудь находится. Вообще, учение логической грамматики о падежах, начиная с самых названий падежей, есть сплошная традиция даже не русского происхождения: названия переведены с латинского и идут со времени александрийской эпохи, а занесены к нам вместе с учением о значении падежей через Болгарию в IX веке. Что касается *союзов*, то они в виду их ограниченных функций, не могут составлять особых частей речи, на что указывает нам и самое строение речи, которая может совершенно свободно обходиться без союзов соединительных. Поэтому, только те союзы составляют часть речи, которые имеют самостоятельное значение при построении речи. Именно: заключительные и противительные. О союзах надо вообще сказать, что и другие части речи легко превращаются в союзы, откуда следует, что речь вообще может обходиться без таких частей, которые принято называть „союзами“— без серьезных научных оснований. Я возьму пример *бессоюзной* речи, а затем речь, в которой различные союзы могут легко заменяться другими средствами, и чаще всего интонацией голоса. У Пушкина („Полтава“) мы читаем:

Горит восток зарею новой,
Уж на равнине по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам. и т. д.

Здесь в этой длинной выдержке нет ни одного слова, которое бы могло считаться, даже с точки зрения старой грамматики, союзом.

Правда, что союзы, связывая слова и словосочетания друг с другом, содействуют образованию плавной и связной речи, но не менее того, тем же целям служит и *интонация речи и ее выразительность*; в разговорной речи мы часто обходимся без союзов, одной интонацией, в особенности те из ораторов, которые умеют говорить и привыкли хорошо владеть речью и голосовыми средствами. Так, напр., чудное стихотворение Пушкина „Утопленник“, почти все написано даровитым автором так, что оно само просится на декламацию, в которой интонация заменяет все союзы, как видно из знаков препинания:

„Прибежали в избу дети;
Второпях зовут отца:
„Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца!“ и т. д.

Нам остается сказать о наречии. Наречие служит определением глагола, и будет ли оно бесчленною формою имени прилагательного среднего рода, или *собственным* наречием: все равно оно определяет

собой то, что выражено глаголом, и потому называется *обстоятельством образа действия*. Напр.: „*второпях* зовут отца". „Одна *шажком* плетется, другая *вскачь* несется". Наречие может быть признано действительно *частью речи*, но эта часть речи *неизменяемая*, и это потому что наречие служит определением глагола. Так. обр., мы вопреки своему прежнему мнению (см. наши „Вопросы методологии русского языкознания" I Казань 1917) признаем теперь частями речи только следующие: имя существительное, имя прилагательное и глагол. Остальные части речи: *наречие*, *предлог* и *союз* следует считать частями речи не в этимологическом смысле, т. е. не по признаку изменяемости их, а в синтактическом смысле, т. к. все они неизменяемые, значит, *бесформенные* слова и потому неспособны связываться с другими словами своими флексиями, или формантами. Так. обр., все слова с точки зрения формальной грамматики должны делиться на два класса: *класс изменяемых слов* и *класс неизменяемых слов*.

Этимологические		Части речи		Синтактические
	Имя существительное		Наречие	
	Имя прилагательное		Предлог	
	Глагол		Союз	

Теперь нам предстоит заняться подробнее глаголом: его *видами и залогами*. *Видами* глаголов наз. те различия оттенков в отношениях суб'екта к действию, которые выражаются особыми глагольными суффиксами, или представками, т. е. вообще аффиксами в глагольном строении, причем эти аффиксы, представляя особенности или внутреннего строения глагольной основы или внешнего, если они составляют собой представки, вовсе не захватывают тех частей слова, которые характеризуют грамматические категории (см. выше).

Залогами же глаголов называются те различия оттенков в отношениях действия к об'екту, которые выражаются присутствием или отсутствием частицы *ся* при глаголе. Надо заметить, что наши школьные логические грамматики вовсе не определяют ни видов, ни залогов, и определения этих глагольных принадлежностей ложится всецело на учителя или на учащегося. Вот почему, между прочим, эти отделы грамматики так трудны для понимания и для усвоения как учащихся, так и учащих. Остановимся сперва на видах. Начать с того, что в различных учебниках насчитывается различное количество видов, и об'ясняется только *значение* каждого вида, как слова, т. е. опять дается смысл отдельных слов, как будто в словаре языка. Тогда, как видами глагола оттеняется различие в отношениях действующего лица

к самому действию. Вот это мы сейчас и покажем. Мы отличаем прежде всего в каждом действии три главных момента; *начало действия*, *длительность действия* и *окончание действия*. С точки зрения этих главных моментов действия мы различаем: 1) *вид начинательный*, 2) *вид длительный*, 3) *вид окончательный*. Язык несомненно имел в виду отметить тоже эти три главных момента действия, когда он создавал посредством приложения представок такие глаголы, как а) *заплясать*: „У нас *запляшут* лес и горы“—начнут плясать. б) *плясать* „Водяной царь *пляшет* под звуки гуслей“—пляшет все время, пока гусли играют; в) *проплясать*: „балерина *проплясала* краковяк“. Эти все моменты входят в более крупные деления видов: *несовершенного* и *совершенного*. Так, вид несовершенный—длительный: „сохнуть„: „дерево сохнет“ может превратиться в совершенный—длительный: „оно засохнуть может“ и совершенный—многократный: „река засыхает ежегодно“; „он простаивал в очередях по шести часов“. Несовершенный—многократный будет просто: „стаивал“ „лавливал“. Так. обр., схематически мы можем представить все виды русского глагола в таком виде:

Несовершенный
- *Длительный*: „сохнуть“, „петь“, “играть“.
- *Многократный*: “стаивать“, „игрывать„, „лавливать“.

Совершенный:
- *Длительный*: „засохнуть“, „посидеть“, „приписать“ [1]).
- *Многократный*: „засыхать“, „простаивать“, „заигрывать“, „запевать“.

- *Начинательный*: „запеть“, „заиграть“.
- *Окончательный*: „пропеть“ „допеть“.
- *Мгновенный*: „вспрыгнуть“.

Теперь о залогах. Залоги рус. глагола представляют уже давно, как и виды русского глагола, камень преткновения для школы и для учебников рус. грамматики. Единственно кому удалось создать научную классификацию глаголов рус. языка по залогам—это покойному академику и профессору Ф. Ф. Фортунатову (Сбп. 1899). Его классификация крайне проста и вместе с тем полна. Сущность ее заключается в следующем:

I Все глаголы *по форме* делятся на два разряда:

А) Возвратная форма глаголов (оканчивается на—*ся*).

Б) Невозвратная форма глаголов:

---

[1] Как отгл. существительное на-*ние* от таких глаголов?

II По значению все глаголы делятся тоже на два разряда:

а) *По отношению к об'екту*—на три отдела в свою очередь. I Переходные, II непереходные и III средние (непереходные с переходным значением).

б) В отношении к частице—„*ся*".

А) *Возвратная форма* допускает *пять* различий в значении при присоединении—*ся* к *переходным* глагололам и *два* различия при присоединении *ся* к *непереходным:*

ся при переходных глаголах.

а) действие в отвлечении от об'екта: *кусаться*,

б) взаимно-переходное: *сражаться*,

в) изменение признака в состоянии самого суб'екта: *сердиться*,

г) возвратное:—*мыться*,

д) страдательное: *строиться*:

ся—при непереходных глаголах:

А) Усилительное: *краснеться*,

Б) Безличное: „*спится*".

Б) *Невозвратная* форма обнимает собой все разряды глаголов, на которые делятся глаголы по отношению к об'екту: т. е. переходные, непереходные и средние:

1) Любить.

2) Лежать.

3) Помогать.

А) *Ся* не вносит различий в значение глаголов *переходных: общие: смотреться*

ся не вносит различий в значение глаголов *непереходных*: *общие:—стучаться.*

К этой таблице следует сделать несколько раз'яснений. Частица *ся*, присоединяемая к глаголам, имеет в русском языке исключительное значение: ею обусловливается классификация глаголов по форме и по значению. Собственно говоря, залогов, как особых форм, с особыми формантами, в русском глаголе нет. Залоговые формы в русском языке погибли в течение времени; остались только три формы страдательного залога, и все они представляют формы причастия; одна форма настоящего времени с суффиксом *М* (ый), напр., любимый, терпимый, ласкаемый, несомый и т. п., и две формы прошедшего времени с суффиксом *н* и с суффиксом—*т* напр., взятый, тертый, убитый и т. п. Или: хваленный, укушенный, засаленный, посаженный. и т. п. Причастия наст. вр. страдательного залога с суф. *М* образуются от основы настоящего времени глагола: *люби*-ть; *люби*-мый; терпе-ть, *терпи-ть*, *терпи-мый*; *ласкать*, *ласкае-ть*, *ласкае-мый*, нести, *несеть*, *несо-мый*. Последняя форма изменила свою основу настоящего времени действит. залога для образования причастия настоящего времени страдат. залога: *несе—несо*. Так же, как: иска-ть, ище-ть, иско-мый вм. ище-мый. Срв. вез-ти,

везе-ть, везо-мый, вм. везе-мый. Или плес-ти, плете-ть, плето-мый вм. плете-мый и др. Все это глаголы, в которых основа настоящего времени оканчивается на *е*, чередущееся с *о*: е/о. В 1-ом лице множ. ч. наст. времени действит. залога основа оканчивается на *е*, а в причастии наст. вр. страдат. залога оканчивается на *о*.

Кроме этих трех форм причастия страдательного залога, вообще страдательного залога в русском глаголе не сохранилось. Русский язык обходится описательными образованиями из этих трех форм причастия страд. залога и вспомогательного глагола, к которому присоединяются эти причастия: я любимъ, я былъ любимъ, я буду любимъ, будь любимъ и проч. Или: он убит, был убит, будет убит, будь убит и под. Или: я хвален, я был хвален, я буду хвален, будь хвален, и проч. Очень понятно, что, не имея особых форм залога, ни для одного залога, кроме форм действительного залога, рус. глагол должен был выработать какие либо образования, которые бы могли заменять залоговые формы. Вот, рус. язык и воспользовался для этого частицею *ся*, которую он приставляет к формам т. наз. в учебниках действительного залога, сообщая этим последним залоговые различия и значения. Так. обр., в рус. яз. вместо различных залогов есть различные значения, образуемые или отношением глагола к об'екту или частицею *ся* при различных по отношению к об'екту глаголах. И все эти значения рус. глагола совмещаются в двух формах: в форме *невозвратной*, без частицы *ся*, и в форме: *возвратной*—с частицей *ся*. Невозвратная форма, в свою очередь, совмещает в себе три разряда глагольных значений по отношению к об'екту: I разряд *переходных* глаголов, II разряд *непереходных* глаголов, III разряд *средних* глаголов (непереходных с переходным значением). Невозвратная форма глаголов, рассматриваемая *по отношению к об'екту*, представляет след. три разряда значений:

I. *Переходные* глаголы: любить, топить, уважать. Действие таких глаголов *переходит* на об'ект, который ставится в форме винит. падежа *без предлога*: любить *сына*, топить *печку*, уважать *себя*.

II. *Непереходные* глаголы: лежать, сидеть, спать. Действие таких глаголов *не переходит* на об'ект. Такие глаголы собственно обозначают не действие, не деятельность, а состояние или положение, в котором пребывает суб'ект: книга *лежит*, птица *сидит*, медвель *спит*. Эти глаголы при именит. падеже подлежащего выражают целиком мысль, не требуя каких-либо дополнений для выражения мысли вполне.

III. *Средние* глаголы: (*непереходные с переходным значением*): помогать, содействовать, тосковать. Эти глаголы составляют по своему значению как бы *нечто среднее* между переходными и непереходными: при них нет об'екта в винит. падеже без предлога, и, стало быть, нет об'екта действия, которое бы переходило на этот об'ект, как напр., в глаголе *любить кого, что*. Но все-таки значение этих глаголов переходное,

как видно из глаголов: *помогать*, *содействовать*, *тосковать* и под., которые требуют дополнений для выражения полностью всей мысли, хотя дополнений *с предлогами и не в винительном падеже.*

Возвратная форма глаголовъ, рассматриваемая по отношению к частице *ся*, представляет след. два разряда значений: *ся* при *переходных* глаголах и *ся* при *непереходных* глаголах. *Ся* — при переходных глаголах играет роль как бы об'екта действия („*ся*"—старая форма винит. падежа возвратного местоимения: „одеваться"=одевать себя.) А при непереходных глаголах—*ся* есть просто частица, служащая отличительным признаком известного разряда глагольного значения. Всетаки *основными* разрядами значений рус. глагола служат те разряды, которые определяются по отношению к об'екту, т. е. переходные и непереходные. След., основные разряды значений рус. глагола все лежат внутри *невозвратной* формы, т. к. и самое значение частицы *ся*, образующей *возвратную* форму определяется тем, присоединяется ли *ся* к *переходному или непереходному глаголу*. Сама по себе возвратная форма глагола (т. е. форма с частицею ся) не может иметь переходного значения: *ся* — делает всякий глагол *непереходным*. Частица *ся* при глаголах имеет то свойство в рус. языке, что она, делая глагол *возвратным по форме или вносит различия в значение глагола, или не вносит никаких различий*. Если эта частица присоединяется к переходному глаголу, то она может вносить *пять различий* в значение глагола, хотя и при переходных глаголах она может вовсе не вносить различий; если же она присоединяется к непереходному глаголу, то она может вносить *два* различия в значение глагола, хотя и при непереходных глаголах она может и не вносить никаких различий. Вот мы и дадим примеры того и другого употребления частицы *ся* при глаголах и исследуем эти примеры:

А. *Ся при переходных глаголах* может вносить *пять различий* в значение глагола, а именно:

1) *Ся* — вносит такое различие, при котором действие, означаемое глаголом, представляется нам в *отвлечении от об'екта*. Напр. „кусаться." Если мы скажем: „эта собака кусается", то мы имеем в виду указать вообще на ее свойство, привычку или особенность, не касаясь какого-либо конкретного случая или укушенного об'екта.

2) *Ся* вносит такое различие, при котором обозначаемое возвратной формой глагола действие понимается нами, как *взаимно-переходное*. Напр., сражаться; „сражаться" непременно надо с кем-нибудь; одному сражаться с самим собой нельзя; поэтому здесь мыслятся два суб'екта, действующие взаимно друг против друга. Следовательно, действие происходит между двумя и *взаимно* переходит с одного суб'екта на другой и обратно.

3) *Ся* вносит различие, показывающее *изменение признака в состоянии самого суб'екта.* Напр., „сердиться". Если мы говорим: „он сердится"—то мы обозначаем этим глаголом такое состояние самого суб'екта, которое изменяется в своих признаках, т. е. признаки в состоянии самого сердящегося безпрерывно изменяются, пока суб'-ект сердится; состояние суб'екта то более напряженное, то более спокойное в зависимости от его переживаний и от его впечатлительности.

4) *Ся* вносит различие в значение глагола, действие которого представляется нам возвращающимся с самого суб'екта на него же опять. Поэтому это значение называется *возвратным*, а отсюда и самый глагол с таким значением, принято называть возвратным глаголом, или глаголом с возвратным значением. Напр., „мыться." Если мы говорим: „он моется," то это значит, что он моет себя. В таких глаголах частица *ся* имеет значение винительного падежа возвратного местоимения *себя.* По значению и само местоимение наз. *возвратным местоимением.*

5) *Ся*, наконец, выражает *страдательное* значение глагола, к которому эта частица *ся* присоединяется. Без этой частицы глаголы данного различия имеют значение переходных с дополнением в винит. падеже без предлога. Напр., „строиться."

При этом различии в значении глагола дополнение ставится обыкновенно в *творительном падеже* без предлога. *По этому падежу и узнается страдательное значение глагола.* Если мы скажем: „дом строится" без дополнения в творит. падеже, то это значение не будет страдательным: оно будет принадлежать по нашей классификации или к 1-ому различию, или к 3-ему. Мы понимаем, что строящийся дом безпрерывно меняется в своих признаках, пока он строится. Поэтому глаголы этого различия *без дополнения в творит. падеже* принадлежат все к 3-ему различию в значении глаголов по нашей классификации, т. е. обозначают изменение признака в состоянии самого суб'екта. Сравним теперь значение одного и того же глагола в двух след. примерах: „дом строится" и „дом строится плотниками". Второй из этих примеров творительным падежом своего дополнения при глаголе „строится" показывает, что при глаголе действующий предмет или лицо обозначено творит. падежом без предлога: „плотником" *Если мы глагол* „строится" *изменим в его форме возвратной* на *не возвратную*, то придется и дополнение творительного падежа переменить на именительный падеж, т. е. сказать: „дом строят *плотники*". Этот оборот отличается от оборота со страдательным значением глагола тем, что дополнение страдательного значения глагола превращается в подлежащее переходного значения глагола, а возвратная форма глагола теряет частицу *ся* и превращается в невозвратную форму с переходным значением: подлежащее именительного падежа при этом обороте превращается

в дополнение прямое, т. е. в винительный падеж без предлога: „*дом* строят плотники“. Или: „честный человек *уважается* всеми“, но: „Честного человека *уважают* все:“ „Рыба *ловится* рыбаками“; но: „Рыбу *ловят* рыбаки“. Мы выше сказали, что частица *ся* может присоединяться и к *непереходным* глаголам. Посмотрим, какие различия вносит эта частица *ся* в значение непереходных глаголов. Она вносит два различия:

Б. Ся при непереходных глаголах может вносить *два* различия в значения глагола, а именно:

1) Значение *усилительное*: краснеться. Срв. значение глагола „краснеть“: этот глагол непереходный: он означает состояние предмета, изменяющего свой цвет или виднеющегося издали потому, что он красного цвета. *Краснеться* же имеет то же значение, только в более сильной степени. Напр. „что-то краснеется“—означает—бросается в глаза своим красным цветом, становится заметным. Напр., „кушаки на них краснеются“.

2) Значение *безличности*: спится. Срв. значение *спать*. Это глагол тоже непереходный. Он означает состояние суб'екта во время его сна. Между тем, как „спится“ означает склонность ко сну, состояние, про которое говорят „тянет“ ко сну. При таком различии глагола дополнение ставится в дательном падеже. Напр. „Спится *мне* младешеньке“. Или: „*ему не спится*“. „Ей сна нет от французских книг, а *мне* от русских больно *спится*“.

А.[1] *Ся*, как мы сказали, может и не вносить различия в значение глаголов переходных и непереходных. Такие глаголы называются *общими*.

1) *Ся* не вносит различия в значение *глаголов переходных*. *Общие:* смотреться. Этот глагол означает то же, что и глагол *смотреть*. Переходный глагол *смотреть* делается непереходным от присоединения к нему частицы *ся*. Различия в значениях глагола „*смотреть*“ и глагола „*смотреться*“ нет никакого, что видно из таких примеров, как: „он смотрит в зеркало“ и „он смотрится в зеркало“. Если мы в примере „он смотрит в зеркало“ прибавим дополнение „себя“ или „на себя“, то это и будет равнозначаще примеру: „он смотрится в зеркало“. Следовательно, значение глагола „смотреть“ не изменилось, а дополнения могут приставляться к этому глаголу различные, но эти дополнения не заключаются в самом глаголе „смотреться“, т. к. можно сказать и „смотреть себя“ вм. „смотреться“, и „смотреть на себя“. Словом, значение глагола „смотреть“ не изменяется от присоединения к нему частицы *ся*, т. е. не так, напр., как в глаголе „мыться“. Это глагол совсем другого значения, особенный, чем „мыть себя“.

2) *Ся* не вносит различия в значение глаголов *непереходных*. *Общие:* стучаться. „Стучать“ глагол непереходный; его значение не

изменяется, если мы присоединим к нему частицу *ся*: срв. „*он стучит в дверь*“ и „*он стучится в дверь*“. Или „*кто то стучится*“ и „*кто то стучит*“. Так, обр., мы видели, что разряд глаголов, которые называются *общими*, образуется от присоединения к глаголам частицы *ся*, служащей признаком возвратной формы, но не изменяющей значение глаголов, как переходных, так и непереходных. Стало быть, если частица *ся не вносит различия в значенія глаголов*, то глаголы, будут ли они по отношению к об'екту переходными или непереходными, называются *общими*. Следовательно, в рус. языке главным фактором изменения формы глаголов служит частица *ся*. Возвратная форма, т. е. с частицею *ся* может вносить изменения в значение глаголов, но может и не вносить; может присоединяться к переходным и к непереходным глаголам. И все эти разновидности оказывают влияние на значение глаголов.

Теперь перейдем к *словам без средств связи в речи*, т. е. к словам, не имеющим формы, или к *бесформенным словам*.

Бесформенными словами наз. такие слова, которые не имеют ни форм падежа, ни форм рода, ни форм лица. Они, стало быть, не могут ни чем пристегнуться к рядом стоящим словам, не имеют средств связи с ними, т. е. изменяемых формальных принадлежностей и *потому соединяются только мысленно с соседними словами в речи*. Синтаксис такого словосочетания напоминает нам словосочетания не флективных языков. Напр. „Сто раз вам повторять: принять, просить, сказать, что дома, что очень радъ“. Или: „как месяц ни свети, а все не солнца свет“. Здесь слова: повторять, принять, просить, сказать, что, очень, как, ни, а, не—не имеют форм изменения, а потому соединять эти слова с другими только мысленно, без всякой внешней формы выражения этой связи или этого соединения приходится только *интонацией голоса*. Мы замечаем, что некоторые слова в этих примерах стоят в известных падежах по требованию слов, управляющих этими падежами; напр., „раз“ род. над. множ. числа вызван в речи по требованию слова „*сто*“; „вам“ дат. п. множ. числа—по требованию слова „повторять“; „солнца“.—род. над. единств. ч. – по требованию слова „свет“. Требование от слова известного падежа, называется *управлением слова*. Если, напр., хотят знать, какого падежа требует глагол „*нести*“, то говорят: „какое управление глагола *нести*? Ответ должен быть такой: глагол „*нести*“ требует винительного падежа: „*нести посуду*“ и под. Вот и в нашем примере: „Сто раз вам повторять“. Здесь мы имеем два слова в формах *косвенных* падежей: *раз* и *вам*. А мы знаем, что зависимое слово, т. е. то слово, которое стоит в словосочетании в форме, потребованной другим словом, может стоять только в *косвенном* падеже, т. к. *прямых* падежей (именит. и зват.) слова в словосочетаниях требовать не могут. Отсюда мы заключаем, что слова в словосочетаниях по *их взаимным отношениям друг к другу* распада-

ются на две категории: на слова *управляющие*, требующие известных падежей от других слов, и на слова *зависящие* (зависимые, управляемые) от других слов. Так „сто раз"—сочетание из двух слов: „*сто*" и „*раз*". В этом сочетании слово „раз" стоит по требованию слова „сто", сравни: „сто блюд", „сто вилок", „сто человек", „сто ножей", „сто дынь", „сто арбузов" и под. Изъ всех этих примеров мы видим, что слово „*сто*", как и всякое имя существительное, управляет родительным падежом или, что то же требует родительного падежа: блюд, вилок, человек, ножей, дынь, арбузов, раз и т. д. Далее в нашем словосочетании стоит: „вам повторять". Слово „вам" стоит в дательном падеже. Следовательно, это слово *зависимое*, т. е. падеж его (дат.) зависит от другого слова, или стоит по требованию другого слова. По требованию же какого слова? От какого же слова форма „*вам*" зависит? Чтобы это узнать, надо вспомнить, что форма дательного падежа есть форма *дополнения* в словосочетании. Посмотрим, какое слово в этом словосочетании „дополняемо". Такое слово „повторять", потому что это слово можно сочетать с дополнением в винит. падеже: *повторять что* и с дополнением в дательном падеже: *повторять кому*, т. е. *повторять кому что*; здесь дательный лица, и винительный вещи.

В нашем примере винительного вещи нет, а дательный лица есть „*вам*". Следовательно, глагол „*повторять*" есть глагол *дополняемый*, а, значит „*вам*" есть допонение при глаголе „*повторять*"; слово „*вам*" зависит от глагола „повторять". Если бы мы в этом словосочетании „сто раз вам повторять" вставили еще одно слово в винит. падеже, напр. так: „сто раз *вам это повторять*", то мы получили бы *два дополнения* при глаголе „*повторять*"; одно дополнение в дательном падеже—лица; а другое—в винит. падеже—вещи: „вам это". Что же касается сочетания „сто раз" и его отношения к другим словам этого же словосочетания „сто раз вам повторять", то мы видим, что сочетание „сто раз" никакого грамматического отношения к сочетанию „вам повторять" не имеет: оно означает лишь меру повторения; можно сказать: трижды вам повторять, сколько раз вам повторять, бессчетно вам повторять, и т. п. и везде в этих словосочетаниях слова: *трижды, сколько раз, бессчетно* не связаны никакой формой зависимости ни от какого слова этих словосочетаний. Следовательно, слова: *трижды, сколько раз, бессчетно* суть обстоятельственные слова, или обстоятельства в предложении. А мы знаем, что обстоятельственные слова в предложении формою своего выражения имеют *наречия*, следовательно: слова: *трижды, сколько раз, бессчетно*—наречия. Относительно выражения „сколько раз" нужно заметить, что оно заменяет собой др. —русское *КОЛИКО* в значении „несколько", „неоднократно". См. в словаре Срезневского пример из „Русской правды" по Син. сп.

„которая ли вьрвь начнеть платити дикоую вироу колико ѧ заплатать тоу вироу, занеже без головника им платити". Срв. в чешском koliko—наречие. Итак, наречия—бесформенные слова. Употребляясь при глаголе, они служат определением глагольного действия, хотя как бесформенные слова, они *формально* не могут связываться и со своим определяемым, т. е. с глаголом; так что и в этом случае наречия должны *лишь мысленно* пристегиваться к глаголу. Напр. „что же мне так больно и так трудно"? Здесь наречия *больно* и *трудно* связаны опять не формально, а лишь мысленно со словами *мне* и *так*. Что слова: *больно* и *трудно* служат в нашей речи в то же время и определением значения глагола, это видно из того, если мы приведенный выше пример построим так: „мне больно и трудно писать". Слово „так" служит, в свою очередь, *определением определения*: „так трудно писать". А, так как слово *трудно* или слово *больно* служит определением того, что обозначено глаголом, то, значит, то слово, которое служит определением того, что обозначено словами *трудно* и *больно*, будет определением глагольного определения. В нашем же примере: „что же мне так больно и так трудно" мы имеем безличное предложение, в котором наречия „*больно*" и „трудно" составляют сказуемые. Срв. в предложении: „мне тяжко, мне больно дышать", тоже построенном из слов, не имеющих между собой связи *формальной*, подлежащим служит форма инфинитива „дышать", а сказуемое—„тяжко" и „больно". Но, собственно говоря, такой разбор этого предложения был возможен только в „логической" грамматике; в формальной же грамматике слово, не имеющее средств связи с другими словами, не может быть и подлежащим, т. к. для подлежащего необходима форма именительного падежа, а бесформенное слово, вернее сказать, слово, окаменевшее в одной форме и потому ставшее *бесформенным в современном рус. языке*, и для современного сознания, если эмансипироваться от традиций логической грамматики, является словом, которое не может быть подлежащим. Так обр., это предложение, как и следовало ожидать, является *предложением не грамматическим*. А *неграмматическое предложение разбирать по частям предложения нельзя*, т. к. такой разбор требовал бы указания частей, или членов предложения, в том числе и подлежащего и сказуемого, т. е. именительного падежа и формы сказуемости, а мы уже видели, что среди бесформенных слов форм искать нечего. Значит, вышеприведенное выражение: „мне тяжко, мне больно дышать", является понятным для нас, но не разложимым на части. Это, так сказать, словесный монолит!

Что касается таких бесформенных слов, как предлоги, то они хотя сами и не имеют форм, но требуют от других слов, которыми они управляют, известных форм, без которых предлоги, в связной речи и невозможны, т. ч. предлоги собственно *не полные слова*, они делаются *полными* словами лишь вместе с управляемыми. Напр.

предлоги: *к, по, без, при* и все прочие сами по себе не употребляются и даже не имеют значения: нельзя сказать „я иду по“, „я сижу без“, „я нахожусь при“,.. но: к нему, по мосту, без места, при доме и проч. можно сказать, и все эти выражения в таком сочетании имеют значение. Следовательно, предлоги—это, так сказать, *частичные* слова, которые становятся полными словами лишь вместе с управляемыми ими словами. Их роль та же, что и представок, или префиксов; эти последние также становятся полными словами лишь вместе с теми, к которым они приставлены, но они падежами *не* управляют; большинство из них предлоги, но есть между префиксами такие, которые даже неотделимы от слов, с которыми они соединены. И это их существенное отличие от предлогов. Напр. „*рас*кусить“, „*вы*ветрить“, „вынудить“, „*пере*межаться“ (перемежающаяся лихорадка), „*пре*кратить“, „*вос*хитить“, „*воз*делать“, „*низ*ринуть“, „ниспровергнуть“ и т. п. Во всех этих словах мы даже имеем не предлоги, а префиксы (представки) в собственном смысле слова. префиксы, которые в языке и неизвестны, как предлоги. Напр. *рас* (раз), *вы*, *пере*, *пре*, *вос* (воз), *нис* (низ). Из этих представок только одна—*пре* не русская, а заимствованная из старо-славянского языка при посредстве церковных книг: русская форма этой представки *пре* была бы *полногласная;* т. е. с двумя гласными звуками *е* по бокам звука *р*, именно, „*пере*“; срв. „*предел*“ и „*передел*“; в слове „*прекратить*“ весь состав,—и представка и глагольная основа,—не русский,—а заимствованный из старо-славянского языка книжным путем; русский состав был бы полногласный—*перекоротить* срв. *у-корот-и-ть* и *со-крат-и-ть* или *пре-крат-и-ть*. Для точнейшего определения разницы между предлогом и представкой (префиксом) полезно взять такие сложные слова, которые состоят из предлога и самого слова, и мы увидим, что такой предлог, который прилагается к слову, может употребляться и как предлог, управляющий падежом имени существительного. Напр. *из*мерить и *из* ведра; *с*делать и *с* дом, *про*ветрить и *про* него; *при*бавить и *при* всех; *от*дых и *от* него; и т. под. Между тем, как представки: *рас, вы, пере, вос, нис* никак не могут быть предлогами, не могут управлять падежами. Одна представка, именно, *вы*—способна даже растворяться, так сказать, в слове, делаясь как бы его корнем или основой, напр. в слове *вынуть*; это слово образовано так же, как все глаголы 2-го класса, с приметой—*ну*, срв *кинуть, дунуть*, и т. п., где *ки* из *кид*—корень; срв. *кид-а-ть*. В глаголе *дунуть* слог *ду* так же корень; срв. *ду*-ть. В слове же *вынуть* на долю корня, по расчленении этого слова на морфологические части, остается префикс *вы*: вы-нуть: но префикс не может быть в то же время корнем того слова, в котором он служит префиксом; слово без корня тоже не может быть, т. к. тогда в нем не было бы носителя значения, т. е. представителя известной значимости слова. Стало быть, либо здесь пред-

ставка обратилась в корень слова, либо она растворилась во всем составе слова; первое допущение немыслимо, т. к. ему препятствует сохранившееся значение представки—*вы* (=из), которая и снабдила все слово *вынуть* значением *из'ять*. Остается принять второе допущение: представка *вы* в этом слове, сохранив свое значение, растворилась, как представка, и, образовав *полное* слово по аналогии с таким, как *кинуть*, *дунуть* и проч. утратила следы представочной функции, не получив функции корня. В таких случаях полезно прибегать к указанию *диалектических* вариантов, диалектических словопроизводств. Наше литературное русское слово—*вынуть* в диалектах, (напр. южнорусских) известно в форме—*вынять*, т. е. вын-я-ть, как при-н-ять (см. выше). И при таких условиях в диалектах рус. языка все слово *вынять* понимается сознанием говорящих, как глагол, сложенный из представки *вы* и глагола *я-ть* (срв. *вз-я-ть*, воз-ьм-у, воз-ьм-ешь....); а потому и весь глагол *вынять* спрягается по образцу *взять*, *принять*, *занять* и под. Именно: вы-им-у (в говоре: „вы́му"), вы-м-е-шь, вы-м-е-т и т. д. Срв. прим-у (откуда „приму̀"), при-м-ешь, при-м-е-т, и т. д. Вообще, при прохождении предлогов, необходимо в курсе русской грамматики уделить внимание и префиксам (представкам) и показать, до какой степени изменяется весь морфологический состав слова, сложенного с представкой—*вы*, с предлогом-префиксом *при* и глаголом *я-ть*. Этот глагол в сложении с префиксами в высокой степени интересен в морфологическом отношении: выше мы видели (см. отдел законов изменения звуков), что глагол *я-ть* имеет в корне такой звук *я* (ja), который чередуется в положении *перед гласным* со звуковым сочетанием *ем, ьм, им* т. е. с гласными *ь, е, и*+носовой согласный *м*, а это возможно только при условии, если звук *я* (сочетание ja) исторически образовался из *носового гласного переднего ряда*, ѧ (ę). Этот гласный, как мы знаем, в русском языке дал, после утраты носовых гласных вообще, гласный *а* со смягчением предшествующей согласной, т. е. á, что мы можем изобразить так же в видѣ ja, где под j разумеется вообще смягченный согласный. Если мы примем во внимание, что ѧ чередуется с гласными *ь* (*е, и*), при которых всегда находится носовой согласный *М* (*Н*), то мы поймем, что в форме глагола „примем"—первое *м* есть, именно, носовой согласный элемент, сохранившийся от того звукового сочетания, с которым находится в чередовании ѧ (*ьм, ем, им*), так что форма „примем" морфологически разлагается на следующие части: *при*—префикс, *м*—носовой согласный, сохранившийся от сочетания *им*, при чем гласный *и* корня слился с гласным *и* префикса *при*—при+им+е+мъ=при-м-ем; затем следует тематический гласный глагола и, наконец, личное окончание 1-го лица множ. числа—*мъ*. Точно так же *вы-м-емъ* из—*вы-им-е-мъ*. Но после других префик-

сов, не оканчивающихся на *и (ы)*, в корне этого глагола *я-ть* сохраняются другие звуки корня: срв. воз-ьм-у, воз-ьм-е-шь; воз-ьм-емъ, воз-ьм-е-те, воз ьм-ут. Слог *ем* является в корне глагола *я-ть* при другом образовании лиц настоящего времени: при-(н)-я-ть; при-ем-л-ю, при-ем-л-ют, или: в-(н)-я-ть, в-(н)-ем-л-ю, в (н)ем л е-шь и т. д. Срв. подъ ем-лю, объ-ем-л-ю, вз-ем-л-ю и, с другой стороны,— под-н-им-у, об-н-им-у и даже: под-ым-у, об-ым-е-м и т. д., где *ы* вместо *и* под влиянием твердого *д* или твердого *б* префиксов *под* и *об*. Вообще, корень *им* является в разнообразных звуковых видах при сложении с префиксами *об* и *под*: об-о-йму, об-н-им-у, об-ым-е-м. Таким образом, мы видим, что предлог—префикс *при* способен сливаться в своем гласном *и* со звуком *и* корня слова, причем происходит звуковое видоизменение и корня и самого префикса: то же мы видели и в представке *вы*: срв. вы-ну (вы-н-у) и вы-д у (из вы-и-ду). Из всего этого рассуждения ясно, что ни предлог, ни представка не есть полное слово: это-частичное слово, частица, и потому не имеет средств связи с другими словами. Теперь перейдем к *союзам*. Союзы также не представляют собой слов в настоящем значении, т. к. ни один союз не представляет собой такого звукосочетания, которое бы имело само по себе значение, понятное для каждого, говорящего на русском языке человека, между тем, как язык мы определяем, как сумму слов, имеющих значения, понятные, именно, для каждого говорящего на этом языке человека. Следовательно, союзы, повидимому, при каких-то *особых* условиях входят в употребление в языке; я не скажу, что они входят в *состав* языка, как входят наречия, почему эти последние и составляют собой, в известном смысле, *часть речи*, равным образом как входят в состав языка предлоги, хотя бы в качестве не полных, а частичных слов. Союзы играют роль таких словесных средств, которыми слова *присоединяются* (не „связываются“, для чего в языке имеются формальные принадлежности. См. выше). друг к другу “ты *да* я: нас будет двое“ или: „ты *и* я: нас будет двое“. Здесь слово *я* присоединено к слову *ты* посредством союза *да* или *и*. Слово „союз“, может быть, как грамматический термин и представляет собой заимствование или нечто в роде перевода латинского *conjunctio*: „союз“ из со+уз; срв. узы, узел. Звук ѧ, чередуясь с ѫ, (ę—ǫ, т. е. носовой гласный переднего ряда с носовым гласным заднего ряда), дает в рус. языке возможность понять соотношение слов (в)ѧзать и (в)ѫзлъ и проч. Во всяком случае функции союзов в языке не дают нам оснований называть их „союзами“ в этимологическом смысле этого термина, т. е. в том смысле, который мы сейчас раскрыли путем справки с законом чередования носовых гласных звуков: ни „связи“, ни „уз“, как мы видели, союзы не дают. В самом деле, в выражении: „или со щитом, или на щите“ связи никакой нет, а есть словесное (звуковое) средство присоединения выражения „со щитом“ к выражению

„на щите“. Надо заметить, что превращение наречий в союзы, указываемое нашими школьными грамматиками, не есть переход одной части речи в другую или одного слова в другое: это просто введение одного и того же слова в *различные* словосочетания, в зависимости от которых слово приобретает в синтактическом смысле новые функции. Напр. „Скажи мне, ветка Палестины, *где* ты росла“... „*Где* стол был яств, *там* гроб стоит“. В первом случае по учению наших школьных грамматик, слово „*где*“—*наречие* места, а во втором,—*союз*, т. к. во втором случае есть будто бы соответствие в другом предложении союзу *где* союза *там*. Но дело то в том, что во втором случае словами *где—там* вовсе не только присоединяются предложения друг к другу: этими словами *действительно* указываются места нахождения гроба и яств. Все равно, как если бы я сказал: „где был город, там развалины“ и под. Что здесь нет никакого превращения наречий в союзы, видно из того, что часто в нашей речи нет такого соответствия между наречиями двух разных предложений, напр. „когда ты со мною бываешь, я робко с тобой говорю“. Или: “где ни побываешь, всюду найдешь следы запустения“. Вообще в наших школьных грамматиках в учении о союзах осталось много схоластического: союзы надо рассматривать, как звуковые средства соединения слов, не придавая им каких-либо значений на подобие слов знаменательных. Правда, что союзы содействуют „округлению“ и „связности“ речи, но в союзах надо различать двоякую их функцию: 1) Средство простого присоединения слов в их сочетаниях; и 2) Средство для придачи выразительности речи. Но ни в том, ни в другом случае союзы не могут служить знаменательными словами, но разница все таки есть между теми и другими союзами. Будем называть союзы первой категории, т. е., союзы, как средство простого присоединения слов друг к другу в словосочетания *союзами соединительными*. Это название мы удерживаем в своем труде для простоты, и под ним будем разуметь союзы, причисляемые в учебниках к разным видам. Так, в примере: „И месяц, и звезды, и тучи толпой внимали той песни святой„—союз *и* служит простым средством соединения слов: *месяц*, *звезды*, *тучи*. Или в в примере: „как я, так и ты, не подходим к этой категории“—союзы *как-так* просто соединяют слова *я* и *ты*; в данном примере вместо союзов *как-так* можно сказать: „*и* я, *и* ты не подходим“ или “*ни я*, *ни* ты не подходим“; наконец, можно просто сказать: „я *и* ты не подходим“. Союзы же второй категории будем называть *союзами выразительности*. Напр. „Ревет *ли* зверь в лесу глухом, трубит *ли* рог, гремит *ли* гром, поёт *ли* дева за холмом—на все свой отклик в воздухе пустом родишь, ты, эхо, вдруг“. Или: „Не только там гусям,—и людям достается“. Или: „*Хотя* услуга нам при нужде дорога, *но* за нее не всяк умеет взяться“. Или: „Про жизнь пустынную *как* сладко *ни* пиши, *а* в одиночестве способен жить

не всякий". Во всех этих случаях мы можем обойтись и без указанных здесь союзов, но выразительность речи от этого пострадает. Так мы можем сказать: „эхо откликается на всякий звук: на рев, на звук трубы, на гром, на пение".

Или: „Достается и гусям и людям" Или:„ услуга нам в нужде дорога, но не всякий способен за нее взяться". Или: "Про жизнь пустынную пиши, как хочешь, сладко; одиночество, все-таки, не привлечет тебя". Примеров вообще можно подобрать очень много, но *надобно, главным образом следовать одному принципу*: союзы не есть слова и потому они не могут вносить в речь каких-либо новых понятий и значений. Если так, то союзы не составляют речи и даже какой-либо ее части: они служат только ее принадлежностью, и то не необходимой, как мы выяснили выше. Прежде всего возникает вопрос, есть ли „часть речи" действительно существующее явление языка, или это только принадлежность грамматики, как изложения теории, составленной изучающими язык? Если это есть действительно существующее явление языка, то какие его признаки, по которым его можно узнать? Во всех школьных грамматиках и даже во всех научных грамматиках считаются авторы с установившимся делением речи на девять ее частей, и только в последнее время Пешковский и я подвергли критической прозерке это традиционное деление речи на части, причем оказалось, что Пешковский признает *семь* частей речи, вместо *девяти* традиционных, и в числе *семи* у Пешковского *три* части *новых*: *причастие*, *деепричастие* и *инфинитив*, а *пять* частей речи традиционных Пешковским выброшено, именно, *имя числительное*, *местоимение*, *предлог*, *союз* и *междометие*. (См. его соч. „Школьная и научная грамматика". М. 1914 г. Стр. 4). У меня всего *шесть* частей речи: *Имя существительное*, *имя прилагательное*, *глагол*, *наречие*, *предлог*, *союз* (см. мое соч. „Вопросы методологии рус. языкознания". Кзн. 1917 г. Стр. 96 и сл.). Следовательно, в настоящее время выяснилось, что число частей речи и их состав не могут считаться установленными: число частей речи колеблется от шести до девяти, а их состав содержит в себе только *четыре* части речи, повидимому, установившиеся; именно: существительное, прилагательное, глагол и наречие. Я думаю, что *самым достоверным признаком части речи должна служить ее значимость в словосочетании, и притом значимость самостоятельная*. Поэтому, словосочетание, напр., „Он рассказывает мне преинтересную историю", постольку состоит из частей речи, поскольку слова, входящие в состав этого словосочетания обладают самостоятельною значимостью. Стало быть: *он*, *рассказывает*, *мне*, *преинтересную*, *историю*,—все эти слова суть части речи: „он", „мне", „историю"—существительное; „рассказывает"—глагол; „преинтересную"—прилагательное. Но в словосочета-

нии: „Мы попрятали в комод белье и платье, обувь же оставили на сундуке“—слова: *в, и, же, на*—не являются самостоятельно значимыми; они приобрели значимость лишь в сочетании с соседними словами: „в комод“ „белье и платье“, „обувь же оставили“, „на сундуке“. Словосочетание: „я взял концы веревки так крепко, что веревка стала как бы цельною“ имеет в своем составе слово „крепко“, которое обладает самостоятельною значимостью, наравне с другими словами: если я спрошу: „как ты связал?“, то тот, кого я спрашиваю, может ответить мне: „крепко!“ Следовательно, слово „крепко“ и без всяких других слов имеет значимость, а потому это слово есть часть речи, но оно—наречие; стало быть *наречие принадлежит к частям речи.*

Вот так возникает у нас представление о частях речи. С течением же времени, когда критерий для суждения о частях речи забылся и поблек в сознании говорящих, то частями речи стали считаться и другие слова. Так, я думаю, возникло наше представление о том, что наша речь состоит из отдельных частей, причем понятие „часть речи“ не совпадало с понятием „слово“; все слова языка мысленно, в наших представлениях распадались на несколько „частей речи“, об'единенных однородностью своих значений и тождеством своих изменений. Так возникли наши представления об именах существительных, об именах прилагательных, и проч. Потом уже появились различные „теории„, различные „учения“ грамматистов, которые намерены были, конечно, упорядочить наши первоначальные представления и придать им форму „грамматического“ изложения. Мы же в своем труде стараемся уловить тот отправный пункт, от которого следует отправляться при *научном* изучении языкового материала уже после того, как все „грамматики“ достаточно запутали вопрос о части речи и другие вопросы науки о языке, а сама наука о языке все время вносила свет в запутанные вопросы, но приходилось все более и более с течением времени считаться с установившейся традицией, а это делалось все труднее и труднее. Мы в своем труде представляем все дело грамматического изучения русского языка как бы *до* установления традиции и пытаемся приложить научные знания и приобретения к материалу языка, не считаясь с тем, что установлено традицией, если только наука дозволяет нам приложить наш анализ к фактам языка, взявши последние без всяких „привесков“ к ним со стороны различных авторов школьных и нешкольных грамматик. Я беру на себя смелость обвинять всю нашу науку о языке в том, что она несмотря на свежесть мысли ученых авторов в тех вопросах, которым они посвящали свои труды, исходила из общепринятых и установившихся понятий, между тем, как сами эти понятия, как мы видели, требуют проверки и пересмотра; а к ним боялись прикоснуться даже мыслью, как будто там собрана го-

лая истина, не нуждающаяся даже в проверке, даже в каком либо критическом отношении, стоящая как бы вне всякого дозволенного сомнения и скептицизма. Так и выходило, что разработка отдельных и специальных вопросов науки о языке шла вперед, все углубляясь и расширяясь, а *основные* понятия этой науки, ее элементы и основы оставались в прежнем виде, нетронутыми ученой критикой: так оставалось целыми столетиями нетронутым учение о частях речи, о видах и залогах глагола, о склонении им. существительных, и проч. Вот почему с помощью наших школьных грамматик, которые все-таки восходили к ученым представлениям авторов до-научного периода в истинном смысле этого слова, трудно разобраться и учителям, и ученикам в вопросах грамматики, напр., в вопросе о различии придаточных предложений, о их сокращении и тому под. Так, напр., многие из этих вопросов, и в том числе вопрос о сокращении придаточных предложений впервые вышли на свет божий в официальном журнале министерства народного просвещения из кабинетов отдельных ученых в 1915 году, а до этого времени, в школах даже боялись усумниться в том, что придаточные предложения могут „сокращаться“: так все это было освящено традицией и традиционными авторитетами! Смелее всех высказался истинный и знаменитый ученый А. А Потебня в своем сочинении: „Из записок по русской грамматике“ (Харьков, 1889 г.), где он подверг основательной и суровой критике очень многие вопросы русской грамматики в их освещении и изложении старой школы до-научного периода, передавшей все свои взгляды при посредстве учебников в школы. А в настоящее время, мы даже утверждаем, что сложное предложение вовсе не служит развитием простого, как „сокращенное“ предложение вовсе не служит „сокращением“ полного. Да и вообще возможно-ли *сокращение* предложений? И существуют ли для такового, если оно есть, какие-либо правила, и на чем они основаны? Вот вопросы, которые необходимо обдумать прежде, чем преподавать грамматику по какому либо из принятых в школе учебников или, тем более, чем писать самому учебник. Мне думается, что „сокращение“ предложений, как превращение их в более короткое словосочетание из более длинного, вообще невозможно при условии, чтобы „сокращенное“ предложение оставалось *грамматически* равным „полному“: сохранение между ними равенства возможно только по их смыслу, по их значению, а не по грамматическому выражению, не говоря уже о том, что такие выражения, как: „солнцю зашедшу“ или: „осени приспевши“ и под. в памятниках древне-русского языка известны *много раньше*, чем „когда солнце зашло“ или „когда осень наступила“. Следовательно, с исторической точки зрения „сокращенные„ предложения никак не могли получиться из „полных“. Само собой разумеется, что только *равенство по смыслу* двух

предложений, из которых одно короче другого, могло соблазнить грамматистов, смешивавших грамматику с логикой, и последние, увлекшись таким равенством, начали подыскивать „полные„ предложения для сокращенных и начали „сокращать“ предложения „полные“. Я, по крайней мере, не могу себе представить того, *каким грамматическим процессом*, напр., предложение: „когда заходит солнце“ могло бы *превратиться* в предложение (по старому; *замениться*—по новому, т. е. пережить *замену* его выражением: „при заходе солнца“) или замениться выражением: „при заходе солнца“. Если мы вместо того, чтобы сказать: „деревья зазеленеют, когда придет время“, можем сказать: „деревья зазеленеют при наступлении времени“, или „деревья зазеленеют со временем“, то это не значит, что мы произвели над данным предложением какое-либо грамматическое действие, согласно с какими-либо грамматическими (лингвистическими) законами или правилами: мы просто употребили в своем языке вместо одного выражения равнозначащее ему другое без всяких предусмотренных наукою правил или законов; все равно, как еслибы мы сказали вместо „завтра“—„на другой день“, или что-нибудь подобное. Вот почему и в „логических“ грамматиках даже нет определенных правил для „сокращения“ предложений (придаточных): одно и то же предложение в различных учебниках сокращается различно; выражения: „с восходом солнца“, „на восходе солнца“, „при восходе солнца“ служат будто-бы „сокращенными“ придаточными предложениями полного: „когда *восходит* солнце“, причем даже не передаются оттенки: „когда *восходило* солнце“ или „когда *будет восходить* солнце“. Отсюда ясно, что „идущий“ *не есть* тот, который идет; а только означает того, который идет. Стало быть „идущий человек“ *грамматически* никоим образом не может превратиться в „человек, который идет“; это только *логическая* подстановка одного выражения на место другого, равного первому *по смыслу, по значению*, но *отнюдь не по форме*. Итак, сокращение придаточных предложений или их замену надо совершенно выкинуть из курса *грамматики: ни сокращение, ни замена не подходит под понятие грамматики, как отдела лингвистической науки.* Равным образом, нельзя утверждать, как это делают составители школьных грамматик, что „сложное предложение служит развитием простого“. Все это и подобное приемлемо лишь для тех, кто думает, что в *грамматике языка изучаются логические процессы.* Для тех же, кто вслед за А. А. Потебней и вместе с ним в этом пункте за всей международной наукой о языке знает, что между грамматикой и логикой не более сходства, чем между всякими другими науками, *сложное предложение не является развитием простого с грамматической точки зрения.* До какой степени доходят курьёзы *школьной* грамматики, видно хотя бы из того, что целый ряд предложе-

ний полных будто бы не подлежит сокращению, и для доказательства этой абсурдной, с точки зрения науки, мысли приводятся примеры „не подлежащих сокращению“ предложений. Предложение такое, как: „На конюшне стоит конь, за которого заплачено много тысяч рублей“ не подлежит сокращению будто бы потому, что в нем местоимение „который“ стоит не в именительном и не в винительном падеже без предлога. Или такое же предложение: „зачерпни воды из колодца, глубина которого двадцать саженей“. Оно не может быть сокращено потому, что в нем местоимение „который“ стоит в родительном падеже. Все такие фантастические правила основаны в школьных учебниках на той презумпции, что „идущий“=„*который* идет“, а „ведомый“=„*которого* ведут“. Если же разрушена эта презумпция, то разрушается и все учение школьных грамматик о сокращении полных придаточных предложений. А мы уже видели, что *грамматически* не может получиться из „который идет“—„идущий“ или из „которого ведут“—„ведомый“: В первой паре этих предложений есть подлежащее и дополнение („который“ “которого“), а во второй их нет. Куда же они делись? Между тем, как в такой форме, как „добр“, сравнительно с формою „добрый“ (добръ+и), *всякий* видит и понимает, в чем тут сокращение, и как оно получилось: одно прилагательное образовано присоединением к нему местоимения личного 3-го лица, другое (другая форма его) оставлено без этого местоимения. Вот и все!

Если мы теперь захотим вникнуть в тот вопрос, как это в логической грамматике и части речи узнаются *по значениям*, и залоги узнаются *по значениям*, и виды—*по значениям*, и различные классы прилагательных *по значениям*, то нас должно заинтересовать то обстоятельство, что значению придается уж очень много в грамматике, а форма остается совершенно в тени, между тем, как в языке „кроме формы нет ничего“, по учению научной грамматики и всей современной лингвистики (см. Потебни; “Из записок по русской граматике“). Вот „значение“ слов и явилось тем мотивом, который подкупил составителей школьных учебников и преподавателей русского языка. Отнесшись недостаточно вдумчиво к отношению языка к значениям слов, его составляющих, они упустили из виду, что *значение слов не покрывает собой их формы*, которая живет в языке самостоятельно и независимо от значения. Упустивши это из виду, они *наделили язык фантастическими формами*, напр. формой вин. пад. ед. числа, сходной с родительным: напр., „**ѹчу отца моего**“ „люби *ближнего*, как *самого себя*“ и под. В этих и подобных примерах слова: отца, ближнего, моего, самого себя считаются в школах *винительными* падежами единств. числа, а, между тем, сама форма этих слов указывает на то, что это *родительные* падежи ед. числа. Опять и в этом случае предательскую роль сыгра-

ла *логика*. Вот процесс, которым дошла мысль до уничтожения *очевидной* формы в угоду значению: положим, требуется синтактический разбор словосочетания: „я чьту отца моего“. Мысль рассуждает так: „кого“ или „что“ я чьту? Вопросы *кого, что*—вопросы винительного падежа. След. „отца моего“—винит. падеж. Так. обр., мысль рассуждавшая так, *навязала* одному и тому же единственному числу *два* винительных падежа: один будто бы по форме сходен (=тождествен) с *именительным* падежом: вижу *сад* (кого, что вижу?); другой—с *родительным* падежом: вижу *отца* (кого, что вижу) Так обр., по *логической* грамматике выходит, что и *сад* и *отца*—винительные падежи! Изворотливая мысль придумала даже об'яснение к этой несообразности в склонении имен: она измыслила *для этого случая* („ad hoc“) даже особое правило, которого будто бы держится сам язык, именно, что в „одушевленных предметах“ винительный падеж сходен с родительным, а в „неодушевленных„—с именительным. На самом же деле язык намъ завещал для имен муж. и среднего рода *одну* форму именительного-винительного падежа (сад, окно, отец), а для имен женск. рода *одну* форму винительного падежа, *не сходную* с формою именительного падежа в основах на *—а*: *жену, воду*. Стало быть, *вообще о сходстве форм винит. и родит. падежей язык нам ничего не говорит и не дает форм сходных в этих падежах*. Отсюда с очевидностью вытекает, что учение о сходстве форм винит. и родит. падежей в им. существительных одушевленных есть вымысел наших логических школьных грамматик и не оправдывается ни сравнительной морфологией, ни сравнительным синтаксисом индо-европейских языков. Ложное же учение наших школьных грамматик возникло из желания поступиться формою во имя значения или смысла, т. к. в нашем языке *фонетически* издавна совпали формы именит. и винит. падежей в именах, с основой на „*о*“. Срв. литовское **sūnŭs** в именит. падеже и **sūnŭm** в винит. падеже, которые одинаково давали на славянской почве **сынъ**. Но, чтобы не смешивать смысла таких словосочетаний, как: „чьтеть отец мой“, где „отец“ подлежащее, и где „отец“—прямое дополнение—сделали с течением времени (уже в XI веке!)—дополнение в родительном падеже: „чьтеть отца моего“.

Следовательно, нельзя учить так, что в таких случаях форма „отца“—*винительный* падеж, но это форма *родительного* падежа, которая имеет функцию не только косвенного дополнения, но и прямого. *Так. обр., форма „отца“ остается с точки зрения формальной грамматики всетаки формою родительного падежа, хотя и является в роли прямого дополнения при глаголах переходных*. Напр. „люблю отца моего“, „чту отца моего“, „вижу отца моего“ и т. п. *Это особенное явление исключительно русского языка* подобно тому, как особенным явлением исключительно рус-

ского же языка служат употребление родительного падежа при отрицании переходных глаголов вместо винительного падежа родственных языков в таких же случаях. Напр., „ем хлеб", „*не* ем *хлеба*", „пью воду", „*не* пью *воды*"; „вижу месяц", „*не* вижу *месяца*"; „понимаю дело", „*не* понимаю *дела*" и под.

Если мы в построении формальной грамматики отвергаем господствующую роль *значения* слов, и придаем *форме* первенствующую роль, то, значит, *главным элементом формальной грамматики является формальная изменяемость слова*, а потому этот признак и должен быть положен в основу различения частей речи. Спрашивается, *как же научить узнавать часть речи, не прибегая к указанию значения слов?* На этот вопрос мы ответим: *по характеру изменения слова.* Мы замечаем два типа изменения слов: именное и глагольное, т. е. изменение по падежам и по лицам. Есть еще слова *неизменяемые*—это третий тип. По отношению к 3-ему типу слов, то, чтобы узнать, какая часть речи данное слово и будет ли оно, именно, частью речи, мы должны руководиться его ролью в предложении: если оно *обстоятельственное слово*, то мы имеем дело *с наречием*; если же нет, то надо определить тип изменения: именно, изменение указывает на дополнение, т. е. на имя существительное; форма именительного падежа указываат на подлежащее. Глагольное изменение слова указывает на сказуемое. Так, напр., „Горит восток зарею новой". В этом сочетании мы имеем форму именит. падежа - *восток*; это имя существительное, подлежащее; *зарею новой*—форма творит. падежа им. существительного и прилагательного, это—дополнение; слово „*горит*"—3 ье лицо единств. ч. наст. времени—это глагол—сказуемое. В другом словосочетании, напр.: „тише едешь,—дальше будешь"—мы имеем два обстоятельственных слова („тише" и „дальше")—два наречия—и два глагола в формах 2-го лица ед. числа наст. времени („едешь") и будущего времени („будешь")—значит, два сказуемых. В словосочетании: „тише, чу!—гитары звон—слово *чу*, образовавшееся из „чуешь"—2-ое лицо ед. числа глагола „чуяти" („чуять", и „чути")=„слышишь"—сказуемое. Срв. „слышь" из „слышишь": „отец, слышь, рубит, а я отвожу" и проч. Подобным же образом следует узнавать и части предложения, не прибегая к вопросам. Напр. „Румяной зарею покрылся восток, в селе за рекою потух огонек". Разобравши здесь формы падежей и формы глагольных образований, мы видим, что формы косвенных падежей служат дополнениями глаголов: румяной зарею, в селе за рекою, а формы прямых падежей (именительного) служат подлежащими: восток, огонек. Отнюдь не следует учить, что „в селе", „за рекою"—отвечают на вопрос „где"? и служат обстоятельствами места; равным образом, в словосочетании: „за рекой на горе хуторочек стоит"—слова „за рекой" и „на горе" вовсе не

отвечают на вопрос „где“? и не служат обстоятельствами места. На вопрос „где„ отвечают *собственные наречия*, которые и служат обстоятельствами места в предложении. Напр., „*где* ты росла“? Ответом могло бы служить лишь только такое же наречие: „*везде*„, „*нигде*“ и под. А здесь мы имеем косвенные падежи с предлогами. Падежи же всегда отвечают на определенные вопросы; так, „в селе“ отвечает на вопрос „в чем“?—„за рекою“—„за чем“? „на горе“—„на чем“? и т. д. Срв. словосочетания: „*я живу за рекой*“ и „*я иду за книгой*“; в обоих словосочетаниях мы имеем *одинаковые формы* языка, и они никак не могут отвечать на *разные* вопросы. Это одно сплошное недоразумение! Таким образом, *лишь формы падежей* служат ответами на одни и те же, всегда определенные, вопросы; (кто? что? кого? чего? кому? чему? кого? что? кем? чем? ком? Чом?). Но формы падежей служат частями предложений лишь в словосочетаниях, называемых *грамматическими предложениями; вне таких словосочетаний формы падежей остаются лишь формами склонения, но не делаются определенными частями или членами предложения.* Стало быть, форма падежа есть всегда определенный ответ на определенный вопрос, но по этому вопросу узнается лишь *форма падежа*, а не часть предложения. Так как грамматическим предложением называется лишь такое словосочетание, в котором определенною формою сказуемости указано отношение сказуемого к именительному падежу, т. е. к подлежащему, то мы можем сказать, что всякое грамматическое предложение есть сочетание известных грамматических форм слов, называемых членами или частями предложения. Поэтому грамматические формы становятся членами предложения не вследствие того, что они отвечают будто бы на известные вопросы, а вследствие того, что они являются формами подлежащего, формами сказуемости, формами дополнений, формами определений. Раз мы знаем, что именительный падеж—форма подлежащего, косвенные падежи—формы дополнений; лицо, время и наклонение—формы сказуемости; прилагательное—форма определения, то нам ненужны никакие вопросы для синтаксиса; вопросы остаются лишь для узнавания падежей. И то потому, что флексии падежей издавна изменили свой фонетический облик, вследствие тех звуковых соответствий, которыми своеобразно отличалась русская языковая ветвь от прочих. Так, напр., в именах существительных с основою на ъ (наше ь) многие падежи совпали по своей звуковой форме друг с другом: от слова „смерть“—и *родит.* и *дат.*, и *местный* (предложный) падежи совпали в звуковой форме „*смерти*“: напр., „смерти не избежишь“, „мы приближаемся к смерти“, „в смерти человек не волен“. Как здесь узнать падежи слова „смерть“? Выше мы неоднократно видели примеры звукового совпадения падежей (имен. ед. и вин. ед.—„сын“; род., дат. и местный ед. числа „смер-

ти“ и друг.); такое совпадение иногда фонетически восходит к отдаленнейшим эпохам жизни языка; эти фонетически совпавшие формы падежей однако прожили в языке целые века и остались в различных словосочетаниях с прежними своими функциями. А потому *в словосочетаниях*, где проявляется настоящая жизнь слова, где каждое слово *живет*, приобретая жизненные элементы, жизненные связи, выражающиеся в словосочетаниях в виде звуковых флексий, именно, в языковых формантах, в этих нервах всякого словесного соединения, формы падежей узнаются нами теперь *только по вопросам*, которые подсказываются нам определенными отношениями между словами, входящими в сочетания друг с другом; В другом месте (см. наши „Вопросы методологии русского языкознания“, ч. I. Кзн. 1917 г.) мы уже говорили, что в нашем глаголе утрачены в течение времени форма будущего и форма прошедшего времени изъявительного наклонения, и что осталась только одна форма настоящего времени изъявительного наклонения: сравните спряжение форм „паду“—„падешь“,—„падет“; „падем“—„падете“—„падут“ и *упаду*, *упадешь*, *упадет*, *упадем*, *упадете*, *упадут* и другие формы в других глаголах, и вы убедитесь, что здесь, в строении этих и подобных форм наших глаголов, нет тех элементов, тех формантов, которые бы давали основание грамматисту, *держащемуся принципов формальной грамматики*, признавать *различными* формами формы *кажу* и *покажу* или *скажу*, *расскажу* и проч. Срв. „поколения растут, зреют и *падут*“ (Пушкин) или: „он *кажет* мне все деньги, а я прошу у него вещей“ и под. Или: „выхожу один я на дорогу“ и „завтра она выходит замуж“ или „еду я в вагоне“ и „завтра я еду с утренним поездом“ и под. Словом, *форм времени нет*. В словосочетаниях: „сядь на скамейку“, „сядьте на стул“ имеются формы 2-го лица ед. и множ. числа повелительного наклонения, и больше *форм этого наклонения нет*. Если мы теперь вникнем в те слова, которые считаются нашей школьной грамматикой формами наклонений глагола, то мы, при анализе этих последних убедимся, что эти слова суть отглагольные прилагательные со всеми функциями этих последних сами по себе или с *прибавлениями* остатков глагольных форм, обратившихся в течение времени *в частицы*. О бесформенных словах глагольного образования, как инфинитивы, следует сказать, что они, как и наречия, стоят *вне связи* со словами того сочетания, в котором они находятся. Напр. „я ушел *постричься*, а в это время пришли ко мне *экзаменоваться*“. Наша школьная грамматика считает такие сочетания, как: „пусть он войдет“, или „пусть они приедут“—формами третьих лиц ед. и множ. числа глаголов в повелит. наклонении, но, ведь, формами глаголов являются здесь только слова: „войдет“ и „приедут“; это формы настоящего времени из‘я-

вительного наклонения, и какие бы прибавки мы к ним ни приставляли в словосочетаниях, мы их не переделаем в формы другого наклонения, т. что форманты их не изменяются при этих прибавках, и у нас нет формантов, образующих различные наклонения глаголов, как особые их формы. Равным образом, сочетание „я желал-бы так заснуть“ формально равно „я желал-бы сам так заснуть“, т. е. я—желавший так заснуть. Даже и само сочетание: „я желал так заснуть“—формально=сочетанию „я рад (охоч) так заснуть“, где слово „*рад*“ (охоч) бесчленное прилагательное в роли сказуемого. В такой роли может быть не всякое прилагательное, а только то, которое с течением временя приобрело функции глагола. Срв. „Служить-*бы рад*, прислуживаться тошно“, или: „*рада-бы* душа в рай, да грехи не пускают“; „*рады-бы* приехали, да не на чем“ и проч. под. Срв. „он *припа(д)лъ* к ручью и захлебнулся“.

С течением времени одна часть речи может приобретать функции другой в словосочетаниях и представляться нам другой частью речи, но здесь есть опасность невольно с'ехать на логическую грамматику и превратиться из „формалиста“ в „логиста“, а это в лингвистической дисциплине равносильно идейному повороту вспять, а не прогрессу. Так, напр., такие слова, как „городничий“, „лесничий“, „ловчий“ и под. нашими школьными грамматиками считаются и до сих пор еще именами существительными, а между тем эти отношения называются *зависимостью*, а зависимость есть следствие *управления* и *подчинения* слов при их различных сочетаниях в речи. А так как формы падежей и есть настоящие формы зависимости, формы подчинения и формы управления, то, значит, формы падежей и можно узнавать теперь лишь только по вопросам (см. выше). В тот период жизни языка, когда падежные флексии более резко и отчетливо обозначали собой формы, тогда достаточно было одного различия этих флексий по звукам; с течением же времени в языке успело произойти столько изменений разного рода, что и число падежей изменилось, и флексии пережили звуковые совпадения, а потому наши вопросы являются единственным способом узнавания падежных форм после пережитой истории языка, Покажем это на вышеприведенных примерах словосочетаний, в которые входит форма: „смерти“ с функциями различных трех падежей; именно: „смерти не избежишь“. При каком слове этого словосочетания мы должны поставить вопрос и какой вопрос, чтобы на наш вопрос нам ответили; „смерти“. Очевидно, при слове „избежишь“ вопрос „чего?“ Т. е. вопрос родительного падежа, След., форма „смерти“—форма родительного падежа, форма косвенного дополнения словосочетаний. В словосочетании: „мы приближаемся к смерти“ таким же рассуждением мы узнаем, что „смерти“—дат. падеж на вопрос: „*к чему*“ мы приближаемся“? В словосочетании: „в смерти человек не волен“—

аналогичное же рассуждение приводит нас к заключению, что форма падежа „в смерти“ зависит от слова „волен“ и отвечает на вопрос: „в чем?“—Вопрос местного (предложного) падежа и косвенного дополнения в словосочетании. Так. обр., во всех трех примерах падежи формы „смерти“ нами узнаны, и показаны их роли в различных словосочетаниях: *это род., дат. и предложный падежи косвенных дополнений.* В тех же случаях, где не произошло звукового совпадения, потребовавшего от нас постановки вопросов падежей, мы, *руководясь только одной формой, обходимся легко без всяких вопросов.* Так, в словосочетании: „трава растет часто при дороге“—мы слышим слово „трава“ и сочетание „при дороге“ и, руководясь флексиями (указателями форм), а при предлоге—еще и предлогом, который вместе с управляемым им падежом образует форму этого последнего,—отыскиваем в таблице склонений форму падежа—*трава* и форму падежа—*дороге* с предлогом—*при,* и, отыскавши, решаем, что форма „*трава*“ им. пад. ед. числа, а форма „дороге“ с предлогом „*при*“—предложный (местный) падеж ед. ч. Отсюда уже должно следовать заключение, что *трава* подлежащее, а *дороге*—косвенное дополнение. В слове *растет* мы узнаем при сравнении его со словами: *расту*, „*растешь*“ по личному окончанию *т* форму 3-го лица ед. числа и говорим так: „слово *растет* есть форма глагола наст. вр. 3-го лица ед. числа“. т. е. форма сказуемости, стало быть, это есть сказуемое грамматического словосочетания трава растет и связано оно личным окончанием (формантом) со словом „трава“; следовательно, форма им. пад. ед. числа *трава* может в словосочетании связываться с глаголом 3-го лица единств. числа, но не с формою глагола какого-либо другого лица, напр., 2-го или 1-го, т. к. при 2-ом лице глагола было бы личное окончание—*шь*, а при 1-ом *у* (*ю*), и в сочетании должно было-бы находиться в таких случаях слово *ты* или *я*. Напр., „растешь ты, трава, при дороге“, или „я росту при дороге“, и под. Само собой разумеется, что как 1-ое лицо речи, так и 2-ое лицо речи предполагают собой наличность этих лиц, иначе в отсутствии этих лиц нельзя было бы сказать: „ты растешь“ или „я расту“. Поэтому формы глаголов 1-го и 2-го лица всегда *оживляют* (=делают *живыми*) свои подлежащие, свои именительные падежи. Вот почему в словосочетании: „тише едешь,—дальше будешь“ дело представляется говорящему и говорящим так, как будто он обращается с этою речью к своему собеседнику, причем его собеседником может представляться ему он сам, как будто-бы он сам с собою говорит. Поэтому же такие сочетания, как „тише едешь,—дальше будешь“ или „подальше положишь,—поближе найдешь“ не могут с точки зрения формальной грамматики признаваться безличными предложениями хотя бы и второго периода их истории (см. здесь выше § 20

„История предложения“). Выше мы указали на целый ряд изменений, пережитых языком в течение времени, в течение его истории; между прочим эти изменения выразились и в потерях различных форм словоизменения, а потому нам теперь приходится довольствоваться остатками языковых форм при построении *формальной* грамматики для того, чтобы эта грамматика в своем содержании имела опору для себя в *формах языка*, а не в рассуждениях составителей грамматики. Так, нам известно, что: 1) формою определения служит членное (местоименное) прилагательное, согласованное со своим определяемым в роде, числе и падеже, и 2) формою сказуемого служит глагол в своих лицах, временах и наклонениях. Вот теперь и посмотрим, что̀ в языке осталось для выражения *определения*, и что̀ осталось в языке для выражения сказуемого. По требованию содержания формальной грамматики лишь только то слово в словосочетании является определением какого-либо члена сочетания — предложения, которое стоит в *полной* форме прилагательного, способной согласоваться со своим определяемым в *роде*, *числе* и *падеже*. Всякое другое прилагательное, не удовлетворяющее этому требованию, не может тем самым сделаться в словосочетании определением и иметь свое определяемое. Напр. „Прекрасной вороной масти жеребец стоял на конюшне оседланным и ожидал седока“; это словосочетание при сравнении *формальном* со следующим: „*Прекрасный вороной жеребец* стоял на конюшне *оседланный* и ожидал седока“ обнаруживает следующее: в 1-ом из этих словосочетаний находится слово „*масти*“ в родит. пад. единств числа, с которым в роде, числе и падеже согласованы слова „*прекрасной*“ и „*вороной*“, которые и будут определениями к слову „*масти*“, но сама форма „*масти*“ не связана ни с одним словом этого словосочетания формантами прилагательных — определений, а вызвана к жизни словом — *жеребец*, и зависит от этой последней, как, напр., и в следующем словосочетании: „человек большого *роста*“, „змея двенадцати *вершков*“, и под., или „в шапке *золота* литого“ и под. Равн. образом в словосочетании: „стоял *оседланным*“ слово „*оседланным*“ в *этом виде*, в *этой форме*, *при этой связи* не будет определением, а в словосочетании: „стоял *оседланный*“ — слово *оседланный*, именно, будет определением к слову „*жеребец*“. Во всех же остальных из вышеприведенных словосочетаний: „*жеребец масти*“, „*стоял оседланным*“, „*человек роста*“, „*змея двенадцати вершков*“, а равно и в сочетании „человек *будущего*“, „*юноша двадцатого века*“ и проч. под. — все родит. падежи существительных, форма *будущего* и форма *оседланным* являются *приименными дополнениями*. (См. наши „Основы синтаксиса русского языка“ в Юбил. Сборнике в честь проф. Д. А. Корсакова. Казань, 1912 г.). Что касается слова „часто“, употребленного в этом словосочетании, то оно является опре-

делением слова, которое изменяется по лицам, а не по падежам, и обнаруживает то состояние (а иногда и действие), которое приписывается личным окончанием—*тъ* именительному падежу „трава“. Следовательно, слово „часто“ определяет собой состояние, выраженное глагольной формой „растет“, а определения глагольных форм выражаются в наших словосочетаниях *неизменяемыми* частями речи—наречиями. А потому слово „часто“, как наречие, является *приглагольным—определением* и не согласуется так, как согласуются со своими определяемыми прилагательные—определения, а стоит *вне* формальной связи с другими словами этого же сочетания. Таков характер наречия, как *приглагольного определения*. Срв. „*Грустил он часто над тобою*“. Отсюда следует, что *в формальной грамматике надо различать дополнения и определения, как простые прибавления к членам словосочетания*, не связанные формами согласования и управления с другими членами сочетания, а потому и *независимые*. Наблюдая далее затем, какими остатками форм приходится довольствоваться для выражения сказуемого, мы видим, что у нас осталась только форма *настоящего времени с тремя лицами в единств. и во множ. числе и две формы повелительного наклонения 2-го лица един. и множ. числа*. Простой просмотр этих и подобных слов в процессе их склонения мог бы показать нам, что эти все слова, что́ бы они ни обозначали, представляют сосой типичные имена прилагательные: лесничий-аго-ему-им-ем. Или такие слова, как „передняя“ (комната), „прихожая“ (комната), „гостиная“ (комната) и под. тоже не должны считаться именами существительными, если не принимать при решении этого вопроса в рассчет *значений*, как это делают доныне *образцы логических грамматик*. Так. обр., если устоять на той точке зрения, что каждое слово, несмотря на те изменения, которые оно пережило в языке в течение времени, всетаки сохранило признаки своей *формальной устойчивости*, то нам придется при занятиях языком иметь дело *с формою, а не со значением*. Ведь не считаем же мы, что сущ. *именины, крестины* и под. суть множ. числа, хотя и „означают“ каждое *один* день, и все таки, несмотря на это, мы говорим: „*мои* именины *будут* завтра“, „*твои* крестины *были не веселы*“ проч.

Значит, несмотря на значение слова, форма его *руководит связями с другими словами в сочетаниях*. Так и в форме „служил“, „жил“, „был“, „мерз(л)ъ“ (срв. мерз-л-а, мерз-л-о), „читал“ и проч. формы, считаемые логическими грамматиками за формы прошедшего времени, изъявительного наклонения глаголов, перед нами являются словами прилагательными в бесчленном виде (в именной, не местоименной форме) и потому означают: служившего, бывшего, жившего, мерзшего, читавшего и проч. Срв. „дело служилое“, „время

былое", „мясо мерзлое", „помещение жилое", „книга лежалая" и т. д. Интересно также всмотреться в наши формы условного, сослагательного наклонения. Есть ли у нас сослагательное или условное наклонение вообще в глаголах? Так как наклонением в глаголе называется такое образование, которое, имея свои образовательные суффиксы, изменяется по временам, лицам, числам и залогам, то наклонений в русском глаголе нет никаких, кроме изъявительного и повелительного, а потому и строение тех глагольных форм, которые логическая грамматика *по значению* привыкла считать сослагательным (позже стали называть *условным*) и неопределенным (недавно стали называть *инфинитивом*) наклонениями, представляет из себя либо остаток старого прошедшего сложного времени, когда-то означавшего *условие*, отчего и наша форма стала называться *условным* наклонением, хотя она далеко не всегда означает условие совершения действия; срв вышеприведенный пример: „я желал-бы так заснуть", но „я пошел бы гулять, *если-бы* было время" и под. Отсюда мы видим, что не форма „желал-бы" или „пошел-бы" означает условие, а союз „если-бы", либо неизменяемую форму с суффиксом—*ть*, которая представляет собой остаток падежной формы, образованной от глагольной основы. Таковы у нас остатки форм, среди которых для выражения сказуемого остается лишь одна форма с частицей *бы* при прошедшем времени изъявительного наклонения. Возьмем примеры. В каждом из примеров мы наглядно увидим, что *у нас наклонений не сохранилось*: все формы сложного состава, приводимые в примерах ниже, способны выражать и желание, и просьбу, и повеление, и условие, смотря по их интонации и по союзу, на самом же деле все они представляют собой формы *несклоняемого причастия прошедшего времени с суффиксом лъ-ла-ло* и с прибавками или *частиц*, образовавшихся из остатков глагольных форм (напр.,—*бы* из старого аориста *быхъ* в 3-ьем л. ед. ч.), или *союзов* (напр., условного в соединении с этой же частицей глагольного происхождения). Напр., „Ты-бы отдохнул" (=„отдохни", желательно, чтобы ты отдохнул); „пошел-бы ты за молоком" (=„пойди за молоком; желательно, нужно, чтобы ты пошел); „подсел бы ты поближе" (=подсядь!) „а посмотрел-бы ты, что там растет и зреет" (=если-бы ты посмотрел, то увидел-бы, что там растет..) „Выходил бы ты почаще на воздух, ты-бы был здоровее" (=будешь выходить..., будешь здоровее; или: „выходи ты почаще на воздух, ты был бы здоровее"). Отсюда ясно, что наш язык теперь не имеет особых форм наклонений, как имел в старое время.

Е. Будде.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

10

Отдельные оттиски из Научно-Педагогического Сборника ВПИ зып. I, III и IV.

Главлит ТССР № 292. Зак. № 1624. Тираж 200 экз.

Казань, 1928 г. Типография „Красный Печатник" Татполиграфа, Казанская, 9.

10